

Александр Плетнёв

ОДИНОКИЙ РЕЙД

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Тяжёлый атомный ракетный крейсер «Пётр Великий» проекта «Орлан», обладающий (благодаря атомной энергетической установке) завидной автономностью. Несет на вооружении 20 мощных противокорабельных ракет, 94 дальнобойные и 272 зенитные ракеты ближнего радиуса действия. Не считая противоминных средств, 30 торпед, трёх вертолётов и артиллерии...

ТАРК «Пётр Великий» проваливается из наших времён в недалёкое прошлое, в южную Атлантику, оказавшись вблизи границы двухсотмильной зоны одной маленькой, но такой любопытной войны. И волей-неволей ввязывается в драку.

- [Александр Плетнев](#)
 -
 - [Баренцево море](#)
 - [Уже не там, а где-то здесь, и не когда-то. А сейчас](#)
 - [Фолкленды-Мальвины](#)
 - [Крейсер «Пётр Великий»](#)
 - [Аргентинцы](#)
 - [Крейсер «Пётр Великий»](#)
 - [Подготовка и развёртывание](#)
 - [Крейсер «Пётр Великий»](#)
 - [Вокруг да около, далеко и близко](#)
 - [Крейсер](#)
 - [Поворот](#)
 - [Недалеко накануне](#)
 - [Крейсер](#)
 - [Крейсер](#)
 - [Крейсер](#)
 - [Масштабы и планы](#)
 - [Крейсер](#)
 - [На суше, но всё о том же...](#)
 - [Крейсер](#)
 - [Оставленные... побитые и несчастные](#)
 - [Раскинулось море широко...](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)

Александр Плетнев

Проект «Орлан»: Одинокий рейд

© Александр Плетнев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Баренцево море

Зачастую мы состоим из кучи незаметных и обыденных мелочей, нежели из чего-то большого и важного.

Как там в песне: «...а море смеялось...»?!! Хрен оно смеялось. Здесь, в северных широтах, да ещё в это время года оно, как правило, хмурое, как и небо, набрякшее свинцом низких облаков, плюющееся леденистыми каплями. И ветер, сырой и промозглый, треплющий колючим скрабом мороси и снежинок, единственное, что не укрыто под штормовым плащом – лицо.

Терентьев щурился на ветер, закрывая наветренную щеку отворотом капюшона, глядя с открытого мостика, как при очередной смене курса крейсер подставляет то одну скулу под удары волн, то другую. Впрочем, при таком волнении, на 16 узлах, двадцатishеститысячитонный корабль стальным монолитом взрезал беспокойное Баренцево море, словно не замечая взлохмаченных волн, отбрасывая пенные усы уже ближе к полубаку – следствие большого развала носовых обводов. Иной раз особо рьяная волна вздымала тучи брызг, но высокая носовая конечность и в худшую погоду не допускала забрызгивания палубы.

Взгляд невольно скользнул на рядки крышек-люков, закрывающих главный ударный комплекс – двадцать крылатых ракет «Гранит».

«Всё-таки смеётся, – сделал вывод капитан 1-го ранга Терентьев, командир атомного крейсера “Пётр Великий”, – только недобро как-то, пакостно».

После его вступления в должность командира корабля крейсер в основном торчал у причальной стенки, лишь пару раз выходя на выполнение учебных задач по стрельбам и маневрированию. Однако эволюции корабля были ограничены по длительности. Экипаж на «Петре» был недоукомплектован, и ко всему ещё многие матросы и даже офицеры были новичками. Причина была в систершипе «Петра» – крейсере «Адмирал Нахимов», модернизация и ремонтные работы на котором подходили к завершению. На спешно доведённый до ума «Нахимов» просто не успевали набрать и обучить экипаж. Фактически полный апгрэйд по радиоэлектронной аппаратуре и новым системам вооружений требовал новых людей, с которыми тесно работали заводские специалисты. Но

большинство же БЧ^[1], таких как ходовая, румпельная и остальные основные системы, остались фактически прежними. Вот этих парней из экипажа «Петра» и забрали на новообкатываемый крейсер.

Командование божилось, что как только они натааскают там своих новобранцев – людей вернут. Терентьев же не особо в это верил и гонял своих в хвост и гриву. Сначала у причальной стенки по теории и с неработающими механизмами, доводя действия матросиков до автоматизма (типа имитации действий: там повернуть рычажок, тут щёлкнуть тумблером и так далее). А уж потом и в короткие эволюции крейсера в море. Радовало хоть то, что доходяг-срочников было не более трёх десятков – основной экипаж состоял из офицеров и контрактников.

На командование он был не в обиде, понимая – если бы не обстоятельства с ускоренным вводом в эксплуатацию «Нахимова», то ему вообще не видеть этой должности. Проблема для него была в другом.

С некоторых пор Терентьев заметил, что любовь к морю изменила свой идеалистический окрас. Месяцы рутинной службы на берегу сыто расслабляют: когда приходишь на корабль от уюта и домашних котлет как на какой-нибудь завод-фабрику, только что выслушивая бравые рапорты у трапа и на мостике.

«Даже брюшко появляется», – с лёгким презрением думалось ему.

Но эта идиллия с берегом длится недолго, и незаметно подкрадывается нудящее ощущение скуки и некий зов моря. И уже вступив на палубу, протопав по переходам, поднимаясь на мостик, вдруг замечаешь, как в тебя проникает через подошву ботинок затаённая вибрация не замолкающих механизмов. И ты невольно достраиваешь в мозгу многоэтажную конструкцию корабля, понимая его величие и силу: начиная от чутких «ушей» локаторных антенн, через посты различных БЧ и покоящихся в контейнерах боевых ракет, выжидающих своего часа, до необузданной, но прирученной энергии ядерной установки.

Последующий выход в море переполняет эйфорией ожидания новизны, сопровождается неким чувством привычной значимости. Однако эта жажда странствий оказывается быстро насыщаемой. Почти мальчишеский восторг куда-то улетучивался, заполняясь учебными или, естественно, условными боевыми буднями. Тянет назад, домой...

– Стар ты стал, – говаривал он порой, ловя себя на очередном хмуром ворчании. И тут же отшучивался: – Не дождётесь!!!

Как водится, оправдывая себя той или иной причиной этого самого недовольства, находя основной довод – «ответственность». Может, в этом и

были основания у командования КСФ^[2] назначить именно его командиром «Петра» – спокойного, рассудительного и не особо рвущегося в боевые походы, пока крейсер вынужденно простаивает?

«Нет! Не смеётся, – Терентьев уже не столько всматривался в теряющийся в сером мареве горизонт, сколько к своим ощущениям, – оно сразу как-то зловеще ухмылялось. Изначально».

В этот раз из штаба дали добро пробежаться подальше, даже отработать взаимодействие с новеньким СКР «Туман»^[3] учебную задачу по противолодочному поиску. Да и сам Терентьев небезосновательно считал – теорию надо подкреплять усердной практикой.

В роли «противника» намечалась новейшая дизель-электрическая лодка проекта 677 под шифром «Лада», вышедшая с пункта базирования на последовые мероприятия.

Подводники в играх участвовать не собирались. У подплава свои заморочки: дифферентовка, погружение на рабочую глубину, проверка герметичности прочного корпуса. Но поработать по ним издали разрешили.

Тут главное было не мешать подводникам, не заходить за «забор» (линию разграничения на карте).

В общем, ничего сложного не намечалось – обычная отработка противолодочного поиска в заданном квадрате.

– От буя до буя! – по-своему интерпретировал капитан второго ранга Скопин – старший помощник командира корабля.

Снялись с бочки, вышли в Баренцево и почти сразу на радарх поймали обещанного пограничниками^[4] супостата – крутится у границ территориальных вод.

Дали полный ход и вскоре установили визуальный контакт. Опознали норвежский корыто-корвет типа «Нордкап» – ровесник «Петра»^[5].

«Амеры – те обычно отбегают подальше наших от “Гранитов”, – Терентьев в бинокль рассматривал маячивший на траверзе всего в тридцати кабельтовых норвежский корабль, – а эти – викинги, блин, как ни в чём ни бывало крутятся у самых тервод. Гадово племя!»

Не любил он их, таких правильных, цивилизованных....

«Европейцев, мать их, с их так называемыми ценностями. Зато когда страна была в беде-разрухе, эти все лезли – раздербанить, урвать кусок. Вся эта АНТАНТА. Что характерно, и норвежцы туда же – выхватить себе

добычи, пока по зубам дать не могут^[6].

Понятно – давно это было, но чем они лучше сейчас? Считают себя тут хозяевами моря, устраивая “рыбные войны”, с ими же выдуманными правилами и ими же порой нарушаемыми».

«Туман» пристроился в кильватер «Петру». Держась территориальных вод, двинули в заданный район. Норвежцы, естественно, увязались, следуя на траверзе.

Вышли в «свою» зону, почти к самому рубежу разграничения районов с подводниками. Гидроакустического контакта с «Ладой» установить не удалось. Не отвечала подлодка и по звукопроводной связи.

– Может, их тут вообще нет, – засомневался старпом, – отработали, довели лодку до навигационного состояния и тю-тю – в Ли́цу^[7]. Ещё этот «норвежец» тут ошивается... как-то он нетипично, сволочь, маневрирует.

Запросили СКР «Туман» – те тоже признались в бессилии, хотя у них поисковая аппаратура стояла самая современная.

– Подойдём ближе? – не терпелось старпому.

– Там «забор», – предупредил штурман, – вертолёт бы туда с буями, но не спортивно...

– Эта пронырливая, а вернее, поднырливая братия специально решила нам устроить западло, а потом поржать на досуге, что опять поводили за нос «надводных», – насупился Скопин – сказывался лёгкий холодок взаимного неприятия подводников и надводников, сложившийся ещё в военных училищах.

Доложили оперативному дежурному в штаб. Там, видимо, тоже «болели» за своих. Быстро выяснили в Заозёрске (в штабе подводных сил) – лодка на позиции и предложили... «Немного зайти в зону подводников. Осторожно».

– Не, ну не мудаки? – наливался возмущением старпом. – «Осторожно» это как? Чтобы их акустики нас прозевали? Лодка на тесте, взбредёт им в голову неожиданно всплыть... и угораздит аккурат нам под киль.

– Значит так, – принял решение командир, – идём за «забор», ход полный – так нас точно услышат. Милю. Затем циркуляция – выходим. СКРу оставаться в зоне маневрирования – вести акустический поиск.

А бедовый подплав действительно решил поиздеваться над коллегами-надводниками – и тоже подошли к границе. Подкрались совершенно

незаметно.

Тихие они очень – «Лады».

И когда ТАРК взбаламутил воду винтами, тут же вышли по «звукоподводной», передав условным: «вы торпедированы». И ничего лучше не придумали, как всплыли под перископ.

Чего они не учли, так это циркуляции тяжелого крейсера. Тяжёлого во всех отношениях, имеющего нехилую инерцию.

– Перископ прямо по курсу, пять кабельтовых! – заорал сигнальщик.

– Стоп машина, – немедленно среагировал командир, взглянув на лаг и возрадовавшись, что корабль не успел набрать полные тридцать два узла.

Следом команда – и рукоятки машинного телеграфа дважды отыграли на «самый полный назад», затем на «стоп» и снова на «полный назад». То есть отработали максимально возможный задний ход. Распоряжение ушло трансляцией по всем линиям связи и отдельно в ПЭЖ^[8] (так положено).

Вот на этом тягучем моменте пришлось поволноваться. Перископ приближался, отрабатывать рулями было не совсем разумно из-за заноса кормы. Решение было принято правильное – только «полный назад». Машины надрывали винтами воду в реверсе...

И наконец, крейсер, замедлившись, попятился... попятился, да так бодро, что даже кильватерный след от носа появился. Кто-то в рубке вздохнул с облегчением.

А как всегда не сдержанный на язык Скопин вроде бы не к месту, но по эмоциональному окрасу вполне подходяще ляпнул:

– Лежу я на ней... спрашиваю: «Тебе не тяжело?» А она в ответ томно: «Это приятная тяжесть!»

И понимай, как знаешь. А никто и не переспрашивал – заняты!

Отработали «стоп машины» и «малый вперёд», довершив циркуляцию.

Атомный исполин, выписав замысловатые элементы движения, под любопытными взглядами скандинавов лёг на курс вдоль условной границы разграничения.

А подводники по радиосвязи, как ни в чём не бывало, выразили своё неудовольствие, что крейсер влез в их район, убрали все свои штыри и мягко растворились под водой. Точнее, попытались – с «Тумана» доложили, что акустический контакт с лодкой не утерян, и «скинули» на БИЦ^[9] крейсера пеленг и расчётный курс субмарины. Началось то, зачем пришли – прогон акустических систем и молодых специалистов в противолодочном поиске.

Размотали за кормой буксируемую гидроакустическую антенну, и

пошла работа.

Но учебная отработка на «своих» плавно (а точнее неожиданно) перешла в кошки-мышки с «чужими».

Сначала с БИЦа на мостик «стуканули», что по линии особого отдела пришла срочная «секретка». Следом заявился сам особист – доложил-положил дешифровку и по-быстрому ретировался, потому как имел вид бледный и болезненный.

Терентьев не успел ещё с ней ознакомиться, как пришла новая вводная из штаба – подтверждали сведения, полученные от разведчиков.

Суть была в нахождении в их секторе британской подводной лодки.

Осведомленность командования включала даже тип и название: ПЛ – атомная торпедная. «Артфул». Совсем свежей постройки.

Нашупали «британца» там, где и ожидали – под килем «Нордкапа». И сразу стали понятны странности эволюций этой посуды с надписью «KYSTVAKT»^[10].

«Интересно, если бы не наводка из штаба флота, наши слухачи смогли бы её обнаружить?» – мрачнел мысленно Терентьев.

«Норвежец» своими винтами весьма эффективно забивал все шумы атомохода, и ходили они как привязанные, словно тренировались уже где-то такой слаженности.

Как бы то ни было, с «Тумана» доложились об установлении гидроконтакта весьма скоро.

Задачи по отработке взаимодействия никто не отменял, но решили отказаться от использования вертолётов в гидроакустическом поиске, чтоб не пугать потенциального противника – пусть думают, что мы не знаем про лодку.

Так и крутили до темноты, то расходясь с «натовцами», то сокращая дистанцию, то теряя гидроакустический контакт с «британцем», то снова восстанавливая.

Ночью то же самое, только не таясь, «поглядывали» друг на друга, облучая радарами.

А утром «Нордкап» убежал в сторону своих берегов, буквально бросив подлодку. Это было любопытно наблюдать – как потерявший свою тактическую накидку-невидимку «британец» сначала притаился, скользя под водой на скорости не более двух узлов, словно в растерянности, а потом надо было быть дураком, чтобы не понять, что он обнаружен. Тогда

уже не скрываясь, субмарина, развив двадцать узлов, направилась на северо-запад.

«Туман» увязался следом, забрасывая навесик из гидроакустических буёв с вертолёт, чем удавалось сравнительно легко сопровождать субмарину. «Артфул» дал максимальные 29 узлов, уходя по струнке, тем самым выказывая намерение оставить этот район. Ко всему из штаба пришла «квитанция»: «...в целях ненагнетания обстановки и во избежание провокаций...» и новые вводные. Сторожевик, лениво выписав пенную дугу, лёг на обратный курс.

Вскоре командир «Тумана» передал на крейсер, что перехватил радиообмен по пеленгу подлодки.

«Наверняка на перископ всплыли, пытаются у своих прояснить обстановку через спутник связи», – пришёл к простому выводу Терентьев, отдавая распоряжение «отбой учебно-боевой».

СКР «Туман» отработал положенную программу с новейшей аппаратурой для обнаружения неатомных (особо бесшумных) подводных лодок. И как тактично выразился командир сторожевика, теперь требуется «заводское тестирование».

«Туман» ушёл на базу.

«Петру Великому» следовало выйти в другую расчётную точку.

Баренцево море. Несколько часов спустя

С мостика Терентьев наблюдал, как две маленькие точки-мухи над морем медленно обретают очертания, превращаясь в винтокрылые машины.

Больше глазу не за что было зацепиться – разбегающаяся во все стороны ширь моря превращалась в однородную серую массу, сливающуюся с по-прежнему таким же свинцовым небом.

Более-менее крупные айсберги ожидались ближе к Шпицбергену, однако сейчас не было видно ни одной приличной льдины.

«Но, судя по крепчающему северо-восточному ветру, ледники в нашу сторону погонит с Земли Франца-Иосифа».

Ухудшение погоды не удивляло, воспринималось как неизбежное зло северных условий мореплавания.

«Скоро стемнеет. Если разыграется шторм, не помогут и успокоители качки. Не хватало, чтобы кто-нибудь из парней гробанулся или ударил машину о палубу».

Он вдруг почувствовал навалившуюся усталость и ноющую головную боль. Сказывались напряжение последних суток и дёрганные вводные из штаба флота.

Наполнив стакан воды, он проглотил пару обезболивающих таблеток, украдкой заметив понимающий, почти сочувствующий взгляд вахтенного, что было неприятно, словно его уличили в слабости.

«Чёрт побери! – выругался он мысленно. – Завалишь вот так голову всякими заумностями, и мозги начинают распухать, не вмещаясь в голове. Так и хочется сделать дыру в черепе и выпустить всех этих мух вместе болью».

– Экипажу приготовиться к приёму вертолётов. Авиагруппе вернуться на крейсер, – приказал Терентьев вахтенному офицеру, – в связи с ухудшением погодной обстановки. В журнале сделать соответствующую запись.

Поочерёдно в течение получаса два «камова» без проблем оседлали пятачок на корме крейсера. Хотя вторую машину опускали в ангар уже с матами – к тому моменту корабль вошёл в зону низких кучево-дождевых облаков, и, несмотря на устойчивую палубу, порывы ветра потрепали ангарную команду.

– Вовремя, – старпом появился в ходовой рубке слегка взъерошенный, поправляя пилотку на влажных волосах, – шквалит – весь ангар в лужах.

– Вот, – Терентьев протянул ему листок радиограммы, – не вовремя!

Прочитав содержание, Скопин лишь мысленно сплюнул.

Сообщалось об аварии на британской подводной лодке «Артфул» с её координатами. Из штаба флота приказали оказать содействие, при этом имелось в виду лишь выслать вертолёт. Затем следовало подтверждение норвежской авиации по её местоположению.

– И как всегда – срочно! – негодовал Терентьев. – В этом весь флот! Всё что ни делается – всё непременно срочно! А сами британцы с ПЛ молчат и на запросы не отвечают! Что у них произошло – тоже не известно. Даже сигнала бедствия не шлют.

– Так, может, у них капитаном какая-нибудь Сара Уэст.

– Какая такая Сара?

– У бриттов фрегат «Портленд» – командиром баба, – пояснил старпом, – вот и представь, ей бы SOS послать, а она менжуетса в сомнениях – не примут ли её «сос» за сексуальное желание?

Реакция на цитрамон у Терентьева была своеобразная – боль как бы доходила до своего почти невыносимого пика, а потом резко отступала. Сейчас наступил именно самый болезненный момент. Поэтому на попытку

Скопина сдохнуть он скривился без какого-либо энтузиазма.

– И что может сделать вертолёт, да при такой балльности, – Скопин вдруг заметно помрачнел, однако снова не смог удержаться от подначки. – Даже если у их гомиков на борту просто запор случился – ведро пургену в море сыпануть? Так и то без толку – Гольфстримом разнесёт, лишь тюлени на Шпицбергене обосрутся.

Он ещё раз взглянул на «квитанцию», видимо прикидывая координаты.

– А ведь действительно, норвежцам-то со Шпицбергена до них рукой подать.

– Единственное, что их самолёт сообщил – лодка всплыла. Союзнички, мать их... И наши в штабе – молодцы. Наверняка их из Нортвуда^[11] напрямую попросили – наши не отказали, но вертолётот отмазаться решили. Как будто не знают про погоду.

– Ребят на «вертушке» слать – только машину потерять. Тем более скоро стемнеет. Но... помочь-то надо...

– Да знаю я... – отмахнулся Терентьев, наконец, почувствовав, как схлынуло давление в черепной коробке. Угрюмо поглядывая через рубочное стекло на буквально «упавшее» на море небо, низвергающее потоки дождя, коротко приказал: – Командуй поворот. На «Петре» подойдём.

Крейсер описал циркуляцию, ложась на новый курс, вгрызаясь в шторм.

Принесли карту погоды, которая мало того, что не обещала ничего хорошего – лишь усиление ветра, так ещё и при нужном курсе волна будет бить прямо в борт. Либо – идти зигзагами, растянув всю эпопею на несколько лишних часов.

Терентьев вызвал командиров боевых частей, поставил перед ними задачу, приказав готовиться к штормовому плаванию. Объявили и по корабельной трансляции, предупреждая остальной экипаж.

– Как скоро дойдём? – спросил у штурмана.

– Часа за три там будем.

– Если ничего не случится, – пробормотал Скопин, выискивая чего-нибудь деревянное, чтобы суеверно постучать. Ничего слёту не нашёл, плюнул на это мнительное дело и накликал себе... приключение.

Волна стала конкретно лупить в правую скулу, вздымая брызги выше полубака, обильно кропя палубу. Но, несмотря на то что температура была примерно околонулевой – всё же успевала стекать через шпигаты, не образуя наледи.

Помимо качки, периодически ощущалось неприятное вздрагивание при встрече с особо крутой волной.

Непорядок обнаружил вахтенный офицер, смотрящий с ходового мостика прямо по курсу, поэтому нос корабля был у него, что говорится, постоянно перед носом.

А «непорядок» заключался в том, что усердие стихии нашло слабое место – при очередном ударе волны на срезе полубака сорвало с замков ящик, закрывавший электровыключатели от правой выюшечной^[12].

Вахтенный – молодой офицер, из новеньких, сразу доложил о происшествии.

С командного пункта на «ходовой» поднялись старпом и командир. Прильнули к носовому остеклению. Включили прожектор.

– Вон он, болтается. Водой зальёт – коротнёт.

– Устранить, – Терентьев не увидел ничего особо аврального, – только аккуратно там, снаружи. На время работ – курс по волне.

И бросив Скопину «проконтролируешь», ушёл на ГКП^[13].

Необходимости идти с боцкомандой старпому не было, но переклинило – «контролировать так контролировать».

Вместе с командиром трюмной группы в правом коридоре верхнего яруса построили аварийную партию и носовую швартовую команду.

Старший мичман (главный боцман) прошёлся вдоль строя, набирая группу для работы на баке в штормовых условиях. Всё по инструкции – надели спасательные жилеты, боцман лично проверил крепления ремней, в том числе между ног, чтобы жилет не слетел через голову при (мало ли) падении в воду.

Предупредили «ходовой» о готовности к выходу наружу. Дождались, когда корабль повернёт по волне, заметно ощутив уменьшение качки. И пошли.

Дело оказалось несложным – провозились минут пятнадцать. Ещё немного подзадержались, на всякий случай бегло осмотрев на штормовую стойкость остальное навесное «хозяйство».

«Отбили» на «ходовой» о выполнении. Оттуда в ответ: «Покинуть

бак!», и торопыга вахтенный раньше времени отдал приказ ложиться на прежний курс.

Матросы и командир трюмной группы уже нырнули в проём двери. Последними уходили боцман и старпом.

Старший мичман – педант и строгий хозяйственник, ещё что-то осматривал у загрузочного люка «Форта». А Скопин просто (по инструкции) не оставлял его одного в штормовую погоду.

Вот тут при повороте корабля их и накрыла мощная волна разбушевавшегося Баренца. Боцман успел вцепиться в трап, идущий с ракетной палубы на полубак. А Скопина сбило с ног и понесло на волне, практически аквапланируя, к левому борту. Хорошо хоть ширина палубы позволяла успеть сгруппироваться, и старпом впечатался в фальшборт ногами, а никаким другим чувствительным местом.

Когда вода схлынула, матерящийся мичман его буквально за шкуру втащил внутрь, уже через левый выход с полубака.

Потом оба мокрые с ног до головы задраили бронированную дверь и, оставляя за собой мокрые следы, решительно собрались на «ходовой» с намерением устроить взбучку молодому вахтенному.

– Погоди! – остановил уже пришедший в себя Скопин. – Надо предупредить остальных. А то нас нет, полезут искать, а на палубе пусто. Подумают – смыло...

– Точно, – продробил боцман, у которого после холодного купания зуб на зуб не попадал, – этот долбодятел сейчас ещё завопит «человек за бортом», и корабль развернёт на поиск.

– Да ладно тебе. Сами виноваты. Нехрен было у этих люков задерживаться, – немного смягчился Скопин. Но окончательно пришёл в себя уже под душем, смывая горячими струями раздражение и озноб.

Немного Royal Navy

На английской подводной лодке «Артфул» отказало автоматическое управление ядерной установкой. Естественно, реактор был заглушен вручную. Решили возвращаться на базу, однако возникли неполадки и с дополнительным двигателем, вызвав мрачный комментарий у командира подлодки, почти повторяющий известную фразу ещё одного британского флотоводца^[14]. «Что-то с нашим чёртовым кораблём сегодня не так...»

Субмарина потеряла ход. Лодку надо было буксировать, но британских кораблей поблизости не было, а союзники-скандинавы были плотно заняты

своими проблемами. Забота адмиралтейства вылилась в обещание прислать самолёт (чем, интересно, в этой ситуации могла помочь авиация?), потом из Лондона вышли на русских, но там тоже отделались вертолётom с крейсера «Пётр Великий».

Русский крейсер пришёл сам, точно выходя на радиопеленг, издалека высветив субмарину мощным прожектором.

– При такой балльности буксировка будет весьма затруднительной, если вообще возможной. Хотя у этих русских хватит дури это проделать, – перекрикивая вой ветра, довёл вслух свои рассуждения командир британской ПЛ присутствующим офицерам, не сомневаясь, что и его ребята не подкачают.

А лодку качало основательно. Волны мощно перекатывались через корпус, и самые настырные, разбиваясь о рубку, норовили окатить брызгами торчащих на самом верху членов экипажа.

Ситуация с буксировкой британскому командиру откровенно не нравилась. Можно сколько угодно говорить об английском снобизме и гордости, но когда тебя поведут на верёвочке, это будет выглядеть весьма унижительно. Восстановительные работы с запасным двигателем не прекращались. Ко всему, командир приказал до подхода русских попытаться взять под контроль и системы управления реактором.

Всё внимание британцев было приковано к приближающемуся крейсеру.

– Ну, вот что за хамство, так слепить прямо в глаза! – воскликнул старший вахты, пытаясь что-либо рассмотреть из-под ладони.

Его словно услышали, и луч скользнул правее, забежал, словно выискивая что-то на водной поверхности. В этот момент лодку дважды тряхнуло. Едва удержавшись на ногах, обернувшись, британские офицеры с ужасом наблюдали водяной столб подводного взрыва у правого борта.

ТАРК «Пётр Великий»

Как и рассчитывал капитан 1-го ранга Терентьев, к месту вышли через три часа (волнение на море сожрало один узел).

Британцы в радиообмене были предельно лаконичны, точны, но у него сложилось такое впечатление, что не им нужна помощь, а они (альбионцы) делают некое одолжение.

– Козлы, – флегматично прокомментировал сие Скопин.

Вышли по радиопеленгу, подсвечивая радарами. С трёх миль до субмарины перемигивались узконаправленными ратъерами, затем врубили прожектор – сразу взяв «британца» в световое пятно.

Терентьев не услышал взрыва – звук не поспевал за светом. Он вдруг увидел, как на том месте, где погрузилась во мрак подлодка англичан, пробежали алеющие нити-трещины, вырисовывающие условный контур субмарины, переходящие в невыносимый, расширяющийся белый свет, ударивший по вооружённым мощной оптикой глазам. Инстинктивно прикрывший веки Терентьев всё же успел получить свою долю светового шока, на время ослепнув.

Детонация боекомплекта подлодки ударила по внутренним переборкам, ломая защиту реактора, расколола прочный корпус.

Но процесс неожиданно перешёл на иные физические принципы, породив энергетический выброс, в том числе и электромагнитный импульс. Длилось это миллисекунды, затем всепроникающая сила гравитации остановила разбегающуюся от атомной подлодки распоясавшуюся энергию. Словно при обратной съёмке потащив назад к своему источнику. Не останавливаясь, сначала схлопывая то, что осталось от британской субмарины – кипящая сама в себе смесь фугасной детонации с содержимым активной зоны реактора. Затем потянув за собой ближайший атомарно весомый предмет – крейсер «Пёрт Великий».

Совершая гравитационный пробой, энергия взрыва вконец истощилась, окончательно замкнувшись на себя. Исчерпавшись, радиоактивно смердя, тонула оплавленным бесформенным куском на дно уже не моря, но океана, уже не здесь, а где-то там, и не сейчас, а когда-то. Где-то в своём «там» и своём «когда» оказался и русский крейсер. В другом времени... или в другой реальности?

Уже не там, а где-то здесь, и не когда-то. А сейчас

Станет тесен весь мир и не вдруг, Посмотри, свою скуку убей, На Вселенную – ту, что вокруг. Я её подарю всю тебе.

Ощущение полной беспомощности и паники Терентьев выдавил из себя едва ли не насильно. Боясь коснуться глаз, после неконтролируемого óра (оправдывало, что в основном злого мата, а не скулежа) командир быстро провёл переключку в ходовой рубке, уточняя дееспособность офицеров.

Естественно, сыграли «боевую тревогу», управление кораблём взяла на себя новая вахтенная смена. Пострадавших (их было немного – весь экипаж находился в закрытых помещениях) офицер медицинской службы отправил в медицинский блок. Несмотря на протесты медика, командир оставался в рубке, отдавая распоряжения.

– Радиотехнические средства, – Терентьев спрашивал, морщась – ему на лицо делали повязку, – ЭМИ было?

– Тестируем – импульс лишь лизнул. В целом локаторы и гидроакустическая аппаратура в норме, – офицер радиотехнической службы продолжал сверяться с показаниями на мониторе, – датчики поймали немного гамма, но если это и был ядерный взрыв, то какой-то недоделанный. Сейчас восстанавливаем системы связи.

– Реактор?

– Стабильно.

– Что с людьми?

Фельдшер-старшина, хлопотавший вокруг командира, увидел, что на него уставились вопросительно, слегка растерялся.

– Пономарёв говорит, что поражение сетчатки не сильное, – нашёлся штурман, – не больше, чем от сварки. В целом прогноз положительный. Сутки на восстановление. Вас сильнее всего с вестовым ожгло. Остальные отделались легче.

– Вспышка была короткой. Хотя матрица видеорегистратора имеет повреждения, удалось приблизительно установить и интенсивность по зафиксированному изображению, – и, предвосхищая вопрос Терентьева,

офицер службы БЧ-7^[15] уточнил: – Там ни черта не разобрать, кроме вспышки.

В рубку стремительно влетел Скопин, прижимая к глазу влажный тампон. Вероятно, слишком влажный, потому что по щеке у него стекала тонкая струйка бесцветной жидкости.

– Командир! Надо в лазарет, пусть Пономарёв обработает глаза, – начал он с ходу. Увидев на лице Терентьева недовольную гримасу, наклонился к уху: – Коля, надо! Ты же не хочешь потерять зрение.

– Ты как?

– Я нормалёк! Я вообще на тот момент карандаш обронил. Левый слегка пощипывает и всё!

– Что за бортом?

– Тишь да гладь, если не считать штормовой погоды.

Скопин взглянул на связиста, вздёргивая головой в молчаливом вопросе. Тот также молча, поглядывая на экран, отрицательно покачал головой.

– Связи нет, ни «джи-пи-эс», ни «глонасс».

– Восстановите работоспособность – свяжитесь и доложите о нештатной ситуации.

– Само собой. Только странно всё как-то, – озадаченно проронил старпом, – прям такое впечатление, что нас перекинуло... перенос ети его.

– Что? – не понял Терентьев. – Какой нахрен ещё перенос?

– Да шутка, конечно, – тут же осадил Скопин, но без намёка на веселье. Скорей даже зло. Бросил короткий взгляд в сторону консоли с мониторами. – Координаты пока не установили. Вот только погода! Штормит как-то... по-другому. Даже запах у моря иной. Вот и лезет всякий бред, как в любимых книжках моего племяша. Про этих, как их... вспомнил – попаданцев. У нас тут кое-кто из любителей подобного чтива уже выдвигает версии, что либо в Отечественную забросило, либо в русско-японскую. А то и вообще нашего «Петра Великого» к Петру Первому с его «флоту быть!».

– Упаси от самодура, – неожиданно пробурчал Терентьев, готовый уже поверить в любой сценарий. Его, видимо, слегка подташнивало, и он туго соображал. – Ладно! Ты за главного. Без авантюр. Обо всём докладывать. Я в лазарет. Как мне...

Опершись о подлокотники кресла, он осторожно встал.

– Так, парни, – старпом обратился к двум матросам-контрактникам, что пришли с ним, – командира сопроводите в медчасть. Только аккуратней, лихоманы.

«Ерунда всё это! С переносом в русско-японскую пятого года, и уж тем более с петровской эпохой», – казалось, Скопин был разочарован, принимая обработку данных с постов радиотехнического контроля.

Часть приёмопередающих блоков были оперативно заменены, и корабль снова полноценно обрёл способность видеть, слышать и активно заявлять о себе.

– Товарищ капитан второго ранга, – доложил вахтенный, – все требования по восстановлению связи с оперативным центром ГШ выполнили.

– И?

– Ответили, но полной абракадаброй. Может, попробовать по открытому каналу?

– Пока погоди. Осмотримся сначала, – не стал спешить старпом, – чёртова темень и тучи, даже на звёзды не взглянуть.

– Радиоэфир очень насыщен, даже на коротких волнах, – через двадцать минут отчитывался командир БЧ-7, – более того, по конфигурации сигналов предполагаю на орбите широкую орбитальную сеть.

– Американцы? Наши?

– По радиоэлектронным профилям идентифицируются и наши, но коды другие. Запасные, аварийные и прочие. Попробовал несколько схем связи, в том числе через узел связи «Марево».

– И чего?

– Подтвердили приём и сразу: «Вы кто?» Я тоже в открытую – код корабля и название. Они – «повторите». Я и...

– И чего?

– Да там вроде салабон сидел, а потом влез какой-то «мат-перемат» и послал куда... в общем, говорит, «передавай привет дяде Сэму». Может, подождём чутка, и шестнадцатый канал используем?

– А у нас серьёзная авария? – не согласился Скопин. – Давай не будем заниматься торопистикой. Ща по аварийному каналу выйдешь, и набежит целая свора не пойми кого.

– Разрешите доложить!

Прослушивать, в том числе и УКВ-эфир, Скопин посадил молодого парня-срочника. Тот знал ещё пару иностранных языков, помимо доминирующего в последнее время английского, и мог выудить что-либо

проясняющее из вещаний многочисленных радиостанций.

– Разрешите доложить! – ещё раз повторил матрос, видя, что занятые важным офицеры не обратили на него внимания.

– Ну.

– Товарищ капитан второго ранга, – матрос стащил наушники только с одного уха, продолжая крутить ручку резистора настройки, – вы, по-моему, правы – это похоже на перенос.

– Мотивируй.

– Можно сказать о сегодняшней дате – первое или второе мая. Год... даже в новостных каналах не называют, я пока не услышал – но дайте время. А вот судя по музыке, хотя тут много латинской темы – это всё же ретро какое-то.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовавшись, Скопин потянул к себе наушники.

Однако стоило более пристрасно прослушать эфир, и наконец всплыла точная дата, со столетием и годом включительно. И реперы «Маяка» словили в обязательном порядке.

А через полчаса горизонт посветлел, и штурман подвёл последний штришок в определении координат. Эти совокупные данные заставили серьёзно задуматься внешне почти всегда улыбчивого капитана 2-го ранга Скопина, замещающего командира.

«Неспроста», – это было первое, что пришло ему на ум. Но к этому «неспроста» он не мог пока даже вообразить каких-либо действий, и уж тем более приложить.

«То-то в радиоцентре узла связи ВМФ нас сразу отфутболили. За разводку супостата приняли. Всё же какая заманчивая провокация! – Скопин, пощёлкав по клавишам, выкладывая данные из своего ноутбука и их нынешние координаты, примеривая их – и так и эдак, – хотя маленько пошалить-то и можно было бы».

Вызвал командира БЧ-1.

Штурман, капитан 3-го ранга, служил на крейсере уже три года и считался на корабле своего рода «дедушкой». На берегу и в той жизни у него остались жена и двое детей. Он ещё не осознал того факта, что может их уже никогда не увидеть, но мысли об этом не располагали к веселью.

Хоть штурман и являлся младшим по званию, но по годам лет на пять был взрослее старпома, поэтому испытывал непреднамеренное отеческое чувство ответственности к некоторым товарищам по службе – эдакую запутанную смесь субординации, разницы (пусть и маленькой) в возрасте и панибратства совместных попок, где все были априори равны, как честно

разлитое по стаканам. И просто обязан был спросить:

– По оперативке так ни на кого и не вышли?

– Да офигеть! Задача штатная, а ни в какую – два раза ещё пытались, – честно расстроился старпом, – лягнули им даже координаты наши, в надежде, что заинтересуются и, глядишь, болтающееся поблизости судно-разведчик перенаправят. Так хрен! Наоборот – озлобились, тупо как провокаторов затроллили, явно заподозрив, что мы подстава бриттов замазать СССР в конфликте у Фолклендов.

– А по линии особиста не пробовали?

– Может, попозже – он скрюченный лежит с животом...

– Ладно. Давай, что там у тебя.

– Смотри, Виктор Алексеевич, мы тут, – Скопин раскрыл электронный планшет с картой.

– В курсе, – мрачно кивнул штурман, – куда пойдём?

– Домой.

Штурман снова кивнул, полностью одобряя решение помощника капитана.

– Обогнём острова по большой дуге, но курс надо проложить, чтобы пройти в ста милях от этой точки, – Скопин поставил маркер на карте, – крюк небольшой, но...

– Капитан сказал в глупости не лезть.

– А мы и не будем, – пожал плечами старпом, – мы просто укажем этим растяпам, что за ними охотятся, и пойдём себе дальше.

– Зряшно всё – не поверят эти, как ты говоришь, растяпы.

– Дадим им шанс! А уж воспользуются им или нет – то уже не наше дело. Интересно ж, как будет, а? И врагу запахло!

Штурман слегка скривился в улыбке, скептически разглядывая незатейливый план на планшете.

– Запеленгуют со спутников, мы ж будем открытым текстом. Оно нам надо?

Однако видя, что старпом загорелся идеей, слегка поразмыслив, сделал другое предложение, ткнув ногтем в экран:

– Мы лучше спрямим. А вот с этой точки выпустим «камова». Ребята пусть передатчик накрутят, чтоб не больше чем на шестьдесят километров покрывал.

– Вертолёт как-то несолидно!

– Хо! Скажешь тоже, «несолидно»! Так прикажи «атэшку» подвесить... для солидности^[16].

Скопин прикусил губу:

– А ведь верно, с вертолѐта можно пассивную гидроантенну опустить и следить за подлодкой практически онлайн, а бритты будут ни сном ни духом. С лѣтчиками Забиркина пошлѐм, он у нас полиглот.

Отыскав взглядом матроса, прослушивающего эфир, крикнул:

– Эй! Студент! Ты говорил, испанский знаешь?

– Так точно! – Тот хоть и сидел в наушниках, пожирал начальство глазами и среагировал сразу.

– Сдавай вахту и отдыхать. Но чтобы через восемь часов был как штык.

Скопин снова взглянул на штурмана:

– Ну, давай, Виктор Алексеевич, время нам известно, курс и скорость просчитай, чтобы выйти в точку тютелька в тютельку, – и уже с довольной улыбкой: – А торпеду прикажу повесить. Не сомневайся.

* * *

Расчѣты штурманская боевая часть выдала быстро – до условной точки была прорва времени и всего лишь 60 миль. Можно было ползти, вытянув позади хвост пассивной антенны.

«Молодец штурман. Вариант с вертолѐтом куда как лучше: и курс пройдѣт дальше от двухсотмильной зоны, и времени на обдумывание будет больше. А на остальное? Поглядим!»

Отдав распоряжение по курсу и скорости, Скопин посетил медблок.

Терентьеву вкололи обезболивающее и снотворное, поэтому поговорить с ним не удалось.

«Восемь, десять часов сна и покоя». С категоричным начальником медицинской службы капитаном Пономарѣвым старший помощник спорить не стал.

В ходовой рубке обычная деловая рабочая обстановка. Вахтенный доложил – всё спокойно.

«Конечно, ребята переживают. Конечно, задаются вопросом “а что будет?”. Конечно, надо с экипажем по “громкой” поговорить. Но да ладно! Пусть уж как Терентьев оклемается – сам объясняет. До того слухи перебродят и улягутся. Спокойней будет. А пока командиры должны сохранять вид загадочный и бравый, дескать, знают, что делать».

Взглянул по курсу, так и не утратив в повседневности службы восхищения картины подминаемого под форштевень крейсера океана,

выстреливавшего пенные брызги от бортов. Барометр падал, и волны достигали едва ли не восьми метров в высоту, дорвавшись заливать палубу.

«Вот они, их хвалёные “неистовые пятидесятые”!^[17]»

Оглядываясь вокруг радарам, щупая воду гидроакустиками, крейсер выписывал противолодочный зигзаг, наверняка устаревший манёвр в веке самонаводящихся торпед и высокоточных ракет.

«Но мы-то знаем! Англы потопили этот “Бельграно” за пределами двухсотмильной зоны, да ещё и обычными торпедами! Может, у них тут помимо многоцелевой “Конкерор” ещё какие подлодки скрытничают. Потому – нафиг-нафиг! И противолодочный зигзаг и пассивный ГАС тянуть будем, благо спешить пока некуда. Ещё надо переговорить с лётчиками и сочинить историю для упрямого аргентинского капитана».

Скопин не удивился, что назвал капитана крейсера «Генерал Бельграно» упрямым.

«Прав штурман, не поверит просто так этот... как там его, – он снова нырнул в память ноутбука, – капитан Эктор Бонзо или Гектор Бонсо, хрен поймёшь!»

Топая по коридорам и трапам на корму, Скопин тяжело рассуждал, возвращаясь к своему первому «неспроста»: «Что ж действительно творится на белом свете-то? Вот так, совершенно неожиданно приходит понимание, что логика и законы, которыми руководствуется этот мир, вдруг могут быть нарушены».

Это как он иногда, смотря на взлетающий аэробус, вдруг воображал, что пилот не справляется и машина падает, сваливаясь на крыло, круша дома, полыхая и взрываясь. Впрочем, подобные киношные ролики и даже реалистические имеют место быть.

Тогда более радикальное – смотреть на привычный загородный пейзаж и вдруг представить, что началась война, и там, полностью ломая знакомую картинку, встаёт атомный гриб, потрясающий своей убийственностью и грандиозностью.

«Но опять же, это не выходит за рамки физики нашего мира. А то, что произошло с ними... Эй, ты, там! Бородатый с нимбом, ты чего затеял-то?! Что за провокация по сопоставимости? Наше “железо”^[18] восьмидесятых годов постройки и перенос в 1982-й! И не куда-нибудь, а в южные широты, поближе к Фолклендам, где происходит реальная заваруха!»

Вдруг его ослепила мысль, что при правильном раскладе их «Орлан» и в одиночку практически порвёт всю эту разношерстную английскую

армаду!^[19]

«Одних “гранитов” хватит, чтоб перетопить все их “гермесы”, “инвинзиблы” вкупе с картонными “шефилдами”, не говоря уж о гражданских переделках типа “Атлантик Конвейер”^[20]. Конечно, сложно будет без целеуказания... но решаемо! С помощью тех же дальних БЛА^[21]. И останутся самой весомой проблемой лишь подлодки.

А если всё неспроста и у нас не будет иного выбора, кроме как ввязаться в драку? Не стоит ли сделать упреждающий осторожный шаг? Как говорится, признак прозорливости ума – уметь прокладывать варианты и цепочки будущего... И командир слёг, отложив до срока свою, как ни крути, рассудительность и властное решение. И я... правильно ли поступаю я?

Я! Я бегу по самой кромочке, где вода накатывается на песок. Ветер распугал всех рыбаков. Берег пустой. Никого. Прибоем накидало ракушечник и мёртвую рыбу. Только чайки да вездесущие городские вороны кружат, падкие на эту дохлятину. И даже одинокий голубь примазался к трапезе. И думаю: вот и меня так – выбросит прибой времени на берег бытия, где буду лежать никому не нужный. И людей никого. И вскоре наглые чайки и вороны будут драться за мои глаза – кто выклюет. И даже этот голубь – птица мира, блин...»

Почему-то было страшно не умереть, а именно вот так – валяться, когда-то живым, полным здоровья, а теперь безвольным мёртвым телом.

«Вот так... попробуешь там, в голове всё разложить по полочкам, упорядочить, а они никак не улягутся. То ползут как черепахи, то по течению плывут, лениво плавниками шевеля по-рыбьи. Или скачут сайгаками. А порой и мчат, летят птицами... Эх, мысли мои, мысли!.. Но что это я? Никто в авантюры и не лезет. Проинформируем “аргентинца” и бежать, бежать домой! Гордо вспенивая океан!

Какие у нас ещё варианты? Остаётся возможность ещё раз попытаться наладить связь с военно-морским командованием СССР, не покидая района Фолклендов.

Где-то близ островов рыбалит стая польских и советских траулеров (около 25 судов), среди которых, замаскировав надстройками мощные радары, один наш разведывательный вояка. Что разумно – было бы глупо упустить возможность не собрать данные и не поучиться на чужой драке. Но, поди, найди их. А вот ситуация с “Бельграно” даёт более чёткую хронологию и привязку по координатам.

Если “Конкерор” всё же топит “аргентинца”, тогда, по-моему, 5 мая в

зону поиска должны подойти траулер-рыбзавод “Белокаменск” и такой же “Жуковский”^[22]. У них есть выход на рыбное министерство СССР (шифрограммы те им слали регулярно), а это ещё одна возможность связи с Москвой.

Минус – в этом районе будет не протолкнуться от самолётов и спасательных кораблей. В том числе и британских самолётов-разведчиков. Англы, естественно, будут в бешенстве, если обнаружат у себя под носом в зоне конфликта нашего громилу “Орлана”.

Вот только сомнения – не спутаем ли мы карты политике партии, блин? Союз-то так и не ввязался в Фолклендский конфликт. Представляю: рыбаки связываются с Министерством рыбного хозяйства, те с МИДом, МИД с главкомом ВМФ, а тот в ахере – единственный “Орлан” (“Киров”) у причальной стенки в Североморске».

Старпом недобро усмехнулся, останавливаясь. Машинально ответив на приветствие вытянувшегося матроса, он удивился, что за размышлениями уже пришёл.

* * *

С ребятами из полётной группы Скопин дружил. Цельные и разносторонние личности. С такими и в разведку, и горы свернуть, и как с мужиками в гараже, по-простецки крепко выпить под неприхотливую закуску... прямо в ангаре, устроившись на принаитовленных зиповских ящиках^[23]. И поговорить, знамо дело. Естественно, поговорили. Обсудили ситуацию в целом и возможные ходы.

– Загнул, загнул – «перетопить всех бриттов», – легкомысленно улыбался майор Харебов, командир экипажа машины под номером 37, – я ещё понимаю авианосцы, а эсминцы «граниты» просто насквозь прошьют! Вот если бы их фрегатики в рядок поставить, чтоб сразу одной ракетой пяток продырывать. Ха! Щю-ю-ютка! Хотя на мелочёвку у нас летающих железяк с избытком...

– Проблема с целеуказанием...

– Во-во! А наш «Орлан» не балерина, чтоб гоняться за ними по всей акватории. И тут ты прав, самые опасные – подлодки. А про «Конкерор» я ещё где-то слышал, что конкретно на этой ПэЭл у нас гидроакустическую станцию спёрли^[24]. Суки.

– Так что... – майор знаково потянул простуженным носом, – если

плюнуть сэрэм в тарелку с овсянкой, я всеми руками и ногами – «за»!

– Было бы нехило, если бы предупреждённые латиносы бритта потопили, а мы сторона, – отвечал Скопин, а сам в голове: «Ну вот! Шёл на корму, преисполненный пацифистских, пусть и проказно-пакостных настроений, а ребята накачаны весьма воинственно. И ветер шквалистый их уже не тревожит, и ракет на внешнюю подвеску запросили, помимо противолодочной АТ-1. И как тут отказать?! Это ж как на танцы-шманцы-зажиманцы пойти, а причиндалы дома оставить».

Отношение лётчиков к жизни-смерти весьма философское – это тебе не по земле ходить или в море болтаться, у летунов всегда есть неприятный шанс грохнутья, что об землю, что об воду, и ещё неизвестно, какой из вариантов предпочтительней.

Поэтому, когда через восемь часов вышли в условную точку, Скопин снова дотопал до юта, к летунам – ещё раз пройтись по пунктам плана, раздать последние инструкции, переживая и пытаясь шутить: «вы там, ребята, аккуратней», «смотрите, парня не уроните за борт» (Забиркин откровенно дрейфил). И конечно, напутственное «ни пуха...», с неизменным ответным «к чёрту!».

Фолкленды-Мальвины

*Неоднородность течения времени –
замысловатость психики.*

*Но растягивая его в нудном ожидании или
мельтеша секундами катастрофического запаздывания,
мы ничего не меняем в законах мира. И наши сутки,
согласно круглой шкале хронометра, неизменно идут к
закату дня.*

[25]

Ещё 1 мая с северо-восточного и восточного направлений оперативные соединения ВМС Великобритании вышли на исходные позиции, оставив за 200-мильной зоной корабли сопровождения.

За день произошли разрозненные, разбросанные по времени стычки. Самолёты с «Гермеса» и «Инвинзибл» бомбили аргентинские позиции на захваченных островах, затем берег обстреливали артиллерией эсминцы и фрегаты. В свою очередь аргентинские ВВС наносили удары по кораблям противника. В небе сходились «Миражи», «Даггеры» и «Харриеры». Англичане активно использовали вертолёты.

Жаждали встречного боя противоборствующие корабли. Безуспешно отметилась подлодка «Сан-Луис» в поединке с кораблями радиолокационного дозора авианосца «Гермес». Хотя и англичане были не на высоте.

Если учитывать, что британцы задействовали все (аж целых 20 самолётов с авианосцев), а с аргентинской стороны учувствовало в налётах более чем в два раза больше, то можно сказать, что день был насыщен событиями, а противники обменялись довольно чувствительными ударами. Аргентина лишилась патрульного катера и пяти самолётов. Англичане отделались лёгким испугом (кроме тех, конечно, кто погиб). При этом аргентинские людские потери были на порядок значительней.

К ночи, выполняя приказ командующего ВМС Британии Вудворда, основное соединение английских кораблей отошло на восток, сводя активность лишь к беспокоящим акциям. С северного направления осталась топтаться на месте противостоящая им тактическая группа во главе с авианосцем «Бентисинко де Майо». Кстати, так и не обнаруженная бриттами.

Узнав, что англичане отбежали за 200-мильную зону и стали недостижимы для его ударной авиации, командующий аргентинскими силами вице-адмирал Леопольдо Гальтьеро Хуан Хосе Ломбардо (язык сломать) в свою очередь приказал отвести соединения флота на исходные позиции.

На южном, отвлекающем (по замыслам аргентинского командования) направлении маневрировал крейсер «Генерал Бельграно» с эскортом.

Ещё утром 1 мая «Конкерор», всплыв на перископ (командир ПЛ капитан 2-го ранга Рэдфорд-Браун определился: крейсер и два эсминца охранения), уже не прерывала контакт, сев противнику на хвост, периодически корректируя свою позицию, поддерживая постоянный контакт через спутник с командованием.

В 12 часов 30 минут командир крейсера «Генерал Бельграно» капитан 1-го ранга Э. Бонсо получил приказ следовать на исходный рубеж.

В точке координат 55°15' ю. ш. и 55°15' з. д. соединение повернуло на запад, следуя курсом 290°.

Корабли охранения (эсминцы УРО «Хиполито Боучар» и «Пьедро Буена») продолжали маневрировать на северном (угрожаемом) направлении по правому траверзу крейсера, хотя до группировки Вудворда было 240 миль и соединение фактически вышло из зоны действия палубных «Си Харриеров».

Скорость аргентинцев позволяла «Конкерор» крутиться вокруг, тем не менее продолжая оставаться на южной позиции – правый борт «Бельграно» прикрывала банка Бердвуда^[26], куда подлодке соваться не следовало, и, как ни крути, маячил эскорт, выполняя вялый противолодочный манёвр, больше следя за воздушной угрозой и борясь со штормом.

К тому времени температура опустилась до -10°, усилились порывы ветра, а десятиметровые волны заливали бедные эсминцы с «головой».

Наконец из Лондона пришёл приказ: «Топить!»

В 15 часов 20 минут на ходовой мостик крейсера «Бельграно» поступил доклад с радиорубки. Вахтенный офицер отнёсся к перехваченной радиোগрамме несколько скептически, однако был обязан проинформировать командира.

– Открытым текстом. Русские. Шпионская информация.

– В районе крутятся русские сейнеры, среди них наверняка есть

разведывательные суда, – кивнул Бонсо, – что хотят?

– Заявляют, что перехватили радиообмен британской подводной лодки со спутником. Дают предположительный пеленг.

Капитан Бонсо взглянул на тактическую карту, прикидывая их координаты и данные радиোগраммы:

– Зачем бы это русским было надо? Может, это британская дезинформация? Удалось определить, с какого пеленга велась передача?

– Сигнал слабый, но примерно отсюда, – вахтенный офицер указал направление на карте.

– Что на локах?

– Ничего. Но погодные условия не самые благоприятные.

Капитан Бонсо ещё раз внимательно посмотрел на карту, для наглядности расставив макеты, условно обозначающие его корабли.

«Если сигнал слабый, – рассуждал Бонсо, – то судно, отправившее его, действительно может находиться вне зоны нашего радара. Это могут быть и русские, а вероятно, и хитрые бритты, отвлекающие его от основной угрозы атаки».

– На локе засветка! – буквально выпалил вахтенный. – Малоразмерная! По пеленгу радио. Дистанция двадцать миль.

«Либо малый катер, – тут же предположил капитан Бонсо, – либо вертолёт...»

– Либо рубка подлодки! – уже вслух предположил он.

И тут, подтверждая одну из его версий, вахтенный выдал новую информацию:

– Русские заявляют, что их вертолёт ведёт гидроакустическое слежение. Они засекли британскую субмарину!

Капитан Бонсо знал о присутствии подлодок противника в зоне боевых действий, но закономерно оглядывался на северо-восточное направление, где находилась основная британская группировка.

«Святая Мария, – до него вдруг дошло, – мы же идём практически по самой южной кромке банки Бердвуда – подлодка ни в коем разе там не станет маневрировать!»

– Мне нужен доклад акустиков! Внимание по левому борту! Прикажи «Хиполито Боучар» срочно перейти на левый траверс!

Его приказ совпал с новым сообщением русских:

– Лодка на позиции атаки!

Эсминец «Хиполито Боучар» ускорился, намереваясь обойти крейсер, с выходом на левый кранбол.

В этот момент майор Харебов, получая данные с опущенной в воду ГАС, глядя на хронологически точную распечатку событий, удивляясь своему волнению, гаркнул слегка тормозившему Забиркину:

– Быстро! Подлодка пустила торпеды!

Матрос забубнил на испанском, прижимая ладонью микрофон гарнитуры.

Торпедный залп услышали и акустики «Бельграно».

– Лево руля! – Бонсо схватился за подволоку ходовой рубки, зная, что сейчас крейсер будет крениться при резком повороте.

Командир «Конкерор» производил атаку в тепличных условиях (до мишени всего 1200 метров, скорость и курс постоянные), при этом он ещё учитывал броневой пояс крейсера и выбрал обычные неуправляемые, но с большей боевой начинкой торпеды Mk.8, стреляя классическим ещё со Второй мировой войны веером.

Высокие волны захлёстывали перископ, и командир подлодки наблюдал за атакой в варианте качелей – в перекрестье вытянутый профиль крейсера – волна – и снова силуэт противника.

Неожиданно «Бельграно» совершил поворот. Раздался взрыв, взметнув над водой пенный столб, но в перископ было видно, что крейсер цел – более того, полным ходом направлялся в сторону подлодки.

– Погружение! – проорал команду Рэдфорд-Браун.

Возликовавший было при попадании своей торпеды экипаж субмарины притих, услышав ощутимые шлепки разрывов на поверхности – аргентинцы немедленно занялись поиском противника и уже стали глушить рыбу.

«Конкерор» нырнула на развороте, уходя на юг, накручивая полную скорость, отрываясь от преследования. Затем резко повернула на восток, скользя на 80 метрах под водой по инерции, и лишь потом ползла едва на двух узлах в юго-западном направлении, с уверенностью экипажа, что они разорвали гидроконтакт с навязчивым сонаром противника.

– Мы её потеряли, – докладывал всё тот же вахтенный капитану Бонсо.

– Прикажите «Пьедро Буена» вернуться к спасательным работам.

Видимо, «Конкерор» должна была сегодня отметиться победой. Автомат торпедной стрельбы пускал торпеды с упреждением – резко сманеврировавший «Бельграно» избежал попаданий, а вот обходящий его с крамбола «Хиполито» с ходу налетел на одну из Mk.8. Удар пришёлся в

полубак, 750 фунтов взрывчатки торпеды просто сожрали 3000-тонный эсминец, полностью скрыв его в огненно-пенном взрыве, переломив надвое, мгновенно затягивая в пучину.

* * *

«Камов» продолжать висеть на месте, привязанный гидроакустической антенной к океану.

– Они её прое... потеряли. Крейсер на циркуляции, эсминец уходит, – удерживал тангенту на передачу Харебов.

– Если их навести? – Скопин ещё питал надежду, что аргентинцы загонят «Конкерор» на дно.

– Думаю, она на «полном» оторвётся от них.

– Возвращайтесь!

– А может?!! Она идёт прямо на нас!!!!

На том конце повисло молчание, лишь треск помех в наушниках.

«Ну, давай, давай, тёзка, – мысленно взывал Харебов, почти моля, – я бы её сейчас на раз, но не могу я без приказа!»

– На винты, – прохрипело в эфире.

– Конечно, – просиял майор. Старушка АТ-1М и без того была настроена на акустический поиск.

– Давай, – решился Скопин.

* * *

– Всего шесть человек! – Офицер медленно опускал трубку. Его бледное лицо наливалось краской. – Выживших всего шесть человек!

Капитану Бонсо показалось, что, произнося последние слова, его старший помощник не разжимал зубов.

Сам не менее огорошенный катастрофическими потерями, капитан чувствовал, что его нарастающий гнев отхлынул на фоне чужой, ещё большей тихой ненависти.

Над ним висели ещё дальнейшие отчёты и спрос командования за потерянный эсминец и, несмотря на самоуверенность, сомнение – стоило ли бросать «Пьедро» на поиск подлодки, жертвуя спасением экипажа торпедированного «Хиполито Боучар». И ещё он вдруг осознал, что если бы не предупреждение русских и его приказ на резкий манёвр, торпеда или

торпеды (акустики заявляли как минимум о двух) поразили бы «Бельграно», и неизвестно – удержался бы тот на плаву.

– Вот он! – голос вахтенного вырвал его из тяжёлых раздумий. – Русский вертолёт!

Стоило бы подняться на мостик, чтобы в мощный визир лучше рассмотреть чужую машину, но и цейсовский бинокль давал хорошее увеличение.

«Точно русский! Соосный коротыш, – согласился Эктор Бонсо, – таких кроме русских, по-моему, никто не делает».

Геликоптер как влитой висел над колышущейся серой массой океана, несмотря на порывы ветра и норовящие слизнуть его вниз особо вздымаемые девятые валы.

«Они продолжают вести гидроакустическую разведку», – констатировал Бонсо, естественно, не разглядев с такого расстояния спущенную вниз кабель-антенну.

Вдруг он увидел, как от вертолёта отделился продолговатый предмет, нырнув в воду.

Капитан аж подался вперёд – увеличения сразу стало не хватать, захотелось перемотать видимое обратно, чтобы понять, что же там произошло?

И с паузой в три-четыре минуты он уже наблюдал вспухающий бугор подводного взрыва, казалось, буквально в трёх сотнях метров от вертолёта.

Машина русских дёрнулась, сместившись, блеснула остеклением, а потом скоро стала удаляться, превращаясь в темнеющую точку, пока и вовсе не скрылась.

Сконцентрировавшись на глазах, капитан Эктор Бонсо тем не менее не пропускал мимо ушей доклады с акустического поста, поэтому не удивился, когда на месте подводного взрыва появилась горбатая чёрная тень подводной лодки. Британец!

– Главным калибром! Огонь!

Два выстрела легли разбросанным недолётом. Следующий залп дал кучное накрытие, скрыв пенным частоколом торчащую рубку, когда на ПЛ неожиданно произошла детонация в районе кормы, ударив вспышкой и, как водится при подводном взрыве, выбросом воды. Едва пена опала, наблюдатели успели рассмотреть лишь живо погружающийся задранный вверх нос субмарины.

Всё произошло так быстро, что в рубке даже не успели выразить восторга по поводу уничтоженного противника. Лишь умудрившийся

сохранить невозмутимость вахтенный деревянным голосом зачитал новую радиограмму:

– Русские поздравили с победой.

– Запишите в вахтенный журнал, – ровным голосом сказал командир крейсера, – в 14:50 соединение атаковано субмариной противника за двухсотмильной зоной боевых действий. В результате атаки торпедирован эсминец «Хиполито Боучар». Ответным артиллерийским огнём крейсера подводная лодка потоплена. Отправьте аналогичную шифрограмму в штаб.

– Русские называли её «Конкерор», – позволил себе вставку вахтенный.

– Исключительная осведомлённость! – В голосе капитана Бонсо скользнула издевка. – Добавьте в журнал: во время боестолкновения установлен контакт с неизвестным советским военным кораблём. Отправьте аналогичную шифрограмму в штаб.

«Ведь то, что уронил тот вертолёт, не иначе торпеда, – здраво рассудил Эктор Бонсо, – а стало быть, машина с военного корабля. Хотелось бы мне взглянуть на этот русский корабль. И уж как минимум поблагодарить его капитана».

– И ещё! – Командир оглядел офицеров. – Я бы хотел, чтобы экипаж меньше трепался о нашем контакте с русскими.

«Бельграно» не торопясь подошёл к месту гибели субмарины.

Командир крейсера капитан 1-го ранга Эктор Бонсо почти равнодушно взирал с крыла мостика, как матросы баграми пытались что-либо выудить из плавучих останков британской подлодки. На борт подняли десяток трупов и лишь троих выживших.

«Могли ли мы захватить английскую подлодку, а экипаж пленить? Вряд ли – англичане упрямы. Как минимум пришлось бы отбиваться от нападающих самолётов противника, а, в конце концов, наглые британцы подняли бы вой, что мы непозволительно действуем за пределами 200-мильной зоны. Тем более на субмарине явно что-то с запозданием детонировало после попадания русской торпеды».

* * *

Командующий морскими операциями вице-адмирал Ломбардо получил шифровку от командира «Бельграно», только телеграмма имела некоторое дополнение к тексту, предложенному капитаном Бонсо.

Ничего не было странного в том, что аргентинское командование, а тем более политическая хунта, имели на флоте и в армии своих агентов военной полиции и осведомителей. Унтер-офицер, который внёс в шифрограмму своё донесение, не прослушивал радиообмен с русскими, не находился на мостике с биноклем, чтобы увидеть торпедную атаку вертолёта. Однако, несмотря на попытки офицеров пресечь лишние разговоры, замечания вахты наблюдателей на мостике, комментарии акустиков говорили о более чем непрямом отношении русских к потоплению британской ПЛ.

Вице-адмирал Ломбардо отправил победную реляцию в Буэнос-Айрес – размен 3000-тонного эсминца на атомную многоцелевую подлодку пошел в положительный зачёт.

Участие третьей стороны принижало вклад его подчинённых в одержанную победу, да и не особо он поверил в активное вмешательство русских. Поэтому донесение агента полетело в корзину.

Однако этим дело не ограничилось. Аргентинская разведка перехватила радио с чилийского арктического транспорта «Пилото Пардо» – тот сообщал о наблюдении в точке координат 57°15' ю. ш. и 64°15' з. д. крупного военного корабля.

Барражирующий неподалёку разведывательный самолёт «Нептун» с авиабазы Рио-Гранде получил целеуказание и также обнаружил корабль, совершив облёт и даже сфотографировав. При «обмене любезностями» в эфире аргентинский пилот неправильно расслышал название корабля, переведя его как «Святой Пётр». Что вызвало естественное недоверие и путаницу в штабе – как это коммунисты и «святой»?

Совсем по-другому отнеслись к информации британцы. К тому времени Аргентина уже объявила о потоплении «Конкерор». Посыпались взаимные обвинения ведения боевых действий за пределами исключительной зоны, где аргентинское звучало примерно так: «а вы первые!», имея в виду торпедированный «Хиполито».

Потеря атомной подлодки это утрата престижа, гордости и собственной уверенности. Упрямые ослики в головах британцев не заморачивались самокопанием, занявшись поиском виновных.

Слив информации о неизвестном военном корабле чилийцами, имеющих зуб на Буэнос-Айрес, лишь подогрел веру упрямых голов, что «что-то тут нечисто». Несмотря на утерю хватки в мировом лидерстве, самоуверенные альбионцы не могли допустить, что им могут навалить вояки страны третьего мира.

Ещё не случился шок от потери «Шеффилда»^[27], когда было уязвлено

превосходство белого человека, получившего плюху от «прикопчённых» латиносов. Кстати, когда самолёты аргентинских ВВС подожгли этот эсминец дозора, некоторые умники, согласно свойству психики человека к самолечению, нашли косвенное оправдание собственному разгильдяйству и некомпетентности – самолёты-то и ракеты были французские! Моментально причислив как минимум пренебрежительно воспринимаемых «лягушатников» к лону просвещённых европейцев.

Британская разведка (МИ-6) закусил удила, умудрившись выудить не только фото, сделанные аргентинским «Нептуном», но даже перетряхнуть пресловутую «корзину» вице-адмирала Ломбардо. Иначе говоря, секретная часть шифровки с крейсера «Бельграно» легла на стол в штабе ВМС в Нортвуде.

В Лондоне поначалу отнеслись ко всему как к провокационной дезинформации, зная о попытках руководства Аргентины сыграть на противоречиях западных стран и СССР^[28].

Тем не менее взлетевший с чилийского острова Сан-Феликс самолёт радиотехнической разведки «Нимрод», в полётном плане которого было хоть что-то прояснить с ПЛ «Конкерор» на месте, получил дополнительную задачу.

Имея совокупные данные от чилийского судна и аргентинского самолёта, «Нимрод» смог легко выйти на искомый корабль. Однако на «Неизвестный корабль, это самолёт ВВС Великобритании. Опознайте себя!» внизу отмолчались, а снимки с воздуха вышли уже не чёткими – темнело.

Само по себе наличие советских военных в зоне конфликта крайне нервировало Форин Офис. Но там даже несмотря на русофобство, пока ещё не верили, что русские отважатся под собственным флагом ввязываться в войну со страной, входящей в НАТО. То есть предоставить разведданные и даже сорвать атаку «Конкерор» ещё допускали, но применение оружия относили к разряду невероятного.

Однако вскоре лимит адекватной оценки «невероятного» британскими военными аналитиками был исчерпан, точнее, просто похоронен под сравнительными выводами всех полученных с самолётов фотографий с каталогом военных кораблей стран Варшавского договора.

В британском штабе были ошарашены. Снимки из южной Атлантики, несомненно, указывали на то, что это «Kirov-class battlecruiser». Тяжёлый атомный крейсер типа «Орлан».

В строю у русских был пока только один – «Киров», который на

данный момент (а это была проверенная информация) базировался в Североморске. Ещё один корабль был в стадии достройки. И это тоже было достоверно известно.

Так или иначе, две невероятности сложились в одну – русские сумели скрытно построить и пустить в эксплуатацию ещё один тяжёлый крейсер (получилось же у японцев с их «Ямато»). Спроектированный для завоевания превосходства на море, оснащённый ракетами с ядерной головной частью, этот монстр в данный момент режет воду вблизи Фолклендских островов, угрожая британским экспедиционным силам.

Оперативности МИ-6 и скорости реакции военного комитета в Нортвуде можно было позавидовать. Первым, к кому побежали жаловаться – к американцам. Те обещали вмешаться, но демократия имеет некоторую инерцию в принятии решений, потому попросили подождать до завтра.

Не дожидаясь каких-либо разъяснений из Москвы (уже было девять часов вечера), лишь потревожив телефонным звонком советского дипломата в Лондоне, был принят предварительный план действий. Командующий британскими ВМС адмирал Дж. Филдхауз предлагал воздержаться от радикальных акций до прояснения обстановки, но под давлением Тэтчер, которая рассчитывала на поддержку США, решение утвердили.

В 10 часов 45 минут с американской авиабазы на острове Вознесения взлетели два английских бомбардировщика «Вулкан», следом поднялись десять самолётов-заправщиков «Виктор»^[29].

«Вулканы» несли по две американские противорадиолокационные управляемые ракеты «Шрайк», едва ли не «на коленке» приспособив их под пилоны для штатных «Скрайболт».

Несмотря на своё пассивное недовольство, Филдхауз понимал, что «Шрайк» не нанесут фатального поражения тяжёлому крейсеру, но повредив радиолокационное вооружение, выведут его из игры как боевую единицу. Ко всему была необходимость в предвосхищении событий – полётное время до Фолклендов составляло не менее девяти часов. Русский крейсер мог находиться ещё дальше, «если ни вообще чёрт знает где».

Если же за это время что-либо изменится, удар «Вулканов» можно перенацелить – по радарам аргентинских ПВО на островах.

По большому счёту в британском штабе и не сомневались в причинах появления и намерениях русского боевого корабля в зоне конфликта, зная о переговорах Советов и Буэнос-Айреса. Поэтому информация об

активности русских была воспринята как само собой разумеющееся. Опережающие действия были не в новинку для британских вооружённых сил – достаточно вспомнить, с одной стороны, коварный, но с другой – вполне логичный упреждающий удар по флоту французов в 1940 году^[30].

Был один недостаток в такой бешеной оперативности британцев. Надо не забывать, что уже накатывала ночь, а англичане так перевозбудились, действия разведки из-за цейтнота были так грубы и торопливы, что они умудрились наследить, сумев заинтересовать аргентинцев.

Там тоже сверили фотографии, поцокали языком при ознакомлении с ТТХ и боевыми возможностями русского крейсера.

Кого-то из руководства в Буэнос-Айресе ещё не покидала надежда на маленькую победоносную войну, но более рассудительные головы видели, с какой упёртостью взялись за дело британцы, поэтому посчитали, что иметь дополнительный козырь будет не лишним.

Советский посол в Лондоне отнёсся к выказанным претензиям МИДа Британии более чем серьёзно, ещё в тот же вечер связался со своим руководством, провоцируя телефонные трели по цепочке ответственных лиц Союза, вплоть до главкома флота.

Поэтому рано утром советское правительство официально заявило, что «британское правительство использует сфальсифицированные материалы о якобы причастности Советского Союза к англо-аргентинскому конфликту в качестве дипломатической ширмы для своих военных акций в Южной Атлантике». Далее следовало заверение, что запечатлённый на снимках корабль не является и не может принадлежать к флоту СССР.

На Западе история с крейсером была скинута журналистам на растерзание, и по мере перемещения линии терминатора по часовым поясам, средства массовой информации буквально вспухали сенсационными заголовками с обвинениями СССР в пособничестве агрессорам. Самым пиковым, наверное, был комментарий в лондонской «Таймс», предлагавший объявить «ничейный» крейсер пиратским, устроить на него международную охоту, а «экипаж по поимке, как в старые добрые времена (интересно, что они нашли в этом доброго) – вешать на реях»! Венчал статью довольно точный, но карикатурный рисунок «Кирова» с красным флагом на топе, где звезда, серп и молот были стилизованы под череп и кости. И заголовок – «Атомный корсар XX века»!

США напряглись оперативно-стратегическим объединением,

включающим действующие в Атлантике 2-й, 4-й и 6-й флоты ВМС. Однако адмиралы при возможном контакте с «пиратским» русским крейсером не собирались подставяться под его кошмарные «shipwreck»^[31], намереваясь держаться на 600-километровой дистанции, развернув дозорную завесу подводных лодок.

Рональд Рейган ещё не назвал Советский Союз «империей зла», но на совещании комитета начальников штабов высказал неоднозначное пожелание. Поэтому американские подводники имели тайный приказ, если случится возможность, под шумок торпедировать крейсер.

* * *

В ночь со второго на третье мая события к северу от островов не отличались от известных в реальной истории. Вертолёт «Си Кинг» с «Инвинзибл» уничтожил патрульный катер «Комодоро Самеллера».

Перед самым рассветом вертолёт «Линск» с эсминца «Глазго» обстрелял из бортовых пушек малый артиллерийский корабль «Альферес Собрааль» – бывший 700-тонный буксир американской постройки. Ответный огонь 20– и 40-миллиметровых пушек заставил англичан убираться, но зависнув в зоне недосягаемости, «Линск» поразил противника двумя ракета «Си Скъюа»^[32]. Удовлетворившись видом пылающего корабля, англичане вернулись на корабль базирования.

Однако дальше пошли расхождения! Вскоре вся корабельная группировка британцев оттянулась севернее – командующий экспедиционными силами контр-адмирал Вудворд опасался прорыва русского крейсера на дистанцию атаки противокорабельными ракетами.

По-прежнему находились в отрыве от основных сил группы корабли дальнего радиолокационного дозора, лишь растянув позиции первой и второй линий на лишние 5–10 миль. Атомная ПЛ «Спартан» покинула свою позицию к западу от Фолклендов и ушла на замену «Конкерор».

Тем не менее Вудворт, как бы давая понять подчинённым, что никто их не сможет остановить, не стал отменять запланированных операций. Готовились: эвакуация с островов, выполнивших задание разведывательных групп, и высадка новых, авиаудар по позициям аргентинцев и артобстрел с кораблей.

Ещё можно было бы добавить, что потеря «Конкерор» и дальнейшие события негласно расширили зону боевых действий за пределы

пресловутой двухсотмильной.

* * *

В известной истории торпедирование крейсера «Бельграно» привело к тому, что аргентинцы стали серьёзно опасаться потерять ещё и свой единственный авианосец «Бентисинко де Майо». 5 мая корабль вернулся на главную военно-морскую базу, где и простоял до конца войны. Его авиагруппа была переброшена на Огненную Землю.

В нашем же случае в Буэнос-Айресе, окрылённые успехом, потребовали от вице-адмирала Ломбардо более решительных действий.

Согласно приказу, утром 3 мая, командующий тактическим соединением FT-79 контр-адмирал Г. Алльера выдвинул свои корабли в юго-восточном направлении. С континентальных аэродромов готовились подняться ударные самолёты оперативной группы ВВС «Юг» и поддержать флот. Однако разведывательные «Трекеры» с авианосца противника не обнаружили – британцы отошли.

Тем не менее приказа отвести соединение не поступило. Авианосец «Бентисинко де Майо», окружённый эскортом, продолжал маневрировать на передовой позиции, медленно приближая время своей гибели.

* * *

В 7:15 патрульный самолёт «Нептун 2Р112», искавший русский крейсер на пределе своей дальности, возвращаясь на базу, неожиданно обнаружил искомый корабль гораздо ближе к материку.

«Генерал Бельграно», оставаясь в своей зоне оперативного маневрирования, лишь утром получивший приказ следовать в порт Ушуая, чтобы сдать пленных с английской подлодки и покоящиеся в корабельном морозильнике тела моряков, развернули, предполагая использовать для randevu с русским кораблём. Вертолётом на борт «Бельграно» срочно прибыл полномочный представитель правящей хунты с военными советниками.

Англичане также бросили немалые силы на поиск, опираясь в основном на патрульную авиацию. Информация от «чилийца», имевшего контакт с русским крейсером, уже устарела. Но зная примерно курс и

скорость, британцы, здраво рассуждая, ориентировочно вывели район местонахождения «русского» – к юго-востоку, востоку от Фолклендских островов. Только здравый смысл англичан основывался на фобии, что русский пират будет непременно атаковать, подло зайдя британским соединениям с тыла. Мысль, что это кратчайший маршрут по пути через Атлантику, на свою базу в Кольском заливе им даже в голову не пришла.

Между Фолклендами и островами Южная Георгия безнадежно болтался корабль ледовой разведки «Эндьюранс», высылая для бóльшего охвата наблюдения бортовой вертолёт. Именно специалисты «Эндьюранс» дешифровали перехваченное сообщение с самолёта «Нептун», наведя на поиск «Нимрод».

Точка координат указывала, что русский словно и не покидал района, где был потоплен «Конкерор». Этот факт несколько запутал все тактические домыслы британской стороны, однако Лондон был по-прежнему настроен решительно.

Два бомбардировщика «Вулкан» были ещё на подлёте, производя очередную дозаправку в воздухе.

Теперь им предстояло преодолеть лишнюю тысячу километров, и почти впритык рассчитанного топлива могло не хватить на обратный путь. Однако британское командование не отменило операцию, рассматривая варианты посадить одну из машин либо в Чили, либо в Бразилии, с естественным интернированием экипажа.

Базировавшийся на чилийской базе в Сан-Феликс «Нимрод MR.1» сначала зафиксировал работу мощной радарной системы, затем обнаружил корабль, опознанный им как «Генерал Бельграно». И в нескольких милях, наконец, пилоты увидели предмет головной боли своих адмиралов – «Kirov-battlecruiser».

Крейсер «Пётр Великий»

*Мир таким не создан,
Я в ладони звёзды,
Лёгкие, как воздух,
Я – соберу!*

Снилось детство. Такое... ушедшее, где-то счастливое, когда-то безоблачное, но во сне незримо тёплое и близкое.

Мальчишки. Приехали на обрывы к заливу, накрутив великими по пыльным летним дорогам. Окунулись. Просохли и все тут же засобирались обратно... А он остался – любил бродить тут в одиночестве и в тайной детской надежде. Почему-то всегда верил, что с ним обязательно произойдёт что-нибудь необычное!

Где-то слышал, что каждый год Азовское море, подмывая побережье, забирает у суши до десяти метров. И частенько прикатывал сюда на велосипеде. Потом брёл по песчаной полосе, задирая голову на высоченный обрыв, отмеченный осыпями, оголяющими древние наслоения породы, ожидая, что когда-нибудь обвалившийся кусок обнажит чего-нибудь эдакое.

– Гли-но-зём, – по слогам произнёс мудреное словцо, пока ещё не подкреплённое планомерной школьной программой.

Он любил всякие такие словечки, которыми можно поковырять перед друзьями, которые обильно вливались в его детский мозг-губку с массивом нужной и ненужной информации из десятков читанных книг.

Впрочем, десятилетний мальчик едва ли так построил бы своё предложение, даже с оглядкой на своеобразную начитанность.

Своеобразной его начитанность была потому, что книги глотал, как сладкую газировку из автомата, не жалея три копейки. Особенно когда накрутишь педалями от центрального пляжа до «второго» вдоль «железки» против ветра, вспаренный по лету с пересохшим ртом^[33].

Глотал, не ощущая вкуса – лишь бы удовлетворить жажду. Жажду книжных приключений и великих тайн. Спеша за сюжетом с нетерпеливо подстёгивающим «а что же дальше?!». Порой, сокращая для себя сложносоставные слова, неправильно ставя ударения, перескакивая через строчки. Имея самый точный ориентир на странице – начало абзаца с

многообещающими: «вдруг», «однажды» или «неожиданно», с которых и начиналось самое захватывающее.^[34]

Ещё раз окинул взглядом выгнутую дугой, уходящую вдаль коричневую полосу обрыва, в надежде, может, сейчас ссыплется с кручи пласт земли и обнажит тускло поблёскивающий металлом бок инопланетного космического корабля.

«Эх, это только в книжках может быть. Всё, теперь домой! И так задержался. Ещё к бабушке заехать, хотя бы минут на пять. Мама всё равно спросит – где был? Не говорить же, что ездили с пацанами аж на аэродром. Заругает. А так скажу: “Где, где – у бабушки!” Ведь был же? Был! Ну и что, что всего пять минут». Пусть и не полная правда, но откровенно врать не хотелось.

Лихо просвистел ветром в ушах до бабушкиных восхитительно пахнущих пышек, с тающим на коричневатой корочке мёдом. Успев даже повесить (петля на шею!) на шелковице у кустов малины куклу вредной москвички Любки, с табличкой: «Она жрала малину!». «А чего она, зараза – утром приедешь, в надежде малинки, за ночь поспевшей, поклевать, а тут уже “понаехавшие” отметились».

И домой! Закатив в подвал многоэтажки велосипед, удачно миновал мамины кордоны-макаронны...

«Да нет! Ну, вкусно, конечно! Но после бабушкиных лепёшек совсем не хочется».

Потом папа с работы пришёл слегка пьяный – в самой своей лучшей доброй стадии, когда можно было чего-нибудь выпросить. Одно плохо – будет ночью на кухню бегать воду хлебать. И конечно, увидит полоску света из-под дверной щели, распахивая дверь с рыком: «А ну быстро спать! Читаешь лёжа – зрение портишь!» А толку – фонарик и под одеяло!

И... читать, читать! И книга попалась про военный корабль... в океане... и он почти старший офицер...

Трясли за плечо настойчиво, но аккуратно.

– Что? – Снилось что-то такое сладкое... – Что? Что-то случилось?

Скопин разлепил глаза, машинально взглянув на светящийся циферблат.

«Ох ты... “собака^[35]”, три часа спал!»

– Что случилось?

– Товарищ капитан второго ранга! Командир на ГКП требует, – лица

вестового не было видно – лишь силуэт на фоне открытой двери каюты.

«О! Терентьев наконец-то оклемался».

Но тут в коридоре послышались неторопливые шаги, проём загородила массивная фигура, вообще перекрыв доступ свету.

– Сам пришёл, – голос Терентьева звучал глухо, и Скопину показалось – замогильно.

«Ща начнёт строить, – предвиделся тяжёлый разговор с командиром, – разнос неминуем».

Вестовой шмыгнул из каюты, мягко прикрыв за собой дверь.

Однако, устроившись у рундука, Терентьев начал совершенно о другом:

– Ты знаешь, а мы-то и как прогрессоры совсем несостоятельны.

– В смысле?

– Мобильники все эти, компьютеры, даже твой ноутбук – всё это уже есть. Пусть не массово, но в опытных разработках. А наши пока изучат, пока освоят производство (ведь тут важна технология), на Западе уже пойдёт массовый вал. Точнее в Китае. Да, несомненно, где-то можно сэкономить и сократить время разработок. Не делать лишних движений. Но я представляю, какая это инертная машина – Советский Союз.

– Но в целом аутсайдерская информация... горбачёвы-ельцины, маккейны, баракобамы, алькаиды? – Мозг медленно просыпался, но Скопин легко включился в разговор – сам об этом думал накануне.

– Вот это самое худшее, – вздохнул Терентьев, – ладно, если бы узкий круг: я, ты, несмотря на твоё порой легкомыслие. Но нас на корабле более шестиста человек, и каждый знает. При Сталине всех вообще бы распределили: толковых по шарашкам, бездарей (благо у нас таких единицы) в тьмутаракань-Колыму. Кто в Кремле сейчас? По-моему, Андропов. И КГБ никто ещё не отменял в восьмидесятый-то год. Что им делать с пьяными языками, которые знают о развале Союза?

– Будут так же служить на «Петре»...

– Крейсер всё же напичкан «новым», его поставят у дальней стенки, обнесут забором и распотрошат, по крайней мере, по электронике точно! Для главкома флота это ещё одна боевая единица, для страны ещё одна статья расходов, но несомненно – это подарок. А вот нам всем что?

– Что?

– Мы-то расслаблены. В квартирах унитаза-ванны-комфорты, у большинства уже хорошие иномарки (были). Ты легко перескочишь на... хорошо, тебе за заслуги перед родиной и партией – «Волга-двадцатьчетвёрка»!

– Мя-я-ягкая, – также мягко стеля, причмокнул не без улыбки Скопин.

– Да, мягкая, но вечно воняющая бензином.

– Да ладно тебе, это всё быт, люди привыкают ко всему! – Скопин вдруг встрепенулся, вскочив. – А не думаешь ли ты, что кто-то уже из экипажа надумал к амерам податься и за этот самый комфорт продать... инфу какую... эту самую аутсайдерскую? А пусть попробует! Мы ни в какой порт заходить не будем до самого Союза. Если какая падла найдётся – пусть вон в арктические воды ныряет. Ему ребята из «дэшэка» грузиков свинцовых подвешат. Да и вообще, надо замполита подрядить, чтобы с экипажем работу провёл, морально-душевную. Да и сам ты... утром, конечно...

– Поговорил в общих чертах, даже прошёлся по БЧ – умы́ в брожении, но не рефлексируют. Ни о будущем, ни о прошлом. Словно ни у кого не осталось там семей. Словно им тут не вливаться в новую жизнь. Эта история с «Конкерор»... все воинственны до невозможности. И ладно бы только молодые пацаны. Лишних тут у нас почти нету – офицеры и контрактники. Срочников раз-два – обчёлся! Но даже твой Забиркин – тощая грудь колесом, чуть ли не лично расправился с атомной ПЛ. Как дети, право!

– Зато сам же говоришь, без рефлексий и нервных срывов.

– Ну, хоть тут спасибо. Но вот скажи мне, импровизатор-авантюрист... за каким ты хреном в это полез? А?

«Ну вот – командир плавно подошёл к выволочке», – Скопин на мгновение выпал в думках, потом взъерошив волосы, возбуждённо выдохнул:

– А помнишь нашу игру, когда «все всё знают»? Опустим Первую мировую. Но вот когда Гитлер знает, и Сталин знает, и миллионы, включая будущих погибших, знают. И все, зная, говорят: немцы – «не надо нам позора ещё хуже версальского». Русские – ужас! Миллионы погибших! И все опускают руки и говорят «нахрен». А Гитлер в ответ: «мы пойдём другим путём» и давай перекраивать «Барбароссу». А и Сталин тоже не дурак, бесноватому верить. Кто тогда опять был в выигрыше? И так и эдак – при всех раскладах?

– Помню – англосаксы.

– Вот поэтому!

– Не ори!

– Молчу! Знаешь, наверное, единственный раз почувствовал, что могу что-то, ну хоть не изменить, но коснуться, чтобы траектория пошла по-другому, с надеждой, что лучше.

Скопин глубоко вдохнул, шумно выпуская воздух и, успокоившись, возвратился к разговору:

– А что там сейчас страна? Андропову недолго. Союз на пике могущества, но уже как с горы – набрал скорость. Люди... прикинь, родители ещё молодые, только первомай отгуляли, нам в школу с утра. А скоро каникулы, и как всегда казалось вначале – впереди целая вечность лета. А помнишь дядю Славу-моряка?

Скопин даже глаза прикрыл. Всплывали образы из предутреннего сна, погружая почему-то всегда в солнечные воспоминания детства.

Над их микрорайоном пролетали, нередко ревя форсажем, «сушки», а мимо дома проходила одноколёйка в техзону, и все мальчишки разрывались между мечтой стать лётчиками или машинистами тепловозов, в которые их иногда добрые дяденьки-железнодорожники пускали прокатиться-поглазеть. Ровно до той поры, пока в их небольшой двухподъездной трёхэтажке не поселился дядя Слава. Моряк-отставник – вполне крепкий жилистый мужик, но что-то хватанувший на службе, что его списали с совершенно незаметной инвалидностью (ведь для них тогдашних пацанов инвалид это человек без ноги, например).

Именно дядя Слава их и заразил морем. Правда, из всей их ватаги только вот Колька Терентьев да он поступили в мореходку. Колька-отличник с первого раза и на два года раньше.

– Помню, – сдержанно кивнул командир.

– Да-а-а, – протянул Скопин, – дядя Слава был личность!

– Личность, – повторил Терентьев, но не подтверждая, а словно пробуя слово на вкус, – когда в дело вступает статистика – мы уже не личности.

– Ты о чём?

– Англичане взяли на эту войну ядерное оружие... – Терентьев запнулся, пытаясь подобрать слова поточнее.

– Если англы начнут проигрывать, у Тэтчер хватит яиц для ядерного удара? – догадался Скопин.

– Да. Но дело даже не в этом локальном конфликте. Мы едва тут появились – уже палим по-тихому. А как поведут себя наши ястребы в Кремле, если узнают про перестройку со всем последующим бардаком? Не захотят ли вдарить, упреждая, пока СССР ещё может вдарить, чёрт меня подери? Понимаешь, все эти люди, даже если это параллельная (не наша реальность), имеют право на жизнь, спокойную, без войны. Хотя бы до того времени, пока не начался развал, перестройка и всё прочее. Мы же своим вмешательством можем разрушить даже тот не всегда самый приятный мир, что получился в нашей истории.

– Да уж... думаешь ты весьма... о многом, – Скопин потерялся в попытке выразить свои комментарии.

– Думаю! – Жёстко кивнул Терентьев. – А ещё я думаю, что мы (весь экипаж, все 635 человек) придём в страну, где у нас нет никого и ничего. Ни дома, ни квартиры, ни даже комнаты в общежитии. Помнишь, как мыкались после перестройки, без зарплат, никому не нужные?

– А ты не рефлексуешь по тому, что осталось там? – осторожно спросил Скопин. – Дети, жена?

– Дети? Дети, словно скомканные, сконцентрированные, не развернувшиеся человеческие сущности-личности. Но до поры. Они как ростки зелёные весной – пробьются через асфальт.

– Жена?

– А что жена? Найдёт другого.

– Не ревнуешь?

Терентьев пожал плечами.

– У меня сейчас забот, что не до сердечных думок. Сам знаешь, как у меня было: семейная жизнь – рутина. Бродит где-то чувство собственности, что она будет так же кричать под другим. Глупо, конечно. Претензия на исключительность.

– Хочется сказать «сочувствую».

– Хочется зафигачить тебе чайником, дурак!

Наконец заржали, находя в этом лекарство для психики и перегруженного думами мозга. Но отсмеялись всё же коротко, а Терентьев даже скомканно в конце. Его улыбка погасла, а взгляд переместился на наручные часы.

– Теперь я хочу услышать то, что не занесено в вахтенный журнал. Харебов и второй номер отбились – решил дать им поспать, как и тебе, кстати. А Забиркин ещё тот рассказчик.

– Нифига себе поспать!!!

– А три часа мало? Ты мне коротко, и опять ложись. Чувствую, с утра нам понадобятся трезвые головы и всё внимание.

– Забиркин как переводчик, надеюсь, радиообмен с аргентинцами изложил?

– Я читал ваш предполётный горе-конспект, – вроде бы одобрительно кивнул Терентьев, однако метнув недобрый взгляд, – а торпеду ты заранее решил подвесить, согласно закону жанра – ружьё в начале пьесы обязательно выстрелит в конце. Да?

– Да её списать уже пора было, а так какая радость разработчикам – отработала после стольких-то лет консервации на все «пять»!

– Ага, они с какой дистанции до противника её спустили?

– Харебов говорил: от силы полкилометра, практически на голову сбросили. Она лишь рыскнула – и на шум винтов. Бахнуло! Представляю – у бриттов винты срезало. Ребята по моей команде антенну наматывать и на крейсер бежать! А те, видимо, чуют – неуправляемые. Пёс его знает, что там у них произошло – балластом задули, всплыли.

«Камовы» уже почти на километр отбежали, так – оглядывались, в бинокль хреново видно – трясло. Сеньоры из пушек долбанули – мимо. А потом она как жахнет. Ваня-бортинженер и предложил поздравить аргентинцев с геройской победой.

– Разумно.

– А далее винтокрыл на борт приняли и на двадцати пяти пошли курсом на норд-ост, это уже в журнале есть. В 17:20 обнаружили работу навигационной РЛС. Лоханка на пределе видимости болталась, мы курс ради неё не стали менять – всё одно засветились. Потому как следом нас аргентинский двухмоторный винтовой облетел. По-английски они не очень, но на своём кастильском лопотали бойко – похоже, восторгались нашим «железом». Через минут сорок «англичанин» пожаловал. Уже темнело, но РЛС по длительности и характеру издавала – самолёт. По-моему, «Нимрод» – у бриттов в это время они были. С этим мы и разговаривать не стали – настырный. Он ещё с полчаса посвистал вокруг нас и убрался восвояси.

– А чего так прямолинейно?

– В смысле?

– Через Атлантику? Сейчас между базой на острове Вознесения и Фолклендами весьма оживлённо, да и потом идти в зонах постоянного слежения вплоть до надводных кораблей блока? Я сменил курс.

– Когда? – Скопин даже оторопел. – Куда?

– В 1:30. На Дальний. Но лучше в Камрань ^[36]. До выяснения.

Скопин лишь кивнул, моментально принимая правильность решения командира. Очевидность выбора против маршрута по тесным приевропейским акваториям, перенасыщенными натовскими «ушами» и «глазами», не вызвала сомнений. А Азиатско-Тихоокеанский регион напоминал суп с клёцками тысячей островов, где и затеряться легко, несмотря на космическую слежку.

– Кстати, ты так насел, что я и спросить забыл. Как глаза?

– В полумраке превосходно, а днём, видимо, в солнцезащитных пока похожу. Я возьму твой ноут – у тебя по Фолклендской что-то ж есть?

– Да, ярлык на «рабочем столе».

– Ну, всё! – Терентьев резко встал и, прихватив ноутбук, торопливо двинулся на выход. – Я в ходовую. Ты досыпай.

* * *

– Слетелось вороньё! Сначала «аргентинец» появился... теперь ещё один – бритт, – после строгого доклада вольно комментировал показания на РЛС вахтенный офицер, – ещё в 6:00 «Вайгач»^[37] выдал засветку на пределе дальности, наверняка «аргентинец». Включает локатор, по параметрам явно не обычная судовая РЛС. Подозреваю, наш знакомец «Бельграно».

В «ходовой» утренняя вахта – обычная монотонность работы аппаратуры и докладов, колдующих на своих постах операторов.

Скопин ёжился, спросонья было зябко. Хлебал чай. Хотелось кофе, но только вот и было – хорошо, что хоть крепкий и обжигающий.

Океан не унимался, по-прежнему свирепствуя ветром. Снег с дождём оставил на стёклах рубки высохшие белым солёным налётом капли. «Непорядок!»

– Где командир?

– В медблоке, профилактика, по-моему, – и добавил, поясняя: – Глаза. Сказал, минут на двадцать.

– Где мы?

– А почитай там же, где «вертушку» топить подлодку отправляли, – в лице вахтенного мелькнуло довольство кота, поймавшего мышку, – утюжим пятьдесят пятую широту туда-сюда. Вот координаты.

– Ага, вижу. – Скопин нифига не выспался и ещё плохо соображал, тупо поглядывая то на карту, то пытаясь что-либо разобрать на секторальных экранах. – А они друг на дружку не кинутся?

– Подраться? Задачи другие. Оба локаторами пасут и кодами так и строчат в эфире. Англичанин – «Нимрод», он у нас уже забит в комп.

Операторы, сидящие здесь же, в посту за спиной, бубнили, сопровождая цели с рубежа обнаружения. Каждый наблюдал за своим квадратом, немедленно докладывая об изменениях.

– Дистанция меняется, угол места...

– Смотри-ка, однако, бритт сдёрнул на другой эшелон! – Вахтенный был в теме, сразу выуживая из череды докладов важное.

«Командир на мостике!» и «Смирно!» (кого касалось) почти совпало с докладом поста радиоперехвата:

– Аргентинский «Бельграно»! Открытым текстом: «Battlecruiser «San Pedro» – thanks for your help!»^[38]!

– Что за... – У Терентьева глаза на лоб полезли от этой анло-испанской смеси. – Какой нахрен «дон педро»?

– Из Бразилии который, где живут стаи диких обезьян! – Несмотря на комедийность контекста тётушки Чарли, тон Скопина был мрачнее некуда – он, прижав наушник к уху, дослушивал радиogramму с аргентинского крейсера. – Переводчик у них хреновый, или с бодуна своего не разобрали «Великий». Вот и вклепили привычного для них «святого». Просят randevu. У них представитель хунты на борту.

Непонимание Терентьева длилось лишь секунду, встретившись взглядом со старпомом:

– Есть у меня подозрение...

– Что нас хотят использовать, – продолжил за него Скопин, – как козырную карту – специально открытым шпарят для бриттов.

Наблюдая за показаниями радара ВЦ^[39], ему показалось, что «Нимрод», переваривая «радио» с «Бельграно», аж «присел», смещаясь от центра к краю радиолокационного экрана.

– Что ответим?

– Придётся что-то решать, – командир взглянул на карту с прокладкой курса, – нам от них не отвертеться, не убегать же... режет нам курс – на пересечке, один чёрт, сойдёмся.

Вот только не хочется подпускать «Бельграно» на дистанцию его орудий.

– Пусть вертолётom свою делегацию везут – примем.

– Передавай.

* * *

Пилотов аргентинцы подобрали опытных – «Агуста», на секунду уравновесив свою скорость с «Петром», зависнув в метре от площадки, стремительно, но мягко коснулась палубы.

– Рисуются, – флегматично прокомментировал Харебов. Скопин заметил, что тот слегка уязвлён, но стало не до профессиональной гордости приятеля – техники бросились найтовить цепями машину, ещё на ротации

вращались лопасти, сдвинулась вбок дверь, и гости бойко стали выгружаться, пригибаясь, удерживая фуражки – имея, видимо, уже опыт.

Двое военных, двое в штатском. «Гуд монин» и Скопин на английском предложил следовать за собой – никаких особых «приветствуем вас на борту...» – пусть командир разводит политесы.

Пока шли с кормы в кают-компанию, разодетые военные со сдержанным любопытством поглядывали вокруг, кроме по-граждански одетого, но подтянутого господина лет за шестьдесят, в лице которого ничего не выдавало южных кровей. Чем-то он по внешности напомнил персонаж «Двенадцати стульев» – Ипполита Матвеевича. Вот только по его деланому равнодушию, но проскальзывающей цепкости взгляда Скопин решил, что в этой пёстрой команде главный именно он. Ещё один гражданский был, вероятно, переводчиком.

* * *

Терентьев надеялся, что с аргентинской делегацией придёт советский дипломатический представитель, что и послужило окончательным согласием на эту встречу. Однако надежда не оправдалась, и он почти не видел смысла в этих переговорах, терпеливо выслушивая приветствие аргентинского представителя, украдкой поглядывая в открытый ноутбук, развернув папки со всей имевшейся информацией по англо-аргентинской заварухе.

Общая история выглядела так, что СССР бы и влез в конфликт, вплоть до предоставления Аргентине кораблей, самолётов и ракетных систем взамен на льготные поставки зерна и мяса, но надавили американцы, нагнетая антисоветские настроения, наращивая свои силы в Европе и вблизи границ СССР. Смогли они найти рычаги давления и на Аргентину, фактически вынудив Буэнос-Айрес сократить товарооборот с Советами.

«Но одно дело дипломатическая болтовня – торговля в кабинетах, – рассуждал Терентьев, глядя, с каким любопытством (не без доли удивления) пялятся гости на крутой скопинский ноут, – другое дело целый battlecruiser, в железе и пушках. Два этих расфуфыренных генерала уверены, что справятся с бриттами своими силами, судя по их надменным ромам, хоть крейсер и произвёл на них впечатление. А вот хлыщ-политик... этот непрост, и прав Скопин, что аргентинцы, прознав о наличии ядерного оружия у экспедиционных сил англичан, собираются использовать нас как пугало в противовес. Ведь Союз наверняка заявил об

оснащении кораблей класса “Орлан” ракетами с ядерной боеголовкой. Наверняка в этом не сомневаются и аргентинцы. Что ж, не будем их разубеждать, тем более что всё равно не поверят»^[40].

Собственно интересы аргентинцев были вполне предсказуемы, и они со Скопиным успели некоторые версии обсудить.

«Что они себе думают в Буэнос-Айресе? Были предварительные переговоры с Москвой на высшем уровне о военных поставках – но не заладилось. Однако русские что-то замутили – военный корабль-то нарисовался, да ещё и неоднозначно подыграл с этой треклятой “Конкерор”. Вон они даже презент (корзина с фруктами и с заманчивыми на вид бутылками) от командира “Бельграно” преподнесли с неким подтекстом».

Аргентинцы сразу повели разговор о деле, даже в коротком приветственном вступлении обозначили неординарность ситуации, выказав восхищение умением русских тайно от всех построить и перегнать на театр боевых действий такой мощный и крупный корабль.

Военные (один, судя по знакам на погонах – морской офицер, другой относился к ВВС) представились длинными именами, как это водится у испаноязычных наций. Но главным, как правильно определил Скопин, у них был «гражданский», имевший явно немецкие (судя по фамилии) корни, да не совсем он был «гражданский», кое-какая военная выправка в нём проглядывала. К своим военным он лишь иногда обращался за незначительными консультациями, в основном поглядывая в разложенные бумаги, вкрадчивым голосом озвучивая предложения Буэнос-Айреса.

Терентьеву вдруг показалось, что перед ним либо матёрый дипломат, либо из-за сложностей перевода он ни черта не понимает в аргументах собеседника: в полунамёках, допущениях и конечных пожеланиях этого арийца-аргентинца.

Он уже хотел послать за своим, пусть и горе-переводчиком – Забиркиным, когда дипломат достал из своего портфеля пачку газет, положив её на стол со словами:

– Несмотря на войну, у нас печатаются лондонские газеты. Вот «Таймс», взгляните.

«Ах, ты твою мать! И ведь не врёт наверняка, – сдвигая газету ближе к потянувшемуся Скопину, Терентьев чувствовал, как кровь ударила ему в лицо, – а какой ещё реакции ждать? У руля Андропов, хоть и жёсткий человек, но на Союзе висит война в Афгане, все международники так и лают: страна-агрессор, а тут откуда ни возмись военный корабль у чёрта

на куличках. Что ему думать? Провокация как минимум».

– Может мне сгонять прослушать эфир, международные радиостанции, – едва шевеля губами, чтоб не расслышал переводчик, спросил Скопин, перебирая лежащие распечатки и газеты, – не фальсификация?

– Не сукатись, – оборвал его Терентьев, гуляя взглядом между переводчиком и главным у аргентинцев.

На другой стороне стола внешне сохраняли невозмутимость, но легкое дребезжание в голосе выдавало удивление и понимание, что у русских какие-то нестыковки. Переводчик, порой неправильно ставя ударения, послушно повторял за испанской тарабарщиной:

– Ход, конечно, белее чем оригинальный – с отказом принадлежности. Я не могу предполагать, какую игру ведёт ваше правительство. Возможно, вас ещё не информировали по системе космической связи?

Аргентинец при этом весьма многозначительно поглядывал на ноутбук, явно приняв тихо ноющий кулерами девайс за супертехнологичную советскую разработку, тем более что прикалывающийся Скопин приклеил на крышку логотип знака качества СССР.

– А вы можете устроить нам встречу с советским представителем? – спросил Терентьев и тут же пожалел о сказанном, находя быстрое исправление своей ошибки в подхвате старпома.

– У нас неполадки с космической связью.

– Советский Союз официально отказался от крейсера, а лично у вас, – аргентинец со значением взглянул на командира корабля, – как я понимаю, особые полномочия. Но замечу – ситуация непростая. Англичане обвиняют вас в потоплении их субмарины и объявляют пиратами. Американцы стягивают свои корабли к зоне конфликта. Наше правительство готово вас прикрыть, заявив, что крейсер находится на службе у Аргентины.

– Прикинь, нам предлагают «крышу», – в голос ухмыльнулся, прекрасно зная, что этот полусленг переводчик не поймёт.

– Погоди, дай подумать.

Предложение аргентинцев не то что не входило в его планы, а показалось лично для него возмутительным.

«Русский боевой корабль под аргентинским флагом – эдакое “фу-фу”! Однозначно – домой! А с другой стороны: облава флотом США! “Орлан” и с эскортом против АУГ едва ли выстоит, а в одиночку и подавно, да ещё и без целеуказания. Но как-то не верилось, что штатовцы по-серьёзному

полезут в драку. Будут прессовать, демонстрировать и имитировать... шакалить, короче. Но открыто побоятся атаковать. Мы ж и огрызнуться можем».

Терентьев и сам не заметил, как вторя своим мыслям, отрицательно качал головой, поняв это лишь по вытянувшемуся недовольному лицу аргентинского представителя.

Сказать своё «нет» Терентьев не успел – пискнул коммутатор, сообщая искажённым голосом вахтенного офицера боевого информационного центра:

– Две воздушные цели. Предполагаю атаку!

– Сейчас буду! – ответил Терентьев, не переспрашивая данных, доверяя выводам офицера, и, развернувшись к гостям: – Извините, господа, ситуация требует моего присутствия на командном пункте. С вами пока останется мой старший помощник.

– Прошу прощения, что случилось? – Аргентинцы взволнованно зашевелились.

– Вероятно, нас атакуют самолёты противника.

Прослушав перевод, один из аргентинцев в звании бригадного майора ВВС, спросил данные по наблюдаемым самолётам.

Не желая показывать суету, пожав плечами, Терентьев запросил БИЦ [\[41\]](#):

– Каковы параметры целей?

– Высота 4800, скорость 900, пеленг 45 на корабль, не меняется.

– Это «Вулкан», – безапелляционно заявил генерал-майор, – они летают с Вознесения. Пятнадцать часов лёту. Так просто лететь они сюда не станут.

– Разберёмся, – кивнул Терентьев.

– А нельзя ли нам присутствовать на вашем командном пункте?

Секунду поколебавшись, командир дал согласие, попутно предупредив, чтобы гости не мешали офицерам выполнять свои обязанности.

* * *

– Мы их взяли за пятьсот, – частя, отчитывался дежурный офицер, – затем доложило РЭБ [\[42\]](#), не классифицируя – просто кратковременное излучение РЛС по пеленгу. Потом последовало ещё одно включение их

облучателя и по длительности импульса определили – цель воздушная. Идёт практически с нулевыми параметрами, то бишь целенаправленно в сторону нашего локатора. По факту – она не смещается по азимуту, разве что немного уходит по углу места, да и то, видимо, не вследствие изменения высоты.

Затем было установлено, что цели две, и уже шли они не больше ста метров над уровнем. Подозрительно! Мы их активно подсветили и взяли на сопровождение – они в ответ поднялись до 4800. На данный момент: цель номер один дистанция 120 километров, высота 4800, скорость 850. Цель номер два – идёт на незначительном удалении и по высоте в том числе. При этом «Нимрод» по-прежнему кружит на шестидесяти к востоку и находится в постоянном радиоизлучении. Наводит – сука!

– «Форт»^[43] смахнёт их с неба на раз, – с пренебрежительным пафосом заявил Скопин, зыркнув в сторону аргентинских военных, которым что-то нашёптывал переводчик.

– Мы не можем ничего предпринять, пока не будем уверены в их враждебных намерениях. – У Терентьева из головы не выходили слова аргентинского генерала, что просто так британские «Вулканы» лететь в такую даль не станут. – Где «Бельграно»?

– Если выйти на правое крыло мостика, то в обычный «цейс» его можно увидеть – двадцать миль на правом траверзе.

Неопознанные самолёты целенаправленно угрожающе сокращали дистанцию. Командный пункт РЭБ получает приказ докладывать по целям непосредственно на ГКП с периодичностью одна минута, затем тридцать секунд.

– Как ты думаешь, – Терентьев наблюдал, как на табло высвечивается дистанция до целей, – одной «фортовской»^[44] возьмём эту «бесхвостку»?^[45]

– Легко, – ответил Скопин, – это всего лишь бомбёр.

– Цель номер один дистанция пятьдесят, – оператор выдавал данные чётко, но понимание ситуации невольно повышало голос до фальцета, – они задействовали систему радиоэлектронных помех. Цель раздваивается – наблюдаю пуск ракеты. Ракеты, две!

– Их на сопровождение ЗРК «Кинжал», – торопливо приказал Терентьев, чувствуя, как сокращается время реакции. Пеленг цели № 1 медленно сползал вправо – «Вулкан» отстрелялся и отваливал на разворот. Второй бомбёр-ракетоносец выходил на дистанцию пуска.

– Цель номер два – уничтожить!

Крейсер аж слегка присел при выбросе ракеты из контейнера носовой ПУ комплекса «Форт».

Ютящиеся в углу боевой рубки аргентинские представители вовсю таращились на выхлоп маршевого двигателя и прыснувшие газодинамические струи, бросившие ракету на азимут и траекторию перехвата. Тут же поступил доклад:

– Сопровождаю – цель номер два, тридцать секунд до поражения!

– Ракеты противника в зоне поражения «Кинжал», – объявил оператор РЛС «Позитив»^[46].

– Пуск!

В носу корабля порхнули четыре фейерверка зенитных «кинжалов», при их 850 км/ч – минута преодолеть двенадцать километров до вражеских целей.

Почти одновременно домчала ракета средней дальности «форт», покрывшая сороковник кмэ за полминуты.

Тщетно вихлял «британец» в противоракетном, задействуя систему радиоэлектронных помех – на встречном курсе, взаимная кинетика самолёта и разлёт осколочно-фугасной БЧ изломали конструкцию в секунды.

И четыре «кинжала» на два «шрайка» оказались избыточны – лишь одна противоракета мазнула на самоподрыв.

Перепополненного эйфорией Терентьева трезвила реакция Скопина – по-мальчишески в азарте приоткрывшего рот, наблюдавшего, как табло «втягивает» в себя дистанцию до целей, при сопутствующей монотонности операторов: «дистанция потеряна!»... «угол места – ноль!». И наконец, захлопнув свою скалящуюся пасть, тот снова осклабился с довольным видом:

– Есть!

Что особо произвело впечатление на выпучивших маслины-глазищи аргентинцев, и без того едва ли не пускающих слюну на машинерию русских, понимающих по одной только радостной роже Скопина – бриттов уделали.

Продолжали поступать доклады по воздушной обстановке: по пеленгу сбитого самолёта фиксируется радиомаяк «мэйдэй» – вероятно, кто-то из экипажа катапультировался. С «Бельграно» передали, что займутся поиском и спасением. Распаровка-«Вулкан», выжимая свои максимальные 980, улепётывал на северо-восток. Не менее перетрухнувший «Нимрод»

благоразумно держался на 150 километрах от опасного русского.

– Ещё успеем беглеца достать, – кровожадничал старпом, – и в «Нимроде» наивные, у них наши ТТХ устаревшие^[47].

– Побережём боеприпасы.

Настрой у Терентьева был пессимистичный – факт, что англы пошли на открытую конфронтацию, перечёркивал все планы дойти до Камрани без особых эксцессов.

– Джентльмены показали себя весьма решительными, – сказал он посерьёзневшему Скопину, – и в такой же мере и самонадеянными. Но на пути домой нас будет поджидать третий флот США вкупе с подтянутым из Индийского «пятым оперативным». Поэтому вернёмся к переговорам. Боюсь, нам придётся принять предложения аргентинцев.

– «...нас догоняет полковник Бишоп, а мы не можем уйти и не в состоянии драться...» – тихо процитировал Скопин.

– Ты о чём?

– А это в «Одиссее капитана Блада» – их пиратский корабль тоже припёрли, и им пришлось пойти на Королевскую службу.

– Озаботься гидроакустическим поиском. Не удивлюсь, если поблизости болтается британская ПЛ. Потом явишься в кают-компанию. Нет! Давай в президентскую спецкаюту. Там с ними буду говорить. Чувствую, предстоит серьёзное обсуждение условий и торг. На abordаж с тесаками нам, конечно, не ходить, но что они от нас захотят и в какой валюте заплатят – вот вопрос.

– О-о-о-о! В валюте! Вот это по-нашему, по-бразильски! – И снова серьёзно: – Нам бы на посольство СССР выйти или через Минрыбхоз – траулеры поддерживают постоянную связь. И...

Терентьев ждал. Скопин заговорил едко и слегка растягивая предложения:

– Не думаю я, что так уж всё трагично. Англичашки нахрапом сунулись – и огребли, пиндосы по рылу уже не захотят получать. Наши «граниты» на вооружение были приняты только в восемьдесят третьем, а «форт» и того позже. Но Союз уже наверняка похвалился о новом оружии-убийце авианосцев. «Натовцы», конечно, судят по своим разведанным, но у страха глаза велики – что ещё отчебучили эти русские! И дальность новых ракет «форты» – пусть будет маленьким, но сюрпризом. На всякий случай. Если случай представится, – старпом метнул взгляд на иностранцев, сопровождаемых дежурным офицером к лифту, и его голос стал ещё более злым, – аргентинцы эти ничем не лучше всей остальной своры. И в торге с ними у нас всегда есть самый козырный

беспробивной аргумент – сила. Сила весом в 26 тысяч тонн, с не менее весомой начинкой. Когда можно послать всех в известное на... и уйти, при желании хлопнув дверью.

По другую сторону Фолклендов

В 9:45 экипаж «Треккер» взлетевшего с авианосца «Бентисинко де Майо» установил радиолокационный контакт с дозорным британским эсминцем. Незамедлительно последовал приказ нанести удар по вражескому ордеру. На семь «Скайхоков» А-4Q подвесили по шесть свободнопадающих 227-кг бомб, и катапульта последовательно выбросила штурмовики в небо. Восьмая машина, заряженная управляемыми ракетами «Сайдуайндер», осталась на палубе, готовая в любую минуту взлететь для противовоздушной обороны соединения.

Атака на эсминец «Шеффилд» получилась скомканной – аргентинцы хоть и вышли на низкой высоте неожиданно, но попали под ЗРК «Си Дарт» однотипного «Глазго», располагающегося мористее и прикрывающего «систершип» от атак с воздуха.

Ко тому же поступило сообщение о приближении пары «Си Харриеров», и «Скайхоки» едва успели «унести ноги».

Однако при полёте к своему авианосцу их ждала неприятная картина.

Атомная ПЛ «Сплэндит» ещё в девять утра установила контакт с кораблями противника, скрытно маневрируя вокруг группы кораблей, заходя то с севера, то с запада, всякий раз натываясь на работу гидролокаторов эскорта авианосца, и, осторожничая, снова отползала на исходную – участь «Конкерор» предупреждающе скреблась в мозгах экипажа и чужими гидроимпульсами по зализанному корпусу подлодки.

И только суета в воздухе позволила «британцу» выйти на позицию атаки, когда постоянно путающиеся «под ногами» корабли охранения сконцентрировались на поиск воздушного противника.

Две телеуправляемые торпеды «Тайгерфиш» почти одновременно поразили правый борт у миделя и в район кормы. Заходящий на посадку «Треккер» ударился стойкой шасси, и его вышвырнуло за борт.

Едва опали столбы воды, по миделю занялся пожар, сразу стал заметен крен на левый борт. Также началась фильтрация воды в румпельное отделение.

Корабли охранения тщетно пытались выследить вражескую подводную лодку, в то время как команда «Бентисинко де Майо» аврально

боролась за живучесть корабля.

Надо отдать должное командиру авианосца и его экипажу. Им удалось на некоторое время спрямить крен и, несмотря на неугасающий пожар по миделю в районе надстройки, вытолкать в воздух все, что ещё могло взлететь. Затем крен опять стал угрожающе расти. Корабль потерял ход. Огонь перекинулся на надстройку, нарушилась связь с дивизионами живучести, обесточились средства пожаротушения.

В этом состоянии его и застала потрепанная эскадрилья «Скайхоков» (один самолёт аргентинцы всё же потеряли от ЗРК «Си Дарт») – скособоченный корабль, пляшущее на ветру пламя и разметающаяся по небу клякса чёрного дыма.

До материка штурмовикам не хватало топлива, и командующий соединением контр-адмирал Г. Алльера приказал совершить посадку на островах.

Пожар на авианосце тем временем переходил в неконтролируемую стадию, с каждой минутой рос крен, достигнув 25°, и командир приказал покинуть корабль.

Через сорок минут, не переставая полыхать, авианосец опрокинулся на борт и затонул.

И снова крейсер

«Этот русский Battlecruiser, конечно, корабль большой, но видали и поздоровее, у тех же янки. Пусть и не в таком классе – это объяснили прибывшие с ним военные. Но даже эти солдафоны осматривались с вполне здоровой оценивающей утилитарностью – “железо” оно и есть “железо”».

Время – молчаливые минуты в тесном лифте и в коридорах, пока они шли вслед за русским капитаном, позволило справиться с наплывом впечатлений.

Эта короткая пауза давала возможность по-другому взглянуть на собранные факты, которые никак не удавалось построить в логическую последовательность, хотя бы с приблизительно понятной оценкой происходящего.

Потому что, к его стыду – прагматичного и здравомыслящего человека, на первое место становились именно впечатления.

Наблюдаемое на командном пункте быстрое действие и технологичная функциональность боевых систем крейсера, заученная, без лишних

телодвижений работа экипажа, всё это производило показательный эффект.

Он не следил за радиолокационными метками в координатных сетках мерцающих мониторов, в которых ничего не понимал, а смотрел на старшего помощника капитана с фамилией птицы-хищника^[48] (как ему перевёл Альберто). Он и похож был чем-то на птицу, ожидая попадания ракеты в британский самолёт, азартно открыл рот и лишь при уничтожении противника, словно заглотив жертву, захлопнул свой хищный клюв.

«А потому что нельзя забывать – русские летают в космос! Это показатель!» Этой мыслью можно было бы отшлёпать по хвастливым детским попам выпускников Королевского авиационного военного колледжа в Крануэлле, как и к вящему огорчению зазнаек из Вест-Поинта и Аннаполиса^[49].

Американцы, изображая русских в шапках-ушанках, с топорами и балалайками, скрывают за напускным пренебрежением если не откровенный страх, то как минимум настороженное ожидание чего-нибудь эдакого под заголовками «Эти могут!» и «Абсолютно непредсказуемые!».

И принимая эту данность: «смогли» скрытно спустить со стапеля махину в 26 тысяч тонн, «смогли» незамеченными совершить поход в несколько тысяч миль, он совершенно не мог ухватить за хвост эту русскую «непредсказуемость».

Москва хотела торгануть оружием, при этом даже не за наличку, а бартером. Но! Американцы, эти хитрые лисы, которые якобы объявили о своём посредническом нейтралитете, недвусмысленно дали понять – «если Буэнос-Айрес воспользуется помощью Советов, США окажет всестороннюю поддержку Англии».

И русские получили от аргентинской стороны отказ. Однако присылают боевой корабль, при этом не признают его своим! Не признают на официальном уровне! Эдакая хитрая комбинация, по сути авантюра! Но восхитительная авантюра! Нет никакой военной помощи, а есть частное судно, поступившее на службу Аргентине!

И тут, обозначив свою позицию против британцев, русские вдруг решили уйти. Изменились планы? Получили другие инструкции? Как бы ни пытался выглядеть непроницаемым этот русский капитан, было видно – он тяготился этими переговорами и ему было плевать на наши предложения. Он действительно собирался уходить!

Пока британцы не атаковали. Вот после этого настроение русского изменилось. Или это был торг? В таком случае – свою партию он играет

прекрасно.

А это значит, что капитан крейсера наделён особыми полномочиями и инструкциями. И именно он сторона договора! И отговорки о неполадках с космической связью вполне закономерны при вероятной слежке американцев, как и заикания о встрече с посольскими Советов – всё та же игра при недоверии.

Как бы там ни было, стоило ещё раз похвалить себя за верное решение – подsunуть британцам информацию об участии русских в потоплении «Конкерор».

Расчёт, правда, изначально строился на том, что произойдёт дипломатический скандал и конфронтация между блоками, что в какой-то степени отвлечёт и ослабит позиции британцев. Но Москва поступила более чем неожиданно. И получилось, как получилось.

Так или иначе русские заинтересованы, и договор состоится. Так даже проще – без долгой дипломатической волокиты. Другое дело, как будут выполняться условия контракта – перевод денег на счета или всё тот же бартер, пока неясно.

* * *

Проводив взглядом компанию гостей во главе с командиром, Скопин первым делом накрутил акустиков – чтобы бдели! Вышел на крыло мостика – оглядеться в мощный оптический визир, да и вообще подышать, так сказать, проникнуться обстановкой моря.

Штормит, морозно, леера обледенели, щербато зубатясь сталактитами сосулек. «Бельграно» по-прежнему поддымливал на траверзе, за ним чуть дальше угадывался эскорт.

Вернувшись в рубку, озадачил вахтенного:

– Свяжись с нашим «крестником»... – увидев непонимание, пояснил: – «Бельграно»! Мы его почитай от смерти спасли, вот и несём ответственность теперь за тех, кого мы выручали! Так вот, пусть тоже озаботятся противолодочным поиском, если и дальше хлюпать по морям-океанам желают.

«Позвонил» лётчикам. Ответил командир авиа-группы.

– У нас порядок. Оказываем гостеприимство. Тут тебя Харебов хочет.

– Давай.

– Привет, чертяка! – голос майора. – Потом расскажешь, как было?

– Естественно!

- Тут поведали, что нам повоевать хотят предложить...
 - Никакой секретности на боевом корабле, блин! И кто?
 - А эти мучачос-пилоты. Мы ж тут не только опытом делимся и матчастью хвастаем.
 - Надеюсь, без сухой протирки контактов?
 - Обижаешь! Мы ж все «за рулём». Кстати, у вас там чины из хунты ничего не заподозрили?
 - В смысле?
 - Да тут один из пилотов с «Агусты» глазастый и с соображалкой. Спросил, дескать, почему у вас на шевронах написано «Россия», а не «СССР»? И флаг Андреевский приметил.
 - А вы?
 - Аргументированно – «так надо, военная тайна».
- Скопин услышал за спиной: «Товарищ капитан второго ранга, вас командир требует!», поэтому бросив в трубку короткое: «Всё, мне бежать», заторопился в кают-компанию, и уже вдогонку услышал:
- «Бельграно»...
 - Что «Бельграно», таки утоп?
 - Передал! У них авианосец прикончили!

Закрутилось: метнулся в президентскую каюту, одного взгляда хватило – сидят, «бодаются». Терентьев в своих «плюсовых» очках в золотистой оправе, словно финансист, невозмутим, но явно упёрся – у него подспорье в виде аутсайдерской информации из компа. У аргентинцев рожи натянутые, недовольные, ещё и «обрадовал» их. Поверили – не поверили, но подробностей захотели. Бригадный майор ВВС вызвался переговорить со своими.

Терентьев, конечно, не мог отказать, послал с ним мичмана вестовым:

- В БИЦ – быстрее будет! И по обстановке «пробежись», – затем прищурился в сторону старпома, – пора бы уже с аргентинцами и о кодировке договариваться. Последний раз докладывали – британский «Нимрод» никуда так и не делся. Маячит на радаре в безопасном далёке, но РЛС своей совершенно без стеснения, как кот, метит.

По этому короткому «договариваться с аргентинцами о кодировке» Скопин понял, что дело к тому и идёт – к договору. Присаживаясь к столу, сразу пробежался взглядом по бумажкам, разложенным перед командиром, и удивился: «Ну надо же».

Практический типовой договор фрахта, на английском, с галочками

пометок и вопросиков красным карандашом, зажатым меж пальцев командира. Особо подчёркнуты пункты: «обязательства сторон», «стоимость и специфика услуг», «порядок расчётов».

– Ежедневный расход на «Петра» в походе двадцать тысяч долларов, – прожужжал сквозь зубы Скопин, – но это для бюджета России.

– Значит, коммерческую, учитывая, так сказать, военную специфику товара, можно множить на десять. Если не больше, – не задумываясь, вывел Терентьев.

– Только доллар в восьмидесятых повесомей был.

– Хорошо! Сделаем корректирующую скидку, – Терентьев, словно школьник, наклонив голову, начертил крупную цифру, указав на неё оппонентам, – это ежедневная плата за пребывание крейсера в зоне конфликта. Плюс к этому будут ещё и расходы по боеприпасам.

Ожидая, пока переведут сказанное, он спросил у Скопина:

– У тебя в компе есть расценки Рособоронэкспорта на наши «погремушки»?

– Что-то есть, но многое в армейском варианте.

– Без разницы, извлекай.

– Так давай сразу к принтеру подключусь, и договор и контракт распечатаю... только знаешь... – Скопин скривился, – всё это филькина грамота...

– Почему?

– Кинуть нас на раз-два-три могут. Если с Союзом не свяжемся.

– Думаю об этом, – отрезал командир, – давай подключайся к принтеру.

Повозиться, конечно, пришлось! С переводом на английский язык спецтерминов. Естественно, надо было выложить и боевые характеристики, чтоб прониклись уважением, что не фуфло устаревшее «покупают» (не особая военная тайна, только некоторые уже известные параметры занижил, и не только по «Форту»). Ну и само собой ценовая правка.

Принтер начал знакомо елозить кареткой, кряхтя, выдавая один за другим листы с текстом, а Скопин, бегло тарабанив по «клаве», с приятным удивлением слушал, как мягко, словно по писаному, стелет командир.

– Господа, вот эти договора так называемого фрахта, что вы предложили, не совсем корректные – не отражают всех сторон вопроса. Думаю, что надо несколько расширить часть пунктов, внося дополнения в условия контракта, согласно специфике применения и боевых возможностей, а также статуса корабля. Но прежде хотелось бы

определился с оплатой. Точнее с формой оплаты. Ситуация не располагает вести расчёт через банковские счета, и также считаю сложной систему через посольство СССР. Хотя бы только из-за того, что переговоры через Москву могут затянуться, а британцы ждать не станут. Более того, согласно имеющимся у нас разведданным, англичане намерены совершить десантную операцию, не затягивая со сроками.

– И какой же способ оплаты вы предлагаете?

– Нас же называли пиратами, – Терентьев словно фокусник извлёк газету «Таймс», указывая на громкий заголовок, – а пираты, как известно, любят наличность, золото!

До этого аргентинский представитель ещё сохранял невозмутимость, но при объявлении об оплате золотом его лицо непроизвольно вытянулось.

– Боюсь, с этим возникнут сложности, как и трудно будет убедить правительство согласиться с такими условиями.

– Ну что ж тут сложного? Вспомнить войны – золото самое удобное средство оплаты. Ко всему, сами понимаете, банковские операции легко отследить, счета заблокировать...

И Терентьев словно решил добить оппонента, добродушно улыбнувшись, как только мог:

– К тому же мы, будучи, так сказать, пиратами, фактически являемся непризнанной, объявленной вне закона стороной. Поэтому будет уместна авансированная проплата.

Аргентинец безотчётно сучил руками, перебирая свои бумаги, возвращая лицу бесстрастный вид. Казалось, он просто не знал, какое решение принять. Пауза с появлением аргентинского майора в сопровождении мичмана давала возможность подумать, но видимо, потеря авианосца подтвердилась, и гости, перекинувшись парой фраз, не сдержавшись, вспыхнули эмоциями, по типу «непереводимого фольклора». Однако тут же взяли себя в руки и, извинившись, предложили продолжить переговоры.

Скопин в целом закончил печатать, отсортировав, передавал материал командиру.

Листы переходили из рук в руки – аргентинские переговорщики просматривали распечатки, где бегло, где более вдумчиво, хмурясь при непонимании, но в целом общее представление получая.

– Честно говоря, в этом списке вашего арсенала я кое-чего не увидел и... вы же не намерены всем этим единовременно воевать?

– Естественно, более того, я считаю, что аргентинские вооружённые

силы сами способны справиться с бриттами.

Вот тут, конечно, после перевода Терентьев снискал благодарные взгляды аргентинский военных.

– А наша роль по большому счёту должна вылиться в демонстрацию и сдерживание британцев от опрометчивых действий, – Терентьев имел в виду гипотетическое применение атомного оружия, увидев ответное согласие в молчаливом взгляде оппонента, – понимаете, о чём я...

– Вы нам не доверяете, иначе бы не требовали авансирования, – прямолинейно заявил морской офицер («капитан де навио», что-то типа капитана 1-го ранга), – но как мы будем контролировать расход вашего боезапаса, если уж так акцентироваться на финансовой стороне вопроса?

– Ваш человек, специалист, будет постоянно на корабле. Вы, например. И поверьте, мы будем предельно честны! Если по нормативу нам на поражение воздушной цели требуется две ракеты, то расход так и будем начислять, но! – Терентьев поднял палец. – Вопрос оплаты будет решаться по факту уничтожения противника.

По лицам аргентинцев было видно – эта уверенность в собственном оружии (учитывая уже продемонстрированные возможности при воздушной атаке) им понравилась. Военные даже извлекли карту с островами и значками диспозиций, стали чертить стрелки, вероятно, прикидывая новые возможности с учётом русского крейсера.

Вообще Скопину показалось, что настроение изменилось. Никто конкретно не высказал своё согласие к сотрудничеству, не подписаны ещё договоры-контракты, но аргентинцы, словно по переключению тумблера, сразу стали воспринимать их как союзников (по крайней мере военные, гражданский по-прежнему сидел надутый как индюк). При этом эффект работал в обе стороны – все ощутили, что они вроде бы как в одной лодке и делают общее дело.

«Или энтузиазм этих двух иностранных военных так заразителен? Откуда вот это промелькнувшее чувство нужности?»

Скопин вдруг осознал оторванность всего экипажа вместе с крейсером не только от своей страны (на данный момент – СССР), но и вообще – от своего времени.

«Что это – отголоски стадного инстинкта? К чёрту – долой самокопание! Что там – аргентинцы интересуются нашими якобы разведанными, а Терентьев в моём компе не совсем ориентируется?..»

– Дай-ка я, – Скопин потянул к себе ноутбук, находя свою подборку по Фолклендской войне, решая, с чего начать. Бегло «пролистав» странички, наконец, взял слово.

– Всё дело в том, что в имеющихся данных не учитывается новый фактор – наш крейсер. Вы понимаете, что британцы теперь наверняка внесут изменения в свои планы. Однако у нас есть аналитические выводы и прогнозы наших военных специалистов, основанные на уже имеющейся информации. Так вот. Основная цель британцев вернуть себе острова, выбив оттуда ваш военный контингент. Для успешного выполнения этой задачи им необходимо установить господство в воздухе.

Уже сейчас ясно, что истребители «Мираж» и «Даггер» аргентинских ВВС, действуя с удалённых материковых аэродромов, имеют ограниченное время для выполнения боевых задач и не могут защитить штурмовую авиацию и силы флота от британской палубной авиации. Поэтому надлежит предпринять срочные работы по удлинению бетонированной взлётно-посадочной полосы на Фолклендах, превратив острова в непотопляемый авианосец.

При словосочетании «непотопляемый авианосец» аргентинцы все как один скривились, видимо, вспомнив потерю «Бентисинко де Майо».

Заметив их реакцию, Скопин вспомнил, что после потопления «Бельграно» аргентинский флот почти бездействовал, опасаясь удара из-под воды.

– Хочу подчеркнуть, если британские субмарины загонят флот Аргентины по базам – это первый шаг к проигрышу в войне. Теперь маленькие, но немаловажные частности, – продолжил Скопин, – англичане применяют новейшие американские ракеты «воздух-воздух» «Сайдуайндер» с инфракрасной головкой наведения. Более-менее эффективный, но самый простейший способ уходить от их атак вижу в применении отстреливаемых самолётом тепловых ловушек. По типу сигнальных ракет, только выделяющих большое количество тепла при горении. Иначе, учитывая повышенную манёвренность «Си Харриер», потерь в авиации не избежать.

Если истребителям удастся прикрыть штурмовики с воздуха, то «Скайхоки» смогут «укокошить» практически весь экспедиционный флот Её Величества. Планируемая вашими лётчиками тактика атаковать корабли противника с малых высот весьма удачна – их зенитный комплекс «Си Дарт» откровенно слаб. Против французских «Экзосет» у бриттов единственный действенный способ борьбы только уголки отражатели, и могу вас разочаровать, если англичане вовремя поставят помехи, ракета пройдёт мимо цели. Кстати, у Аргентины вообще сложно со средствами радиоэлектронной борьбы и в частности с дипольными отражателями – стоит озаботиться. По поводу применения свободнопадающих бомб –

вашим специалистам следует повозиться со взрывателями. Мало того что это американское старье пролежало на складах тридцать лет, так ещё есть предположение, что взрыватели просто не успевают взводиться при атаке с бреющего.

– Вы в этом уверены? – Если аргентинские военные вполне прониклись осведомлённостью русской разведки, то начальствующий в их компании дипломат оставался откровенно недовольным и скептически настроенным.

– Проведите проверочное бомбометание – сами увидите.

– Значение полноценного аэродрома на островах и так понятно, но мы просто не успели обеспечить транспортные перевозки и произвести нужные работы – англичане взяли коммуникации под контроль, блокировав острова силами подводного флота, а теперь и палубной авиацией.

– На начальной стадии крейсер возьмёт воздушное прикрытие на себя, – предложил Терентьев, – потеряв пять-шесть самолётов, британцы просто прекратят полёты в зоне поражения наших ЗРК.

Пока Скопин излагал почерпнутое из ноутбука, Терентьев с интересом поглядывал на карту, где аргентинские военные наскоро выводили новую тактическую расстановку сил, и, разобравшись с обозначениями, удовлетворительно кивнул:

– Весьма разумный подход.

– Не посвятите? – Гражданский только сейчас обратил внимание на работу своих военных советников.

Используя карандаш как указку, Терентьев бойко прошёлся по карте, находя одобрительное понимание со стороны в аргентинских офицеров.

– Наладив постоянное патрулирование противолодочной авиацией в прибрежных зонах, вы значительно снизите риски быть атакованными подлодками противника, в конце концов, даже вынудив их отказаться от свободной охоты. Тем самым давая возможность своим транспортам беспрепятственно доставлять оборудование и стройматериалы для взлётной полосы. Хочу также акцентировать ваше внимание – совместно с противолодочными силами активно задействовать флот. Понимаю – можно потерять половину кораблей. Но в бою... какой толк от них будет после проигранной войны? Через несколько лет эти старые «вёдра» просто распилят на металлолом.

Терентьев снова вернулся к карте:

– Далее. Вот тут я хочу внести поправочку. Зоной маневрирования «Петра» назначить всё же южный и юго-восточный сектора. Поверьте, дальности наших ЗРК хватит, чтобы охватить зонтиком противовоздушной

обороны почти все Фолкленды и часть транспортных коммуникаций. То бишь любители цивилизованно устанавливать правила войны (я имею в виду двухсотмильную зону и прочее) получают уже наше ограничение для манёвра. Британцы фактически будут лимитированы двумя направлениями беспрепятственного подхода – северо-восток и северное направление. Где их будут встречать ваши ВВС и корабли флота. В конце концов, это ваша война!

Наконец джентльмены поймут, что русский «Battlecruiser» не намерен покидать своей зоны ответственности, и будут действовать более смело, либо спровоцировав встречное морское сражение, либо... в общем, думаю, что ваши лётчики и до этого смогут ощутимо потрепать британцев. – Терентьев ладонью изобразил атакующий самолёт, красноречиво взглянув на майора аргентинских ВВС.

– Совершенно верно, – белозубо улыбнулся тот, плотоядно блеснув желтоватой жевательной фиксой.

– Удастся потопить их авианосцы и наладить собственную ПВО над островами – конфликт перейдёт в затяжную стадию, – решил вставить своё Скопин, как всегда блеснув эпатажем, – демократия та ещё проститутка – правительство тори уйдёт в отставку, а дальше дело дипломатов, если, конечно, в этой железной бабёнке Тэтчер не проснётся дух Черчилля.

После перевода про «Тэтчер и Черчилля» аргентинский дипломат в любопытном взгляде на помощника капитана изобразил нечто подобное «ого, загнул!». Однако, быстро согнав с лица скупую улыбку, встречно осведомился:

– А если всё пойдёт по неблагоприятному сценарию? Думаете, что упрямые бритты не предпримут попыток уничтожить ваш корабль, даже если вы будете «отсиживаться», так сказать, в южном тылу?

Несмотря на то что аргентинец говорил с иронией, некоторое пренебрежение Терентьев почувствовал. Это его почти взбесило.

– Хочу вам напомнить, что именно на этих южных задворках английская субмарина без каких-либо проблем атаковала ваш «Бельграно», и на плаву он благодаря нашему вмешательству, а его офицеры сейчас допрашивают лётчиков сбитого британского бомбардировщика. Сбитого нашей ракетой всего лишь в нескольких километрах отсюда.

К тому же удар противокорабельными ракетами по британскому соединению мы в состоянии нанести и из-за островов. На дальности пятьсот километров. При точных данных о координатах цели. Для того чтобы достоверно уничтожить авианосец типа «Инвинзибл», прикрытый эскортом, с учётом средств радиоэлектронных помех, потребуется не менее

пяти ракет в залпе!

В общем, Терентьеву было понятно, почему это гражданский хлыщ тихо бесится: «Жаба его душит!»

Прошерстив скопинские распечатки, пройдясь по данным и ТТХ противокорабелок, своим кривым пальцем тот остановился именно на стоимости ракеты, выведя шариковой ручкой, при упоминании пятиракетного залпа, общую сумму. Так и ожидалось, что он сейчас выдаст «ипполит-матвеевское» «Однако!».

Однако старый скряга, видимо для себя уже решив, согласившись на чем-то неудобную для него сделку, вслух продолжил свои мысли:

– Только контрактный договор на вашу военную помощь нужно будет согласовывать с потребностями наших военных. Скажу напрямик – дороговато вы обойдётесь Аргентине!

И положив поверх стопки листов предоставленный добросовестным Скопиным отчёт по отражению атаки «Вулканов» с указанным расходом ракет малой и средней дальности, не без сарказма спросил:

– Потраченные ракеты на «Вулкан» уже можно плюсовать к нашим расходам?

Почувствовав издевку в интонации, дождавшись конца перевода, Терентьев с не меньшей насмешкой ответил:

– Не стоит трат! Презентация возможностей за счёт производителя! Это был рекламный ролик!

– Но свежие фрукты для экипажа не помешали бы! Под хорошую выпивку – весьма многообещающий «фернет»^[50]! – улыбаясь, подхватил Скопин, прочитав название на бутылке, вынутой из корзины-презента аргентинцев, доставленной сюда, видимо, по приказу командира.

– Фернет! – Поцокал языком майор ВВС и зачастил на своём, перебрасываясь фразами с «капитаном де навио».

Эта лёгкая пикировка с незатейливым единящим бытовым отступлением старпома слегка разрядила обстановку, потянув лица на улыбки. Вдруг напомнив ещё и о подкравшемся голоде, с поддержанным всеми распоряжением на камбуз.

Возникла удобная для обеих сторон пауза, своего рода психологическая разгрузка. Всего лишь на несколько минут. Но дело есть дело – через языковые барьеры, исписанные бумаги, обязательства, договорённости и заверения, с подписями и печатями. С кульминацией расставленных бокалов с подносом свежее испечённых пирожков. Ну, и до смешного торжественным лицом капитана де навио, с его просторечным: «чтобы у наших противников не возникло никаких претензий...»,

вынимающего из портфеля аккуратно уложенный флаг Аргентины.

Аргентинцы

Хорошее и приятное надо подавать последовательно, от лучшего к лучшему, чтобы не терялась острота новизны!!!!

Клокоча кильватерной пеной, широкий, словно обрубленный срез кормы русского крейсера медленно удалялся, по мере взлёта вертолёт открывая боковую проекцию.

Пилот «Агусты», видимо, решил совершить прощальный облёт, и серая громада корабля снова напозла, позволив разглядеть, как на одном из флагштоков поднялся флаг Аргентины.

Пилот посчитал важным – и едва они загрузились в вертолет, задвинув дверь, отсекая свист лопастей и вой турбины, позволяя говорить в голос в более-менее шумоизолированном салоне, сразу же доложил о замеченных им странностях.

Собственно это сразу бросилось в глаза – отсутствие советской символики. Скорей ожидалось стереотипные кумачовые флаги, серпы-молоты, балалайки, а эти непонятные двухголовые кокарды просто замылились, подавленные масштабом и боевой начинкой крейсера, затем и вовсе затерялись в важности переговоров и событий.

Летчики заверили, что русские залили баки «Агусты» под завязку, и можно, не присаживаясь на «Бельграно», долететь до Огненной Земли.

«Что ж, это позволит за время полёта спокойно всё обдумать, заодно без лишних ушей узнать мнение военных».

Вообще всё говорило о том, что русские хорошо, можно сказать, исключительно подготовились. Пусть непонятна концепция с символикой – маскировка это или что ещё, оставим на потом. Но что важнее – работа разведки. На высшем уровне! Когда они, постоянно заглядывая в свой мини-компьютер-раскладушку, выкладывали планы и боевые характеристики англичан, это лилось бальзамом откровения в уши его военных советников. Точные данные по вооружению, какими силами располагает противник, их действия, планы, включая перспективы. Про тепловые ловушки, дипольные отражатели, и способ борьбы с радиолокационными «Шрайк». Хотя использование бытовых микроволновок выглядело абсурдным^[51].

А вот когда русские стали со знанием дела указывать на недостатки, впрочем, как и достоинства аргентинских вооружённых сил – это наводило на нерадостные мысли, что разведка Советов плотно поселилась и в рядах наших доблестных военных-мучачос. Да и при всей правильности выводов их аналитиков не очень приятно, когда тебя поучают.

Осведомлённость русских была поразительна! Ну, вот откуда они это взяли – про американские устаревшие бомбы и плохие взрыватели, если сами наши военные оказались вне темы? Однозначно следует провести проверочные бомбометания (это на совести бригадного майора).

А к чему помощник капитана упомянул про гуркхов, батальон которых входит в состав британской десантной группировки? При этом, после бокала спиртного, якобы развязав язык, он между прочим отметил, что у этих элитных солдат есть традиция насиловать (в буквальном смысле!) побеждённого врага, тем самым желая унижить и морально растоптать противника. Что он этим хотел сказать – что уверен в успешной высадке британцев на острова?

Так или иначе, надо будет донести этот пикантный факт с гуркхами до пехотных командиров, а те – своим солдатам. Чтобы ни у кого не было желания попадать в плен.

Ну и конечно, ход с предоплатой и в золоте был весьма нетривиальным и... как ни крути, сбалансированным. Недешёвое удовольствие – этот русский крейсер? Да! Но как верно подметил этот помощник капитана, с нарочитой небрежностью разглядывая на свет бокал с янтарной жидкостью дорожущего подарочного кальвадоса: «Истинное удовольствие от потребляемого продукта связано и со знанием его стоимости. Можно радоваться, получая хорошее задёшево, или кичиться тем, что потребляешь жутко дорогое, чего другие не могут себе позволить».

Ну да пусть их! В любом случае, несмотря на его личные заверения и обещания, окончательно решать будут в Буэнос-Айресе. А то вон вояки хоть и уверены в своих силах справиться с британцами, но вот поди ж ты... словно не наигравшиеся в солдатики мальчишки (в данном случае в кораблики и самолётики), как увидели махину-игрушку, так и стали двигать её на своих военных картах – шахматных досках.

И хоть многое из разведданных, что предоставили русские, было им и самим известно, услышать от русского капитана о полной его уверенности о глубинных бомбах с ядерной начинкой (в частности, на эсминце «Шеффилд») было щемяще неприятно. В свете этой информации выход из портов Англии ракетносцев «Резолюшн» смотрелся уже более чем вероятным, а значит, и решение в Буэнос-Айресе по поводу русского

крейсера будет известным.

Вертолёт «Агуста А109А» с аргентинской делегацией на скорости 260 км/ч глотал керосин с дополнительных баков, и 230 миль над Южной Атлантикой до военной базы Рио-Гранде на Огненной Земле.

* * *

Архипелаг Огненная Земля крайняя точка материка, где Анды сползают в океан, дробясь на валуны, вылизываемые прибоем. Самая южная провинция Аргентины имела свою суровую арктическую красоту, совсем не похожую на солнечную Патагонию. А по взлётной полосе авиабазы Рио-Гранде, обрывавшейся всего в миле от восточного побережья, вполне свободно гуляли штормовые дуновения Атлантики.

Утро 4 мая на авиабазе Рио-Гранде началось с суеты технического персонала под завывания ветра и свист турбин штурмовиков «Супер Этандар». Под правой консолью ударных машин пилотов лейтенанта Армандо Майора и капитан-лейтенанта Аугусто Бедакаррац висели по одной ракете «Экзосет». Под левой – топливный бак.

В небе уже кружил разведывательный «Нептун» с прикрытием из двух «Даггеров». Гудели на взлётке заправщик «Геркулес КС-130» и истребители сопровождения – «Даггер М-5».

Всё происходило почти так, как и в реальной истории. Так – да не так! То есть английская авианосная ударная группа вышла на ту же позицию, что и в реале.

Аргентинский флот после гибели «Бентисинко де Майо» проявлял закономерную (с точки зрения британцев) пассивность, и этот успех надо было закрепить.

Угроза виделась лишь от авиации противника и находящегося в непонятном статусе «Battlecruiser». Шпионские игры продолжались, и в МИ-6 накопили, что информация о причастности русских к потоплению «Конкерор» подкинута разведслужбой Аргентины. Теперь в Лондоне выжидали, поскрипывая зубами, понимая, что их переиграли.

Однако воздушная разведка продолжала успокаивать: «русские зла не держат» – крейсер отошёл значительно на юг, выйдя из зоны ответственности подводной лодки «Спартан», и находится в 30 милях юго-восточней острова Эстадос (а это более чем 500 километров от Порт-Стенли, что на Фолклендских островах).

И британцы решились – выдвинулись в заранее выбранном

направлении, огибая Фолкленды с юго-востока, ожидая опасности со всей западной полусферы, но никак не с юга.

Как и в реальной истории, оторвавшись от основных сил соединения на 20 миль, дозор ПВО осуществляли эсминцы «Ковентри», «Глазго» и «Шеффилд».

В 9:30 «Нептун» передал координаты группы кораблей британцев.

Аргентинцам приходилось учитывать опасливые взгляды англичан на юго-запад, где они по-прежнему опекали воздушной разведкой русский крейсер. И хотя «Нимрод» убрался, видимо дожрав горючку, вместо него появился подозрительный «Канберра» с чилийскими опознавательными знаками. По данным разведки – в кабине самолёта мог сидеть английский лётчик^[52]. В связи с этим пилотам «Супер Этандар» пришлось слегка скорректировать полётный курс, рассчитав при помощи бортовой навигационной системы более выгодный с точки зрения скрытности.

Взлетев, группа из пяти штурмовиков «Супер Этандар», включающая два заправщика и одну резервную машину, следовала вдоль береговой линии к югу, затем повернула строго на восток, миновав на правом крыле остров Эстадос.

Лётчики даже пытались разглядеть русский крейсер, а лейтенант Армандо Майора по прилёту на базу заявил, что видел серый силуэт в разрыве облачности, что маловероятно, учитывая, что до «русского» было более ста километров.

В 10:00 ударные машины произвели дозаправку топливом, а через полчаса, получив корректировку координат противника от «Нептуна», стали плавно смещаться к северу, в итоге выходя на цели точно с юга.

А далее всё шло уже как по писаному!

Весь полёт проходил в режиме радиомолчания, погодные условия – видимость хуже среднего, пилоты действовали отработанно, зная и до мелочей понимая действия друг друга. «Этандары» заходили на цели, не особо прижимаясь к воде, но довольно низко – 40–50 метров над уровнем моря, с выключенными бортовыми локаторами.

За 46 километров до целей ведущий капитан-лейтенант Бедакаррац понимает: «Скоро!», поддёргивая машину на 150 метров, на секунды включая бортовую РЛС – «ничего».

Снова вниз, минуты полёта, и вторая «горка» – наконец на радарх появились метки, и пошла загрузка данных в бортовое оружие.

Всего 30 секунд работы РЛС «Этандаров», но у бриттов в компьютеры

«забиты» параметры «Агавы»^[53]. На эсминце «Глазго» тревога. Строчки переговоров с начальником ПВО на авианосце «Инвинзибл» – там в недоверии (несколько ложных предупреждений об атаке уже поступало).

Аргентинцы медлят. «Этандары» на боевом курсе, с каждой секундой ближе к цели. Наконец капитан-лейтенант Бедакаррац решает: «Пора!», пуская ракету. Ведомый Майора не видит пуска – плотный дождевой фронт скрывает машину ведущего, и он впервые нарушает радиомолчание:

– Был пуск?

– Да.

Пошла вторая! Ещё секунды удостовериться – ракеты на курсе. Резкий вираж на разворот, вниз до 30 метров и марш в сторону континента, поначалу форсируясь от ответного вдогонку, но затем экономично прибирая рукоятки до крейсерской – до базы более 600 километров, а топлива впритык.

Самое поразительное, что англичане-то и ждали с большей вероятностью воздушного нападения и именно с применением ракет «Экзосет», но один чёрт проворонили. Операторы радиолокационного обнаружения воздушных целей, таращась на каждую метку на экране радара – будь то скопление чаек или фонтан кита, нагнетали нервное напряжение, засыпая командный пункт ПВО на флагмане «Инвинзибл» предупреждениями. Там тоже поначалу отзывались адекватно, но, не находя подтверждения опасности, отгавкивались: «Уточните! Проверьте информацию!!!»

И получилось, как в известной притче о пастухе-шутнике, который донимал селян воплями «Волки, волки!».

Нагрузка системы ПВО легла на выдвинутые в первую линию эсминцы «Ковентри», «Глазго» и «Шеффилд», которые словно «мальчишки-пастушки» оберегали основное «стадо» от воздушной угрозы. На «Инвинзибле» уже на каждый локационно-отображённый чих кита отзывались скептически просто: «Принято». И когда операторы воздушной обстановки «Глазго» снова заорали: «Волки!», а точнее оповестили по системе взаимного обмена информацией: «"Агава"! Пеленг 238, дальность 40!», «Инвинзибл» флегматично отвечает: «Приём. Повторите!»

На флагмане по-прежнему не верят в реальность атаки, хотя на радарх «Глазго» уже мигали едва заметные точки стартанувших ракет, и радиорубка на УКВ буквально верещит об этом. Командир «Глазго» с ужасом видит, что зенитный комплекс «Си Дарт» не может захватить низкостелющиеся ракеты. Эсминец выплёвывает снаряды постановки

пассивных помех, и к неописуемым облегчением экипаж понимает, что одна «Экзосет» отвернула от их корабля, клюнув на приманку, а вторая нацелена не на них. На «Шеффилд»!

«Шеффилд» вёл переговоры с Лондоном по спутнику, и, чтобы не фонило канал связи, радары эсминца были отключены.

Можно было бы сказать – отреагируй системы обнаружения на «Шеффилде» адекватно, поставь команда эсминца дипольную обманку – не потирали бы довольно руки французы из «Аэроспасьяль» за бесплатную рекламу своей разработки. И, наверное, было бы обидно аргентинским пилотам, которые сделали всё правильно, на пределе своего мастерства и возможностей.

Как и в реальной истории, впившись в тонкостенный борт эсминца, «летучая рыба»^[54] оказалась с легким «душком», потому как не взорвалась её боевая часть. Но и мишень-эсминец проекта 42, очередная гордость Британии, представился весьма «рыхлым»! Пыхнули остатки ракетного топлива «Экзосет», и огонь с «аппетитом» пожирал пластик и синтетические красители декоративных материалов внутренней обшивки корабля. Горели пенные наполнители тепловой изоляции и топливо из разрушенных цистерн. Да и облегчённые алюминиево-магниевые сплавы конструкций, раскалившись до тысячи градусов, вышли за порог негорючести, словно при безумной сварке, разбрызгивали в разные стороны раскалённые капли металла.

Потом командующий английской эскадрой контр-адмирал Вудворд в своих мемуарах будет оправдывать командира эсминца «Шеффилд», дескать, «опытный офицер, которого ценил и уважал», «имел полное право находиться в своей каюте» после обеда, а также поминать про «неудачное стечение обстоятельств», опуская вопрос, какого чёрта вообще эсминец дозора держал связь с метрополией. Но уж никак не со штабом в Нортвуде, что является прерогативой командующего эскадрой.

А «неудачным стечением обстоятельств» было то, что на момент атаки «Этандаров» в Лондоне было время ленча и на «Шеффилде» тоже! И ребята послеобеденно расслаблялись, треплясь по спутниковой связи с жёнушками и подружками. И так увлечённо беседовали, что даже не услышали, когда «Глазго» буквально «вопил» об угрозе по внутриэскадренной системе связи.

В итоге «Шеффилд», пользуясь терминологией авиаторов, оказался подбит, оставаясь на плаву, брошенный командой, выгорал до корпусной стали. Возня с подранком тянулась аж до 10 мая, пока он, наконец, не затонул при попытке отбуксировать его на остров Южная Георгия.

Сказано: «История – тётка упрямая», и на попытки изменить её отыгрывает адекватным уравниванием.

Баланс потерь соблюдался – «Конкерор» компенсировался аргентинским авианосцем, который, несомненно, был военным значимей крейсера «Бельграно».

Однако успешная атака «Этандаров» снова вынудила англичан отползти на 200 миль от островов, переваривая неудачу, устраивая головомойку экипажам работой над ошибками и способами избежать потерь.

«Шеффилд», словно окуроченная сигарой, которую жалко выбросить, тянула к островам Южная Георгия, нагнетая себе страх в аргентинской оперативности и коварстве, ежеминутно ожидая торпедного удара из-под воды.

А в Нортвуде всерьёз опасались, что Совет Безопасности ООН внесёт резолюцию о «замораживании» боевых действий с обеих сторон, и британские экспедиционные силы не успеют захватить аэродром Порт-Стенли. (Тут надо сказать, что Вудворд возлагал на аэродром большие надежды, намереваясь использовать его как долговременную базу, и в итоге нанести поражение сухопутным силам захватчиков.)

И опасения были небезосновательными. Потому как действительно – на следующий день было назначено экстренное заседание Совбеза, вызванное беспокойством наличия ядерного оружия в зоне боевых действий. Как, кстати, и у британцев, так и у аргентинцев. Хотя Буэнос-Айрес выжидал и пока не афишировал, что русский крейсер теперь ходит под флагом Аргентины.

Но на утро следующего дня погода так испоганилась, что рвущиеся в бой бритты уже не помышляли о плановом применении авиации, успев поиметь небоевые потери – пропали два патрульных «Харриера», вероятней всего, столкнувшиеся в тумане.

В свою очередь командование аргентинских ВМФ не менее демонизировало «Роял Нэви». И пусть самое ценное (по аргентинскому разумению) – авианосец «Бентисинко» был уже безвозвратно утрачен, пытаясь сохранить хоть те малотоннажные силы, что ещё имелись, флот Аргентины спешно расползался по базам. Теперь самой значимо-боевой, но подозрительно неповоротливой единицей стал «Бельграно». И

единственной – если бы не этот сладкий русский пряник – «Battlecruiser».

Аргентинские военные в той же мере переживали, что им не дадут использовать в деле свою новую серьёзную игрушку – мощное вооружение крейсера. Поэтому, пока латиноамериканские дипломаты тянули время в словесных баталиях в ассамблее ООН, правящая хунта дала добро на ракетный удар по британскому соединению.

После предварительных уточнений и согласований по радио с русскими вертолёт с мини-штабом на борту и золотыми слитками взял курс на пеленг крейсера.

Крейсер «Пётр Великий»

Хорошее непременно надо поощрять и подпитывать (хотя бы добрым словом), чтобы не иссякал сей источник, и понимал – его ценят!!!

– Это не «Агуста», – с лёгким недоумением констатировал Харебов, разглядывая сквозь блистер поста управления взлёта и посадки приближающийся вертолёт аргентинцев.

– Ну да, – согласился Скопин, протягивая майору бинокль, – по-моему, что-то покрупней...

– «Кинг» Сикорского! – уже уверенней уточнил Харебов. – Неслабая «корова», наверняка гостинцев полный борт...

– Пиастры обещали, – осклабился старпом и тут же забеспокоился: – «Корова»? Ему-то хоть площадки для посадки хватит?

– Хватит! Понадобится – и «Чинук» примем. Одно волнует – как он при таком ветре садиться будет? Не поломал бы нам тут чего...

Харебов который раз окинул взглядом посадочную площадку, удостоверившись, что штангу флагштока на корме заведомо убрали, невольно задержавшись взглядом за погнутые по левому борту леера.

* * *

Двое суток практически болтались на одном месте, нарежая круги, выписывая змейки, ускоряясь и замирая для акустического поиска, опустившись за 55-ю широту.

Всё время англичане не оставляли крейсер без своего внимания, с регулярностью являя в небе «Нимрод» и как будто между прочим пролетавшие мимо чилийские «Канберры».

Несмотря на то что Терентьев отвёл крейсер к югу, к самой оконечности материка, командир всерьёз опасался получить в борт торпеду. Или торпеды. Это было бы фактической катастрофой. Даже при удачном стечении обстоятельств, останься крейсер на плаву – однозначно попали бы в полную зависимость от Аргентины.

– Я чую! Рядом где-то они отираются! – зловеще шипел (имея в виду атомные ПЛ бриттов) Терентьев на ГКП офицерам, приказав не снижать

уровень боевой готовности. Тем более имелся ноутбук с историей Фолклендской войны, где подтверждалось присутствие атомных субмарин англичан вблизи базы Рио-Гранде.

С севера крейсер прикрывался островом Эстадос и мелководьем продолжения плиты материка, естественно, удерживая приличную дистанцию до береговых скал и опасной изобаты^[55]. С юго-восточной стороны совершали противолодочные эволюции два аргентинских эсминца, на первый взгляд хаотично, но на самом деле поддерживая постоянный радиоконтакт с русским крейсером, отрабатывая боевое взаимодействие. Кстати, и связь с аргентинским штабом обеспечивалась через эсминцы (что-то там не ладилось с согласованием аппаратуры по кодировке сигналов).

Утром 4 мая к крейсеру подошло транспортное судно, доставившее упомянутые вскользь старпомом фрукты, и как оказалось, ещё что-то из продуктов. Вообще это было несколько неожиданно и несвоевременно, потому что продолжало штормить.

Температура держалась на -8° , леера и палуба обледенели. Швартовая команда высыпала наружу, оскальзываясь и чертыхаясь. Стали кумекать с канатной дорогой для перегрузки, но аргентинский транспорт самостоятельно пристроился к борту у вертолётной площадки, и уже за считанные минуты без затей нависал длинной кран-балкой со стянутым сетью грузом.

Крейсер благодаря размерам держался основательно. Немало этому способствовали успокоители качки, хотя и у них имелись свои ограничения – была заметна вертикальная качка, а с рысканьем уж как-то справлялись. А вот «аргентинца» носило основательно, поэтому для принимающей стороны работа выглядела как ловля безумной качели-тарзанки.

Тем не менее команда быстро приловчилась. Лишь единожды «авоська» с грузом неудачно вмяла леера. Один из ящиков при этом лопнул, сыпанув на палубу оранжевые «мячики» апельсинов.

«Грузите апельсины бочками», – тут же вставил своё – не своё^[56] старпом, естественно, наблюдавший разгрузку воочию.

И всё это на приличных узлах, для лучшей управляемости, что даже ни разу опасно не сблизилось бортами.

А вот воздушная стихия весьма непредсказуемая – тут, даже если на ветер станешь, вертолёт завихрениями может кинуть куда угодно!

– Рисковые, – присвистнул Скопин, глядя, как «Си Кинг» заболтало над посадочной площадкой и с впечатляющим креном словно бы

отшвырнуло в сторону, – в такой ветрюган и сами шею свернут и золотишко – тю-тю!

Однако пилот с завидным упрямством снова зашёл с кормы. И опять его закачало над палубой, но в этот раз машина, коснувшись площадки, словно привязавшись одним колесом, раскорячилась на все три стойки. К вертолёту тут же бросились техники, закрепляя «Сикорского» цепями.

Среди прибывших Скопин сразу узнал давешних аргентинских военных – «капитана де навио» и бригадного майора ВВС. Переводчик был тот же, а вот скряги-чиновника не было.

– Я так понял, вот тот тяжеленный ящик – это слитки с золотом? – Харебов указал наружу, привлекая внимание старпома, едва тот по внутренней связи доложил командиру об удачной посадке вертолета.

– Скорей всего, – согласился Скопин.

– И сколько там?

– Да хрен его знает! Должно в нынешней конвертации около трёх лямов, если на доллары. Мы только за один «Гранит» почти два миллиона выцыганили.

– Всё-таки зря командир повёлся на условия аргентинцев. Думаешь, одной ракетой отработаем по авианосцу? О! – Майор с интересом приник к остеклению. – Это что за очкарик? И ящики его – смотри, как хлопчет вокруг них.

– Наверное, приёмо-передатчики, аппаратура ЗАС, блоки сопряжения шифровки и дешифровки. И специалисты в службу, естественно. Наши-то, ты в курсе – повозились, нагрузили все процессоры, но все ж раскололи коды аргентинцев.

– Так зачем тогда они припёрли свою аппаратуру? – Майор кивнул на суету на палубе: ящики уже подтащили к лифту, «Кинг» быстрее накручивал лопастями, уже избавившись от сковывающих цепей, кто-то из команды давал отмашку на взлёт.

– Пусть! Мы будем знать, а они не будут знать, что мы знаем! Да и по-другому никак.

Харебов украдкой бросил взгляд на Скопина, посчитав, что тот изволит, как всегда, словесно пошучивать, но лицо у того соответствовало тону – озабоченно-мрачное.

– Ты знаешь... – старпом едва уловимо скривился, – мы же по поводу «одной ракетой по авианосцу» серьёзно обсуждали! И ребят из РЭБ подключали...

Воспользовавшись тем, что Скопин сделал паузу, майор вставил своё:

– Ведь от одиночки теряется всё преимущество «гранитов», по сути

это будет похоже на запуск устаревшего П-500. «Базальта».

– Во-во! Помню, в восемьдесят втором году «Гранит» ещё не принят на вооружение Союзом. В этом мире тоже, думаю... или реальности, хрен его знает! И бритты наверняка ждут что-то похожее на «Sandbox»^[57]. Но у нашей-то «головёшка» поумней будет. К тому же, учитывая, что на самой уязвимой стадии полёта – высотной, им ракету перехватить просто нечем. Не «Харриерами» же? Да и погода будет нелётная. А в зоне действия ПВО наш «булыжник» будет идти уже на пятидесяти метрах над водой, а затем на двадцать пять опустится – их ЗРК «Си Дарт», вероятно, среагирует, но... у нашей и скорость, и помехозащищённость, и манёвр уклонения. Ну что я тебе... сам же знаешь. Лишь бы аргентинцы, мать их, выдали точные координаты.

– То есть – наведение будет инерциальным по координатам?

– А что? Эскадренное построение англичан нам известно: две зоны ПВО из эсминцев, следом приманка из вспомогательных судов и уж затем искомая «сердцевина».

Ракету-наводчик командир принципиально жилит. И беспилотник тоже. Или ты предлагаешь вас на «камовах» туда через подскок-дозаправку на островах отправить?

– Как вариант...

– Аргентинцы обещали – в доску расшибутся, но точную привязку выдадут. Вот пусть их и расшибают, «Харриеры». В конце концов, Терентьев им намекнул о принципе «хх-хп»! Хрень хотят – хрень получают! А этим деятелям в Буэнос-Айресе, я так понял, важнее даже не ухандокать авиаматку наглов, а припугнуть конкретно! Не хотят они входить в жёсткую конфронтацию с ООН и прочими европейскими институтами мира и благоденствия!

Лицо Скопина вдруг приобрело загадочное выражение, и интонация изменилась в сторону детской мечтательности:

– А ведь представляешь, какая заковыристость! Мы тут – «железякой» в двадцать шесть тысяч тонн объявились, пуляем налево-направо, одних милая, других – на дно. Реальность прогнули, а она вязкая, назад норовит спрямить, наплевав на «бабочку Брэдбери». Собрались с командиром, подбили факты, проанализировали – изменения уже накопились, но! Что бритты, что наши работодатели (при этом криво хмыкнул) словно невольно следуют шаблону реальности!!! Понимаешь?! У нас сейчас есть ещё данные – точные координаты британского соединения. Мы их скинем аргентинцам – пусть там и ищут. И найдут, чёрт меня дери! Боюсь, потом расхождения с той реальностью перейдут из количественных в

качественные, и мы уже не будем знать наперёд – где, что и как!

* * *

Сложности с коммуникацией, когда связь со штабом аргентинцев поддерживалась через один из эсминцев сопровождения, не предполагали детализации планов, ограничивая согласованность действий.

Терентьев здраво рассуждал, что любое усложнение системы увеличивает вероятность ошибок и сбоев. Не исключалось и подсаживание англичан на линии связи с банальной утечкой информации. Хотя Скопин уверял, покопавшись в своих информационных «запасниках» ноутбука – нигде не упоминается, чтобы англичане в Фолклендской войне восемьдесят второго года проделали с аргентинцами то, что с немцами во Второй мировой. То бишь – раскрыли основные секретные коды и читали все шифровки.

Крейсер продолжал утюжить квадрат в районе 55-й широты и 64-й долготы.

Пока специалисты монтировали аппаратуру закрытой связи, Терентьев, собрал оперативный штаб, включающий штурмана, командиров ракетного дивизиона и радиоэлектронной разведки, с естественным присутствием аргентинских военных. Сразу озвучили условия, при которых выполнение боевой задачи будет возможным.

Аргентинцы не спорили, помня ранние заявления русских – сколько требуется ракет для уверенного поражения авианосца в составе авианосной группы.

– Это зона маневрирования британского соединения, – Терентьев обвёл указкой кружок на карте, – но на момент атаки требуется подтверждение данных и коррекция. Эта задача лежит на вашем флоте и ВВС. Прошу, а точнее настаиваю отнестись к локализации британского соединения с полной серьёзностью и самоотдачей! Именно с самоотдачей, потому что погода в зоне маневрирования противника будет нелётная, и тем не менее остаётся угроза со стороны британской палубной авиации и средств ПВО.

Не следует ограничиваться лишь воздушной разведкой, а привлечь к поиску надводные суда и субмарины. Я имею в виду «Нарвал» и «Сан-Луис».

Несмотря на то что в интонации русского о местонахождении

британского соединения угадывалось слово «предположительно», всё говорило о весьма достоверных данных. И если в головах аргентинских военных возник вопрос: «Что мешает русским (при такой оперативности) самим озаботиться целеуказанием?», лишних вопросов они не задавали. Упоминание траулера «Нарвала», реквизированного флотом Аргентины для использования в качестве вспомогательного разведывательного корабля, тоже не вызвало удивления – к осведомлённости русских они уже почти привыкли. Единственное, «капитан де навио» высказал сомнение в успехе «Сан-Луис» против британских противолодочных средств. Но тут русский командир всё же сумел вывести гостей из равновесия.

– «Сан-Луис» вполне современная на данный момент субмарина германской постройки. Показала себя вполне успешной в плане скрытности против новейшего эсминца проекта 42 и фрегата тип 21, – Терентьеву было легко – он просто тыкал пальцами в клавиши ноутбука, и программа сама находила нужную информацию о столкновении субмарины с кораблями дозора бриттов, – так что как разведчик подлодка справится с задачей.

Терентьев привычно поправил очки, когда хотел что-то лучше рассмотреть, и вдруг удивлённо вскинул бровь и пробормотал:

– Вот тебе и хвалёное немецкое качество!

Потом взглянул на аргентинцев, даже с неким сочувствием. «Вот же невезуха этим бедолагам-мучачос: американские бомбы не взрываются, немецкие торпеды тоже с браком, французы чутка “Экзосетов” продали и заморозили поставки. Да и у французских “рыбок” БЧ срабатывать штатно не всегда изволит. А ведь судя по тому, как затараторили англичане на своих частотах, зачастую открытым текстом упоминая HMS “Шеффилд”, “terrible fire” и “crippled”^[58], а также по смещению пеленга радиопереговоров, история следует в русле известных фактов – пожар на эсминце и попытка отбуксировать его на остров Георгия. А ведь аргентинцы наверняка ещё и не в курсе об удачной атаке “Этандаров” – когда ещё выйдет официальное сообщение пресс-службы министерства обороны Великобритании с признанием потери корабля?!»

– Хочу вас расстроить, господа, бортовой компьютер торпедного наведения на субмарине «Сан-Луис», как и немецкие торпеды «Телефункен», не совсем исправны. Есть и приятная новость, – Терентьев намеренно придал голосу торжественности, – по косвенным данным, эсминец её величества «Шеффилд» перестал существовать как боевая единица! Заслуга ВВС Аргентины и пилотов «Этандаров»! Поздравляю!

Воспользовавшись тем, что гости живо и неоднозначно переваривали информацию, Терентьев в стороне принял доклад прибывшего старпома.

– Золото проверили, просверлили... – начал Скопин.

– В смысле?

– Ну как же! «Пилите гири, Шура!» А вдруг там чугуний, а золото лишь напыление?!

– Ну, ты и параноик. Чокнутый! – Терентьев даже оторопел от хода мыслей своего помощника. – Неужто они стали бы до такого опускаться?

– Да ну его нафиг, командир! Может, благородные доны, – Скопин кивнул на аргентинских офицеров, – и хорошие ребята, но некоторые «товарищи» в Буэнос-Айресе не вызывают у меня доверия!

Терентьев не стал развивать дальше тему, понимая бессмысленность разговора.

– Шифровальщики подключились?

– Тестируют.

– Хорошо! Вернёмся к нашим баранам, – командир указал в сторону стола с картами и внимательным взглядом офицеров.

Про «баранов» сказано было уже не полушёпотом, и Скопин с улыбкой наблюдал, как заметался глазами аргентинский переводчик, силясь понятней перевести этот фразеологизм.

– Итак, господа, прежде чем вы свяжетесь со своим командованием, я хотел бы изложить манёвр и действия нашего крейсера, – Терентьев кивнул командиру ракетного дивизиона: – Прошу!

Тот было сунулся использовать карту штурмана, но потерялся в подробностях глубин и всяких навигационных обозначений, разложил свою, ни много ни мало назвав её «картой наглядной обстановки».

– Нам, чтобы выйти на рубеж атаки, – начал командир БЧ-2, – понадобится шесть-семь часов, учитывая потерю скорости на штормовую погоду и противолодочный зигзаг, с расчетом нанести удар на границе ночи и рассвета.

– На время «собачьей вахты»? – уточнил аргентинский офицер.

– Но не для англичан! Экспедиционные силы ведут отсчёт времени по Лондону, то есть «утро» у них наступает на три часа раньше, и пока вы, господа, завтракаете, на британской эскадре практически время ланча.

Аргентинцы, видимо, не знали об этой вроде бы мелочи, переглянулись и, сделав пометки в своих блокнотах, продолжили слушать.

– Мы просто хотим обозначить время, так сказать, время «Ч», с момента которого крейсер может, приняв целеуказание, произвести выстрел, – вкрадчиво пояснил командир БЧ-2. – Но не раньше! Конечно,

мы будем идти какое-то время в режиме ожидания, сокращая дистанцию до противника, тем самым уменьшая подлётное время ракеты и требовательность к точности информации целеуказания, имея возможность в большей степени полагаться на головку самонаведения и процессор ракеты. Но пускать ракету наобум мы не будем. К тому же нецелесообразно подходить к островам ближе ста километров, потому как в прибрежных водах предполагается нахождение британской дизельной ПЛ «Оникс», которую будет весьма сложно обнаружить.

Терентьев указал на карте курс корабля, обозначив рубеж атаки:

– Есть соблазн обогнуть Мальвинские острова с востока и выйти с направления, наименее ожидаемого противником, но в данный момент в этом районе дрейфует подбитый «Шеффилд» – бритты пытаются отбуксировать его на Георгию. Сами понимаете – можно засветиться на радарх и провалить миссию.

Увидев азартный блеск в глазах аргентинских военных, Терентьев догадался, что те загорелись идеей добить подранка, ко всему ещё прихватить и буксир (наверняка боевой корабль). Тем более что, наконец, доложились о подключении шифровальной аппаратуры и возможности вести двусторонний диалог по закрытому каналу с вышестоящим начальством.

– Не удивлюсь, если ваше командование решит направить крейсер «Бельграно» в зону дрейфа «Шеффилда». Попросил бы вас отговорить их – «Бельграно» по нашим планам займёт место «Петра Великого», создавая отвлекающее радиоэлектронное «бельмо» для авиаразведки противника. Невесть какая маскировка, но...

– Наши генералы не откажутся ударить по слабому звену в линии противника, – с сомнением высказал аргентинец с нашивками флота и взглянул на своего напарника, – если только отработать авиацией?

– Ваше право, – Терентьев всем видом показал, что предварительное обсуждение закончено, – надо выходить на связь и озвучивать план. Иначе разведка не успеет к местам дислокации и дозора.

* * *

Солнце, так и не проглянув из-за туч, затерялось за горизонтом, пустив в свинцовую хмарь черноту ночи.

«Пётр» давил 27 узлов, валко зигзагируя серой тенью среди перекатов волн без единого огонька при прямой видимости едва ли триста метров, не

включая радары на облучение, претендуя на малозаметность.

Конечно, стегани кто поисковым РЛС – такая громадина светилась бы весьма жирной точкой на экране. Да и винтами крейсер б́ухал так, что, наверное, разбудил всех китов в округе (если бы эти животные поддерживали человеческий ритм жизни и сонно дрейфовали непременно в ночи).

Варьируя кабельтовыми дистанции по курсу на крамболах, выписывал противолодочные кривые эсминец сопровождения «Пьедро Буэна».

Вечером, пока где-то там за свинцом туч не зашло солнце, наблюдали умопомрачительную «акробатику» эсминца, поймавшего так называемый «бронинг»^[59].

Шли всего на десяти узлах. При длинной амплитуде зигзагирования «аргентинец» иногда становился по ветру, и попутные волны накатывались ему на корму, обгоняли вдоль борта и надстроек, уходя вперёд. Неожиданно очередной гребень волны, проходя, подхватил эсминец массой воды, как бы бросив его вперёд. Для наблюдателей картина – замереть, затаив дыхание! Показавшийся совсем уж скорлупкой корабль неуправляемо разворачивается, чуть ли не на 90 градусов, и заваливается на правый борт. С запредельным креном – не меньше 45 градусов. Застывает в этом положении, как будто «раздумывая» – что же дальше!

А дальше!.. Волна полностью уходит вперёд, эсминец медленно выравнивается и, словно контуженный, возвращается на прежний курс. Смотреть на этот «ужастик» – волосы вставали дыбом! До опрокидывания оставались считанные градусы. А что чувствовал экипаж во время этих кульбитов – оставалось только представить!

Вахтенный на «Петре» приказал подкорректировать курс, чтобы облегчить беднягам ход под волну, но через минут двадцать «Пьедро Буэна» повторил свой «высший пилотаж».

Самое жуткое заключалось в этой долгой паузе, когда эсминец лежал на боку, словно дохлая рыба, не желая выходить из крена.

Вахтенный офицер доложил командиру, дескать, так и до беды недалеко.

Терентьев пришёл на «ходовой», поглядел недолго – «попутчик» словно решил исправиться и больше не шалил. Пожав плечами, командир хотел уже было уходить, как бедолагу «аргентинца» очередной раз развернуло на волне лагом, положив на борт. Вот после этого уже увеличили ход и ещё довернули на пару румбов.

Нынешний курс был более щадящим. Шли по сценарию (уже отработанному взаимодействию), эсминец отрывался вперёд, падал в

дрейф, ведя гидроакустический поиск, и снова, получив «пинок» от накатывающего сзади крейсера, раскручивал турбины до полных оборотов. Эсминец же «постреливал» изредка лучами радара, чтоб не налететь на кого сдуру в темноте.

Нагрузка сканирования легла на аргентинский эсминец вполне обоснованно – характеристики радиолокационного оборудования русского крейсера наверняка «срисованы» противником, и Терентьев не хотел лишний раз «светиться».

Было не совсем просто. Особенно аргентинцам. На корме у них тускло мерцал единственный предохранительный ориентир от опасной дистанции – фонарь. Сигнальная вахта на «Петре» наблюдала, как этот «маячок» смещался при противолодочных эволюциях по горизонту, а порой при сближении и вполне заметно «плавал» на океанских волнах вверх-вниз. Не штормило, но болтало их основательно. Сам крейсер тяжело переваливался, правда, без особого труда.

На мостике (при отключенной навигационной РЛС) вся ответственность на сигнальщиках – не дай боже прозевать мелькающий огонёк «аргентинца». Да и вообще! Аргентинцы разумно предоставили штурманскую документацию по плаванию в опасных районах Южной Атлантики, подсказали, какие могут возникнуть сложности. Те же киты! И хоть совершить «наезд» (своего рода ДТП) на млекопитающее нереально, мало ли!

От вахтенных за метр несёт фруктовым запахом-микс с преобладанием апельсинов. Перед вахтой организовали ночной чай-кофе и аргентинские фрукты, которые быстро кончались, и их, строго говоря, стали выдавать только заступающим на пост. Но хитрозадых любителей подхарчиться всегда хватало, как и в этот раз, пока не прибежал дежурный по кораблю и не разогнал халявщиков. Так что парни накачались витаминами и были «на товсь»!

«Рулил» кораблём старший помощник, который, несмотря на свой лёгкий нрав, вполне одобрительно хмурил брови, глядя на разнос, устроенный дежурным офицером.

– А знаешь, как правильно есть апельсин, чтобы получить максимальное удовольствие от его вкуса? – спросил старпом, перекатывая, подбрасывая-ловя в ладони оранжевый цитрус.

Дежурный, собиравшийся разломить апельсин дольками, замер, взглянув на Скопина в немом вопросе.

– Ты заметил, у него в каждой дольке тоненькие, длинные волокна,

наполненные соком?

– Ну, – кивнул дежурный.

– Апельсин надо аккуратно очистить от кожуры и кусать его, как... например, яблоко, но не сбоку, а со стороны жопки, любой. Тогда происходит поперечный прокус долек и этих самых волокон со взрывным, максимальным соковым избытком.

– Так весь уделаешься...

– Зато удовольствие! Оголил торс, и пусть по пузу течёт, а не на консоль выносного индикатора «Полинома».

Дежурный метнул взгляд на упомянутый пост гидроакустической станции и на оператора за пультом, который всё слышал, и замер, словно нашкодивший кот, топырясь щекой, набитой фруктами.

Дождавшись, когда дежурный наведёт порядок на ГКП, Скопин как ни в чём не бывало, спокойным голосом задумчиво спросил:

– Интересно, удалось нам всеми теми «телодвижениями» и суетой партнёров поводить за нос англичан? Или впустую всё, и для спутника-американена мы сейчас в инфракрасном как на ладони... алеем пятном?!

Подготовка и развёртывание

Основная концепция у людей: минимум усилий и затрат при максимальной отдаче.

Собственно, поначалу было спокойно, пока Терентьев озвучивал планы аргентинским представителям, с мостика докладывали, что даже назойливый «Нимрод» ушёл (видимо, на «пересменку») вслед за «Си Кингом». Его сменил «чилиец», но как-то нерадиво: прилетел, облетел, улетел!

Со стороны Аргентины операция была под контролем генерального штаба и непосредственно Л. Гальтерри^[60], но глава хунты полагался на офицеров штаба Южного ТВД в Коммодоро-Ривадавия. Там решили, что не следует посылать авиацию на сомнительный поиск эсминца «Шеффилд», а оказать давление на воздушную разведку противника, а также усилить противолодочное патрулирование в зоне операции.

Соглядатая-«Канберру» «Этандары» стали прессовать ещё на подлёте – набрасывались поочерёдно, имитируя атаку, давя его спутными струями. Огонь никто благоразумно не открывал, и после бесплодных попыток «чилийца» отвертеться, его просто «выдавили» из зоны интересов аргентинцев.

Узнав о провокационных действиях аргентинских ВВС, англичане задержали вылет своего самолёта, понимая, что если с чилийцами до стрельбы не дошло, то появившись там разведчик с опознавательными знаками королевства, дело дойдёт до драчки. А у одиночки «Нимрода», даже вооружённого двумя ракетами «Сайдуайндер», против «Супер Этандаров» мало шансов.

Пока возмущённые чилийцы засыпали Буэнос-Айрес нотами протеста, британцы думали и готовились, подозревая, что вся эта суэта неспроста. Ко всему вовремя не вышла на сеанс связи атомная подлодка, которая занимала позицию близ аргентинских берегов на широте базы Рио-Гранде.

Надо сказать, что при немалом усилии аргентинских противолодочных средств, ПЛ «Спартан» так и не была обнаружена. Однако выгнанные на поиск различные суда, включая гражданские, оборудованные простейшимисонарами, а также роящаяся над водой авиация не дали субмарине даже высунуть перископ.

«Нимрод» появился на сгущающиеся сумерки, но было уже поздно –

«Пётр» на полном ходу рвался в сектор пуска ракеты, а на его месте кружил «Бельграно» – жирная блямба для англичан на развёртке радара.

Чтобы не выдать себя параметрам РЛС, аргентинский крейсер свои радары отключил. Всё радиотехническое сканирование вели корабли эскорта. Так что всё было шито-крыто. То есть начало операции прошло успешно.

* * *

Дальнейшая реализация плана выбивалась из графика – суда слежения не успевали выйти в зоны ответственности.

Не смогли вовремя взлететь специальные самолёты-разведчики «Нептун» – устаревшие машины образца 1945 года. Аргентинцы подняли в небо «Боинг-707» – пассажирский лайнер, также используемый аргентинцами в качестве разведчика.

Траулер «Нарвал» всю ночь шёл, огибая по большой дуге сектор указанного маневрирования британского соединения, намереваясь выйти с восточной стороны.

В записанной истории «Нарвал» раздражал британцев больше недели. Но осуществляя разведку за кораблями противника на довольно почтительном расстоянии, вполне благополучно «косил» под мирный траулер. Однако 9 мая судну было необходимо приблизиться к зоне боевых действий, и в итоге «Нарвал» был обстрелян «Харриерами», вынужденно лёг в дрейф, команда (включая офицера аргентинской разведки) была взята в плен.

В нашем же случае, поскольку восточное направление для англичан было менее угрожаемое, «Нарвал», не включая навигационной РЛС, ориентируясь лишь по пеленгации радиопереговоров между британскими кораблями, сумел подкрасться незамеченным. Но к тому времени уже наступил рассвет, позволив установить визуальный контакт, классифицировав обнаруженные корабли как суда снабжения.

Наконец бритты всполошились, запросив принадлежность нарушителя.

Поняв, что и так зашёл далеко, капитан траулера повернул назад, не забыв просветить локацией вглубь ордера англичан, выявил ещё метки на радаре.

А далее история повторилась. На приказ лечь в дрейф аргентинцы не подчинились. «Харриеры» обстреляли из пушек и сбросили бомбу,

повредив судно, убив одного матроса и ранив двенадцать.

Офицер разведки капитан-лейтенант Г. Льянос отправил сообщение об обнаруженных кораблях в штаб, а экипаж покидал тонущее судно. Однако «Нарвал» продолжал оставаться на плаву, и высаженная с вертолѐта досмотровая команда английского спецназа обнаружила доказательства разведывательной деятельности траулера. Британцам достались шифровальные книги, инструкции, справочные документы, но плененный капитан-лейтенант если что-то и знал об операции, то стойко молчал.

Второй ориентир выдал «Боинг-707». Опасаясь попасть в зону действия дозора ПВО, экипаж «Боинга» тем не менее обозначил северо-западную границу эллипса, в которую было растянуто британское соединение.

Не стала совершать каких-либо обходных манѐвров подлодка «Сан-Луис». Командир подлодки Фернандо Аскуэта, понимая, что может просто не успеть, рассудил: пусть тихо, медленно, но верно! Поэтому шла лодка на узлах малозумных и неторопливых, но сумела ещё до контрольного времени передачи сигнала миновать первый обнаруженный акустическими эсминец противника.

На тот момент, когда таймер дотикал до нужного времени и зуммер предупредил о необходимости выхода «Сан-Луис» на связь и передачи данных, фрегат «Эрроу», выполнявший функции корабля противолодочной обороны (ПЛО), запеленговал подозрительные шумы, и за субмарину активно взялись. Поднятые с «Гермеса» вертолѐты ПЛО сыпанули глубинными бомбами. В таких условиях всплывать было смерти подобно. Поэтому Фернандо Аскуэта решил, что если и совершать такой самоубийственный шаг, то только обнаружив и передав в штаб координаты главной цели – авианосцев.

Надо сказать, что британцы никак не предполагали, что отслеживаемая субмарина продолжит следовать вглубь ордера. Сказалось и успешное применение средств гидроакустического противодействия – аргентинским подводникам удалось разорвать гидроконтакт с кораблями ПЛО противника, неумолимо продвигаясь в центр боевого построения англичан. Но они безнадежно опаздывали.

Ударное соединение, включающее русский атомный крейсер и аргентинский эсминец сопровождения, «перевыполнило план», выйдя в зону пуска ракет на сорок минут раньше, продолжая сокращать дистанцию до невидимой цели, курсирующей где-то там за грядой Фолклендских островов, за горизонтом, за темнотой ночи.

На ГКП снова главенствовал Терентьев, нервно поглядывающий на хронометр, – информация была неполной, запаздывала, а время тикало, приближая рассвет.

Подготовка к ракетным стрельбам всегда происходила тягуче. Анализировались входящие данные, которые поступали не одновременно, происходило уточнение и корректировка, строилось компьютерное моделирование.

Специалисты ракетного дивизиона оценили это как некий вызов своему профессионализму – не имея идеально точного целеуказания, зная лишь построение ордера, имея конкретные электронные данные авианосцев (приоритетно тип «Инвинзибл», но на крайняк сойдёт и «Гермес»), рассчитать полёт и запрограммировать головку самонаведения П-700 так, чтобы ракета, не достигая действия ПВО кораблей дозора, «упала» за радиогоризонт, минуя эти корабли прикрытия на сверхмалой высоте, игнорируя их как «цели», но вышла к главному – ядру соединения.

Но данных по-прежнему было слишком мало для уверенного пуска ракеты.

Солнце уже взошло, просто его не было видно за устилавшими горизонт тучами. Время гнетуще тянулось – операция срывалась. Почти вслух, сквозь сжатые зубы матерился Скопин, который не спал всю ночь, но, конечно, не ушёл с боевого поста в такое ответственное время.

Виноватыми выглядели аргентинские офицеры, также присутствовавшие на командном пункте крейсера.

Терентьев просто обязан был сохранять невозмутимость, но судя по тому, как двигались на его скулах желваки – нервничал.

– Командир, давай ракету-наводчик пустим, не жадничай, – не выдержал Скопин, – лицо теряем, и неважно, что не по своей вине.

Терентьев раздражённо дёрнулся, но промолчал – при всей сглаженности отношений с близким помощником его иногда раздражала фамильярная простота старпома, особенно во время учений и тем более боевых стрельб.

«Затянул петлю» локализации, пусть и взлетевший с задержкой из-за

технических неисправностей, «Нептун 2Р112», выявивший передовые корабли дозора противника на южном направлении.

В боевом информационном центре компьютеры жадно проглотили дополнительные данные, мгновенно выдав искомую конфигурацию.

И хоть главная цель – авианосцы, так и осталась за горизонтом обнаружения, но зная боевой порядок соединения, место в строю вполне приемлемо просчитывалось – разбитая мозаика сложилась в доступные контуры.

Боевая тревога была уже давно объявлена, но теперь казалось, что всё задвигалось по-другому, а в нарочито спокойных интонациях специалистов ракетного дивизиона угадывалось волнение и понимание важности момента.

Терентьева же, напротив, отпустило. Почти весело взглянув на Скопина, он запоздало ответил:

– Это не жадность. Здесь иная концепция.

– Это какая ещё концепция?

– Концепция экономии.

– Что бы вы понимали в экономии, – старпом был безобидно снисходительным. Увидев, что к их разговору прислушиваются штурман и командир БЧ-7, решил, как всегда выдать сентенцию. – Экономия это когда произнести утвердительное «да» (всего лишь две буквы) затратней, нежели ответить «ага». И знаете почему? Потому что на «ага» можно даже рот не открывать, промывчав «угу».

Крейсер уже держал курс на расчётный пеленг цели. Пусковой стакан залит водой – свои нюансы, «мокрый старт»^[61], открывается крышка шахты.

Разрешение на пуск. Последний отсчёт оператора звенящим от волнения голосом – это не какие-нибудь учебные, практические и даже фактические стрельбы. И пусть противника не видно в перекрестье прицела, вживую! Он где-то там, почти абстрактный, почти гипотетический, но это впервые для них, для всей команды, вполне себе боевое... первое боевое применение П-700.

* * *

Командир эсминца «Пьедро Буена» был частично посвящён в детали

операции. В плане боевой задачи у него были указаны в том числе и временные рамки, в которые, как он видел, они уже не укладывались. Когда сигнальщик доложил, что «русский» стал отставать, он вышел на крыло мостика, с любопытством наведя бинокль на крейсер.

Вовремя! Нос крейсера в районе бака пыхнул, за клубился дымом, застилая надстройку.

Долетел звук – рёв!

Оставляя за собой кудлатый белый выхлоп, чёрный штрих-карандашик ракеты полого пошёл вверх, теряясь размерами и затухающим звуком.

– Пошла! – последовал комментарий, с каким-то благоговением и надеждой в голосе.

* * *

На этом неожиданность и секретность операции закончились. Старт засекли с орбиты. Советский спутник произвёл череду снимков в инфракрасном диапазоне, которые позволили оценить скорость ракеты, заставив сделать любопытные выводы, а также призадуматься высшее руководство Генерального штаба СССР.

Американцы данные своей космической разведки срочно переправили англичанам. Но поскольку связь осуществлялась через Лондон, а точнее Нортвуд, сообщение пришло на эскадру почти в тот момент, когда эсминец «Глазго» и сам зафиксировал цель, взял её на сопровождение, дожидаясь вхождения объекта в зону действия ЗРК «Си Дарт» – 70 километров. Они ждали «Базальт», характеристики которого знали, вполне обоснованно полагая, что на высотной траектории легко его собьют.

Командующего соединением контр-адмирала Вудворда даже не волновало, что «Харриеры» не успевают, да и просто не в состоянии выйти на перехват. А если русская ракета и уйдёт в низкополётный режим, то и тут минимальная высота поражения у «Си Дарта» переигрывает русский «Sandbox»^[62]. Для противоборства с русскими чудовищными ракетами он собственно и создавался.

Свой интерес выказали и американцы, попросив подробный отчёт после боестолкновения с русской ракетой.

«Что ж, будет им отчёт», – с неприязнью подумал Вудворд. Несмотря на то что американцы помогали им в этой войне, контр-адмирал знал, что янки заигрывают и с Буэнос-Айресом, лавируя между противоборствующими сторонами, взяв на себя роль замирителей не без

каких-то выгод и для себя.

* * *

Первая нестыковка в прогнозировании и расчётах местоположения англичан случилась из-за перехваченного аргентинского траулера и осторожности контр-адмирала Вудворда. Получив с «Нарвала» шифровальные книги, инструкции, британская контрразведка для себя ничего нового не выявила. Задача для соглядатаев противника была вполне обычной – обнаружить главные силы противника. Однако в изъятых с «аргентинца» справочных документах подозрительно точно были прописаны построение ордера и эскадры в целом. Присовокупив этот факт к непонятным «телодвижениям» противника у южной оконечности материка, Вудворд предпринял некоторые действия – корабли совершали незапланированное маневрирование, меняя курс и боевой порядок, растягивая построение между зонами ПВО.

Пусти «Гранит» раньше, морские «узлы» никак бы не поспели за реактивными «махами», но «Нептун» запоздал со своим сообщением, и у англичан было время «намотать» несколько миль.

Вторая ошибка, совершённая при настройках бортового вычислительного комплекса «Гранита» – «Нептун» «взял» не центр дальней зоны ПВО британцев, а занявший правый фланг «Глазго». То есть соединение двигалось гораздо западней.

* * *

За пять с половиной минут П-700 покрыла 250 километров на высоте 14 тысяч метров. За 80 километров до известной точки координат, где маневрировал британский эсминец, ракета нырнула вниз, выходя на бреющий режим.

В этот момент метка, сопровождаемая РЛС «Глазго», исчезла с экрана – цель ушла за радиогоризонт.

Скорый анализ фактов говорил о том, что атака будет предпринята на центр ордера, о чём штаб с флагмана заверил экипажи кораблей охранения. Но когда эта мчащая на сверхзвуковой скорости угроза исчезла с радаров, экипаж «Глазго» почувствовал себя крайне неудобно – пример

с «Шеффилдом» стоял перед глазами, а боевая часть ракеты этих проклятых русских по сравнению с «Эксосетом» несла просто чудовищный заряд.

Когда за расчётные полторы минуты цель не появилась на локаторе, командир эсминца почувствовал, как внутренне холодеет, ожидая страшного удара по кораблю. Но это было секундное замешательство, потому что через эту самую секунду ракету, наконец, обнаружили. Самое обескуражившее было то, что «Си Дарт» её не «брал»! Уход от расчётной траектории говорил о том, что она маневрировала. О чём командир эсминца сразу доложил на «Инвинзибл», внутренне оттаивая, понимая, что их уже миновало – ракета прошла по правому траверзу примерно на удалении семи километров.

Он даже украдкой кинул взгляд – никто не видел его переживаний? Однако у всех на лицах было такое выражение, будто им нестерпимо хотелось, и вот только сейчас они добежали до туалета!

Следующие 25 секунд, когда ракета проходила второй рубеж обороны ПВО, предположили причину, почему «Си Дарт» не наводятся на воздушного агрессора – противник держался над водой ниже 30 метров. Это было уже новостью! Неприятной!

С мостика вспомогательного судна «Форт Остин» увидели лишь промчавшийся в километре серый силуэт, оставивший расползающийся тёмный шлейф выхлопа.

Именно в этот момент П-700 совершила «подскок» и впервые за всё время полёта включила бортовой поисковый локатор.

Вот тут и выявилась ошибка расчёта траектории полёта, основанная на не совсем корректных данных самолёта-разведчика – П-700 выходила на цель, изрядно забрав вправо!

Едва цель засветилась на высоте 100 метров, радостные «глазговцы» пустили вдогон «Си Дарт». Отметился и эсминец «Глэморган», пальнув из комплекса «Си Кэт».

Флагманский «Инвинзибл» тут же «попросил» с линии огня пару «Харриеров» с «сайдуайндерами» под крыльями.

В исходных данных полётной программы П-700 был указан определённый сектор с ограниченным фронтом и глубиной поиска нужных целей. Но имея гибкий адаптивный алгоритм управления, бортовая ЭВМ

допускала горизонтальное рысканье на курсе. Дотянув до ста метров над уровнем моря, меняя горизонтальный угол «зрения», пока РЛС не просветила обстановку, ракета снова прижалась к воде.

Искомое действительно находилось на несколько градусов левее расчётного. Ошибка целеуказания, несомненно, была бы радикальной, при условии которой летящая на скорости почти полкилометра в секунду ПКР просто не в состоянии повернуть на противника, подвергшись запредельным для конструкции перегрузкам.

Если бы не два «но»: предпринятый контр-адмиралом Вудвордом манёвр уклонения уводил корабли в нужную сторону, а растянувшийся ордер добавлял те лишние километры для удачного маневрирования ракеты.

Система из двух бортовых цифровых вычислительных машин (БЦВМ), сравнив сигнатуры отсканированных целей с заложенными в память «портретами» кораблей, произвела селекцию. Третья БЦВМ, мгновенно протестировав несовпадения данных от первичных преобразователей, отделила обманки из диполей от реальных целей, проигнорировав «букашки»-фрегаты сопровождения, и чётко обозначила две заданные крупные цели: авианосцы.

Находящийся ближе «Гермес» как объект для удара был отклонен, по той самой невозможности сманеврировать на критических углах траектории. А вот «Инвинзибл», который держался дальше всех, вписывался в программу атаки, даже оставляя место для противоракетных уклонений.

До объекта 15 километров – 30 секунд лёту. П-700 буквально «прицепилась» к «Инвинзиблу», у которого помимо противоракет оставалось ещё два сомнительных манёвра: стать менее привлекательным для РЛС агрессора, развернувшись кормой к угрожающему направлению. Или дать дёру – полминуты на 28 узлах полного хода авианосца это едва ли полкилометра с шансом оставить за собой облако дипольной обманки.

* * *

Это наверняка было захватывающе, если бы кто смог охватить и увидеть всю картину целиком!

Выписывали в небе красивый, но бестолковый хаос потерявшие цель «си кэты».

Тридцать секунд оставалось центру британского ордера, чтобы пустить свои противоракеты, что они и проделали, отметившись дымо-факелами стартовых ускорителей ЗРК.

Но более эффектно происходил дружный отстрел снарядов с дипольными отражателями, как авианосцами, так и двумя ближними фрегатами охранения, при этом эффективная площадь отражения последних достигала авианосной.

А на подходе рвущийся к цели «Гранит», рисуящий над поверхностью неправильную синусоиду, и словно по ниточке догоняющая «Си Дарт» с «Глэморгана» с визгом режущая воздух на 2,5 Махах.

* * *

Терентьев, согласившись на использование в атаке ракеты-одиночки, надеялся на неожиданность удара, видимо, уж очень был уверен в детище Владимира Челомея.

Чем ещё руководствовался командир русского крейсера? Информацией из ноутбука, где прописывались факты неэффективности ПВО англичан в Фолклендском конфликте!

Знай он, сколько средств увода ракеты от целей будет брошено противником, вряд ли бы доверился русскому «авось». Но что характерно, совокупность неудач британцев, тактико-технические достоинства П-700 и этот пресловутый «авось» сработали!

Уже неважно, как там было на последнем рубеже обороны «Инвинзибла». Лопались ли осколочно-фугасные заряды на пути «Гранита», впивались ли стержневые элементы в его бронированную БЧ – последний секундо-километр ракета летела по прямой на цель, и отвернуть её инерцию мог только равнозначный кинетический удар.

Под срез кормы, с треском пробиваемого борта, переборок и перепонок, круша шпангоуты. А следом не успевший, ставший предательским «Си Дарт». Он первым же и рванул, давая начало пожару, а уж потом сработала фугасно-проникающая полутонна ПКР.

* * *

К кораблю привыкаешь, к работе его силовой установки, амплитудам качки, к его скрипам и шорохам, даже если это плавучий железный

аэродром водоизмещением 20 тысяч тонн.

Джон Форстер Вудворд начал карьеру военного моряка подводником, сменив несколько кораблей. Довелось покомандовать ему и ныне злополучным «Шеффилдом».

На «Инвинзибле» он служил недолго, но успел «потрястись» на нём в хорошие шторма, несмотря на специальные рули и кили для уменьшения качки.

Таран русской ракеты был воистину страшен, создавая ощущение землетрясения. В голове у командующего назойливо сидели характеристики ракеты – килограммы её боевой части, которые адовым ударом детонации на мгновение выбили сознание.

Поднявшись на ноги, возвращая ясность ума и взгляда, ощущая вздрагивания корабля, слушая глухие буханья и какое-то жуткое завывание где-то в глубине корпуса, контр-адмирал понял, что Британия лишится сегодня ещё одной единицы флота.

* * *

Давайте проведём небольшой «разбор полётов», для особых скептиков и любителей обкакать всё отечественное (изначально совковое).

Первое! Ни в одном доступном источнике информации не говорится о том, что П-700 на терминальном (конечном) участке полёта может совершать «подскоки» и горизонтальное рысканье для поиска цели. Однако не сложно заложить в бортовую ЭВМ подобный алгоритм, а ракета, которая способна совершать противоракетный манёвр, вполне осилит и подобную нехитрую эволюцию.

Далее! Действительно, если против самолёто-вертолётов ЗРК англичан ещё как-то справлялись, то противоракетные запуски оказались бездарно неудачными. Как пример: при аргентинской ракетной атаке с авианосца «Инвинзибл» в течение двух минут пустили шесть «си дартов». Все британские ракеты промахнулись, пропустив «Экзосет» противника к контейнеровозу «Атлантик Конвейер».

В то же время «Си Дарт» за время конфликта смогли сбить несколько самолётов, два из которых летели на минимальной высоте.

Также имеем более поздний факт из войны в Персидском заливе 1991 года, когда китайскую SY-1 «Силкворм» (реплика весьма устаревшей советской П-15 «Термит») «Си Дарт» таки догнал в хвост.

О чём это говорит? Что британский зенитный комплекс «Си Дарт» «не

любил» малоразмерные низколетящие цели.

И пусть в реальной истории ЗРК бриттов не особо рьяно «ловили» французики – дозвуковые «Экзосеты», в нашем случае «Си Дарт» смогли навестись на русского «громилу», у которого площадь отражения локационных сигналов была в два раза больше. Вот только свою слоноподобную заметность П-700 компенсировала большей скоростью и частично уклонениями (на этих самых 1,5 Махах резкий манёвр исключён). Ну и до кучи постановкой собственных дипольных и активных радиопомех, вплоть до ложных приманок.

Теперь касательно того, на что так легко ловились французские «Экзосет» – то бишь о дипольных отражателях.

Способов селекции надводных кораблей на фоне ложных целей по критерию «надводный корабль – облако дипольных отражателей» предостаточно. Начиная от основанных на различии доплеровских частот эхо-сигналов, отражённых от истинных целей и источников пассивных помех, до характерности частотой флуктуаций амплитуды отражённого сигнала у целей сложной конфигурации, какими являются надводные корабли. Проще говоря: туча диполей имеет сглаженные формы и соответственное отражение («...я тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь...»).

Ещё есть немаловажная особенность облаков из резаной фольги – они пассивны. В отличие от истинной цели – корабля, который, помимо излучения своих РЛС, ведёт переговоры в эфире и наводит активные всё те же радиопомехи. То бишь эхо-отражение дипольной мишуры на приёмнике радиолокатора головки наведения ракеты «выглядит, как утка, плавает, как утка, но... но не крикает»!

Другое дело, что некоторые методы этой самой чувствительной избирательности (селекции) имеют ограничения и сложности, в частности, требуют, например, многоканального приёмного устройства (и не только), что усложняет всю систему РЛС ракеты, увеличивает её вес и стоимость. Но!

Сомнительно, что смастерив дорогушую десятиметровую реактивную «дубину» – П-700, её не обезопасили от глупости обмануться на дешёвую пассивную помеху? Тем более ничто не мешало вынуть её старые 1983 года выпуска мозги (бортовую цифровую вычислительную машину) и вставить новые, современные, более компактные. А уж кубатуры там (в теле ракеты), вместо старой электроники, навалом – да здравствуют советские микрочипы, самые большие микрочипы в мире!

Так что... П-700 долетела, обнаружила и поразила! Ори ура!

Полностью удостоверившись, что они, наконец, оторвались от противника, Фернандо Аскуэта – командир субмарины «Сан-Луис», приказал всплыть на перископ.

Последний час ползком на двух-трёх узлах субмарины акустики не слышали уже ни хлюпа в воду гидробуя, ни режущих слух щупалец эхолотов. Шумы винтов кораблей противника казались разбросанными в нескольких милях вокруг, но определённо далеко, да так что некоторые и не классифицировались.

Крутанув пол-оборота, оглядывая горизонт, Фернандо Аскуэта упёрся взглядом в густой чёрный дым, косо вздымавшийся над океаном.

«Не знаю, что там задумывали наши адмиралы, но что-то у них выгорело, хм... хм... точнее у бриттов выгорело. И продолжает весьма жадно гореть!»

Отлипнув от визира, оглядев рубку, нашёл офицера службы информации.

– Следует оповестить штаб о пожаре на крупном корабле англичан. Предполагаю авианосец.

Крейсер «Пётр Великий»

Некоторые сущности не следует познавать полностью, тем не менее продолжая пользоваться ими в некоторой степени привычно и бездумно.

Конечно, слушали, слушали «радио» англо-противника. Во многом бритты общались на УКВ, но что-то долетало. Нередко открытым текстом, но даже на кодированном «буль-буль-буль» по интенсивности можно было оценить и просчитать состояние дел на британской эскадре.

Явная экспрессия в эфире во время атаки была вполне закономерна, дальнейшее волнение и радиоговорливость могли быть и следствием удачного отражения удара. Но судя по поднявшемуся кипешу после расчётного выхода ракеты на цель, сразу стало понятно – в кого-то прилетело! И не в кого-то. А куда надо! Потому что вскоре пришло сообщение от «Сан-Луис», конечно, через аргентинский ретранслятор – на «Пьедро Буена» ликовали.

* * *

Отстрелявшись, крейсер заложил разворот на 12 узлах (излишне круто, на взгляд старпома) и взял обратный курс, мощно набирая приемлемые двадцать шесть.

На фоне скачущего на волнах эсминца Скопин, известный своими острыми шутками и не менее злым языком, обозвал это «величавым бегством».

– Дали врагу по яйцам... исподтишка и... гордо бежать!

Шли в таком же режиме – путаное зигзагирование. Только теперь крейсер не «прятался» за радарам и ГАС эсминца, ведя своё прослушивание.

Произошла восьмичасовая смена вахты. Скопин уже торчал на мостике, принимая команды Терентьева с ГКП, неторопливо меряя шагами весь полуовал рубки, поглядывая на выносные индикаторы гидро– и радиоконтроля, бросая короткие реплики рулевому, периодически возвращаясь к разговору с только что заступившим на вахту офицером.

– Пуск прошёл штатно. Всё, что должно было – отделилось, всё, что надо – раскрылось и полетело. Меня командир немедленно послал наверх, дабы лично осмотрел и проконтролировал... ну, ничего там не сорвало, не помяло после стартовика – в скотине-то дури немерено. Помнишь, как при учебно-боевых крышку загрузочного люка «форта» перекосило – кувалдой выправляли. Ну, и подзадержались на полубаке, пока всё осмотрели. Благо всю наледь сдуло, поплавало выхлопом – топалось вполне комфортно.

Потом мне Луценко: «Смотрите тацкапторанга... на эсминце». Гляжу, а тёзка-то наш ратьером частит: «Вива виктория» и всё такое!

– Тёзка?

– Да эсmineц – «Пьедро Буена». Не врубаешься – «Педро» тот же Пётр, только на испанском.

– А! Точно!

– Ну, так дальше! О! Думаю – пора на ГКП, поздравить наших прикомандированных аргентинцев, ну и, видимо, принять... поздравления от них!

– Ага, – ухмыльнулся вахтенный, – принять на радостях, как там его – фернету!

– А товарищи-мучачос были, видимо, и не против, наверняка полагая, что у русских всё происходит через стакан.

– Дык стереотипы у них: водка, балалайка, матрёшки, чёрная икра...

– Чапельники!

– Чего-о-о?!

– Проехали! Темнота ты ^[63], – отмахнулся Скопин, продолжив: – Я как на ГКП пришёл – моряк, как его... капитан де навио, с трубкой в руке вытянулся перед своим далёким и невидимым начальством, докладывал. Да с таким важным видом, словно лично метнул ракету в противника. Однако отболтавшись от вышестоящих, весь растянулся лицом в улыбке, видимо, ему сладкого отсыпали в виде званий и побрякушек. Затараторил на своём – в переводе поздравления от самого Галтьери и лично от него, с непременным желанием отметить победу, и знаешь так – с красноречивым жестом, щёлкнув пальцем по шее.

– Ха, уже нахватался наших словечек.

– Но Терентьев сразу зарубил все вольные позы. И правильно. Нехрен расслабляться. Британскую атомную ПЛ аргентинцы-то так и не обнаружили. Да и наш доблестный личный состав чудить начал.

– Дристуны? А что там собственно произошло?

– А-а-а-а, знаешь уже, – Скопин отмахнулся, – да эти-то просто долбодятлы. Стажили при разгрузке несколько ящиков с аргентинскими

фруктами (там же накладных-приходных не было – никакого контроля), заныкали их и давились втихаря, пока не покрылись сыпью да не обдристались, идиоты. Я Забиркина спрашиваю: «У тебя что, голодное детство было? Апельсинов недоедал?» Представь, этот умник мне, дескать, «генетическая память, страх перед цингой». У него, оказывается, дед, прадед и глубже там, как заверяет, на флоте служили.

– Так вот чего этого ботана на флот потянуло.

– Ну, видимо. Но я вообще-то про других персонажей, до которых только сейчас дошло, что мы и они, в частности, «попали»! И обратного пути, видимо, нет. Позднее у них, видите ли, зажигание. Так ты не в курсе? – Скопин увидел, что собеседник морщит лоб в непонимании.

– Я глаза продрал и сразу на вахту.

– Ну так, Пономарёв, начмед наш, тот изначально удивлялся, что ни у кого нервного срыва или истерики не случилось после переноса. Вот и дождался себе психопациентов. А они, видишь ли, просто не дозрели – море и море, поход как поход. Даже когда ЗРК шмаляли – на учения было похоже. А тут «главным калибром» вдарили, по общекорабельной верещало «ракетная атака», вот и сорвались. В общем, кисловатые рожы у некоторых в экипаже. Пару-тройку Пономарёв в лазарет – на успокоительное. Два дурня из дивизиона движения «шилом» набрались ^[64]. Знаю я их – просто так не стали бы до такого состояния. Значит, зацепило их. У одного, по моему, дети там остались, а второй – пёс его знает, может, тоже отцовские инстинкты, либо за компанию нюни распустил.

– Можно подумать, у них одних там кто-то остался.

– Ну и самый радикал у нас оказался новенький программист РТСник.

– Который из двоих, Лёха?

– Ага. У этого другой Фрейд в голове – бабы. Жена, две любовницы и ещё одна «женщина в Ростове-на-Дону».

– Где? В Ростове-на-Дону?! – вытаращился вахтенный.

– Шутка – Ильф и Петров! Три у него их.

– Блин, и как он с ними управляется?

– Инструкция по применению женщины пишется посредством долгих и упорных практических исследований. Зачастую методом проб и ошибок. Фактически методом тыка.

– Ага, и тыкать её тыкалкой чертовски и обоюдно приятно.

– Ну, как-то так, – Скопин и не думал ухмыляться, – я ему: забудь, они уж там, а ты тут. А те, которые «они» тут: одна ещё мутной каплей на конце болтается, а другие в коляске с соской – только учатся.

– Умеешь ты успокоить, – фыркнул вахтенный.

– Нам сейчас надо без головняка и приключений отойти на старую позицию и ждать.

* * *

Однако без происшествий не обошлось.

Шли всё те же «назначенные» 26 узлов. Могли бы догнать и до тридцати, но эсминец при таком волнении больше выдать не мог. И хоть небо и океан уже «щупали» своими средствами, даже намереваясь выпустить вертолёт, «Пьедро Буена» решили не оставлять.

Температура воздуха колебалась в районе минус 5–7°, пронизывающим ветром надувая на железо корабля мгновенно намерзающую влажность.

Гидравлика легко схрумкала корку льда, открывая створки вертолётного ангара, но обслуживающая команда, пока катила машину на взлётную площадку, успела набить пару шишек, поскользнувшись.

«Камов» ушёл «слушать» глубину, а боцман, видимо, по-своему решил бороться с хандрой среди экипажа.

Раскрасневшаяся ряха боцмана (на вид алкоголика-любителя) на самом деле – обветренное бывалостью северных морей лицо. А гоняя матросиков, физиономия старшего мичмана вообще приобретала озверелорешительный окрас. Боцман это отдельная песня: мата и фигур речи с совершенно невообразимыми оборотами!

– Что ты тут по стойке вольно мнёшься, как Венера Милосская?! – И далее – на матросское обидно-оторопелое «почему как Венера?»: – Да потому что такой же безрукий! Тебе что сказали сделать? – И не слушая ответа: – А ты? – И так далее и в том же духе.

Боцман знал главное правило работы с личным составом – не давать расслабляться. Как в детстве зубной врач. Начнёт сюсюкаться – хныканья перерастут в истерику. А прикрикнет крахмально-белой строгостью – сидит паинькой, терпит.

Чтобы у парней не оставалось времени на всякую психологическую фигню, озадачил их в лучших традициях советских «тягот и лишений» воинской службы. Свободных от вахты выгнал наверх, приказав сколоть лёд с палубы, чтобы швартовая команда могла спокойно работать, очистить от наледи подвижные узлы, проверить чехлы на артиллерийских и зенитных установках, ну и прочее...

На корме, где во время разгрузки аргентинского транспорта примяли

леерное ограждение, верхняя перекладина держалась на честном слове. Один из матросов, видимо утомившись, прислонился спиной к лееру. На зигзагировании крейсер порой ставил борт на волну и ощутимо кренился. При очередной координате у матроса ноги, оскальзываясь, ушли вперёд, пятой точкой брякая его на злополучную перекладину, которая тут же сорвалась с крепления. Бедолага опрокинулся на спину, нелепо мелькнув нижними конечностями, свалился за борт.

Заметили сразу. С оглашенным «человек за бортом!» забежали. Кто-то рванул на ГКП, кто-то более умный к телефону внутренней связи. Бардак! Пока бегали, корабль прошёл метров четыреста-пятьсот. Но «стоп машина» отработать не успели – естественно, свесились бо́шками за леера и неожиданно увидели лишенца не в воде, а под бортом.

Как он только умудрился ухватиться за свисающий нештатный (непорядок) «конец»? Да так удачно, что, видимо соскользнув по канату, упёрся ногами в скобы для крепления забортного трапа. Пока суть да дело, парень передрейфил окончательно, прилипнув к холодному серому борту такого вдруг желанного родного корабля, слыша под ногами клокочущий назревающий кильватер, с тоскливой паникой наблюдая оружие пасти товарищей сверху. Сам «каскадёр поневоле» на голосовую связь не выходил, видимо получив команду от инстинкта самосохранения стиснуть всё, что можно, вцепившись мёртвой хваткой в канат, сжав скулы и остальные предательские сфинктеры.

Канат, за который случилось схватиться потерпевшему, был весьма дубовым, обледенелым и крайне неудобным в плане ухватистости. Вниз свесили более гибкий вариант, но парень совершенно не реагировал, явно не собираясь расставаться со своей промёрзшей «пуповиной». Пришлось изгаляться под мат и непосредственное руководство боцмана – задеревеневшего на морозе матроса смогли подтянуть к срезу и уже потом багром за бушлат вытащили на палубу.

– В санчасть его! – боцман уж осип от своего ора и мата. – Эй, парень, отпускай. Слышишь?

Тот вроде слышит, глазами лупает, но даже зубами не стучит после получаса на холодном ветру. И не отпускает!!! Попробовали помочь – хрен! Нашёлся кто-то с соображалкой – быстро метнулся за ножницами по металлу, откромсав края. Так с куском каната в руках матроса и отправился в медицинский бокс.

Надо сказать, что пальцы у несчастного разжались и отпустили обрезки только через час, после смачивания кистей медицинским спиртом. Да и в глотку, видимо, ему перепало малой порцией.

Терентьев аврал прокомментировал коротким «раздолбай», велел наплевать на обледенение и оставить всё как есть.

В последующих событиях такая вроде незначительность, как лёд на палубе, оказалась неприятной помехой в реализации одного дерзкого плана, который и был в итоге провален. Но об этом позже.

Вокруг да около, далеко и близко

Падая, мальчики не любят показывать, как им больно, чтобы не быть осмеянными сверстниками и девочками.

Авианосец это не скорлупка-эсминец. Там было куда отступить, сконцентрироваться, локализуя и блокируя очаги возгорания, но и было где разгуляться огню, нашедшему себе прекрасную пищу – авиационное топливо. «Инвинзибл» имел продуманную и отработанную с учётом мировой войны систему пожаротушения, но... Бронированная боевая головка ракеты, прежде чем жажнуть, добралась с кормы почти до миделя, дырявя противопожарные перегородки, в которые отсек за отсеком сквозняком потёк огонь.

Вудворду, имевшему представление, ЧТО встряло в авианосец, после первых же докладов, хватило здравого смысла практически незамедлительно отдать приказ «покинуть корабль». Не пытался он и оттянуть финальную констатацию, отчитываясь Лондону, скупко пряча эмоции вестника дурных событий за сухостью уставного доклада: «Подвергся ракетной атаке... как боевая единица – потерян».

Хотя авианосец продолжал оставаться на плаву, бесконтрольно выгорая с детонацией боеприпасов. Вудворд рассчитывал, когда пожар сойдёт в пассивную стадию, спровадить выгоревший остов на буксире вслед за «Шеффилдом» к острову Южная Георгия, где в условиях тыловой якорной стоянки попытаться снять с корабля что-либо ценное.

Пресс-служба министерства обороны Великобритании пока помалкивала, но информация каким-то образом просочилась в СМИ, вынудив военных сделать предварительное обтекаемое заявление: «... подверглись ракетным атакам... повреждения... экипажи борются за живучесть...».

Сенсация – лакомый кус для журналистов. Докопались, сопоставили факты, оценили вес ракеты русских с анализом вероятностей и дожали Адмиралтейство. Тем пришлось признаться. Англия была в шоке! За два дня войны – два корабля и уже три (включая «Конкерор») с начала экспедиции.

Проклинали аргентинцев и хунту. Проклинали французов за

«Экзосеты». Проклинали русских и их крейсер, который теперь называли не иначе как «Peter the Terrible»^[65].

Ну и как водится, доставалось военным и правительству – госпожа Тэтчер неуютно заёрзала на своём кресле.

Суровый и справедливый гнев, естественно, не задержался на великобритто-островах, выплеснулся в мировой политический «колизей», где большой палец главных заявленных цезарей – США, гулял то вниз, то вверх, а то и вбок, в зависимости от сторон света: юг (Аргентина), запад (Великобритания), восток (СССР), естественно, фаллически задираясь каждый раз, когда дело касалось интересов себя любимых. Ну вот, как пример: ведущий «холодную войну» Вашингтон не отказался от выгодного экспорта зерна в СССР, тем не менее продолжал строить препоны британским компаниям, поставлявшим трубы для газопровода «Западная Сибирь – Восточная Европа».

Теперь же, после такого эффективного боевого выступления советского корабля (кремлёвским отнекиванием от крейсера, естественно, никто не верил), политическое давление на Советы исключительно усилилось. И не только политическое.

Чтобы понять степень «наезда» на СССР, сто́ит привести некоторые факты из реальной истории на время Фолклендского конфликта.

Поддержка пакистанскими и англосаксонскими спецслужбами сепаратизма в Таджикистане и Узбекистане с помощью афганских моджахедов с планами терактов. К примеру, готовился взрыв крупнейшей ГЭС в Таджикистане.

Препятствие пропуска советских ВМС через Гибралтарский пролив.

Демонстративное увеличение численности войск на военных базах, усиление ВВС и военного флота США и Великобритании.

Провокации против Северной Кореи, с которой у СССР был договор о взаимопомощи.

Срыв некоторых контрактов по советско-западноевропейскому проекту «Газ-трубы».

Тесные контакты с Бухарестом, недовольным политикой СССР по многим вопросам – Запад оказывал румынам значительную помощь в деле создания собственного атомного оружия.

В нашем случае то, что не было реализовано в известной истории, форсировалось, переходя от планов к действиям.

«Battlecruiser» ходил под аргентинским флагом, и формально англичане не могли придраться к СССР. Стали давить косвенно. В Форин-Офис оперативно подготовили документы и подали запрос («коллективную

жалобу») в ООН, объединяющий положение в Афганистане с «советской оккупацией Хивинского, Кокандского и Бухарского эмиратов». Назревала большая политическая пикировка, где Советский Союз загонялся в оправдывающуюся сторону.

Однако все дипломатические потуги британцев не могли решить их проблемы в южной Атлантике.

Потеря авианосца сводила военные действия к затяжному характеру и практически бесперспективной ситуации. И Лондон стал более настойчиво просить военной помощи у своего главного союзника по НАТО. В частности, предоставить самолёты ДРЛО, авианосец или на крайний случай универсальный вертолётоносец типа «Тарава», вспоминая опыт лизинга прошлой мировой войны.

Американцев не менее бриттов раздражало участие в конфликте крупного ракетного корабля, да ещё с предположительно ядерным оружием на борту, видя в этом не столько бряцанье оружием самих аргентинцев, сколько поигрывание ракетными мускулами кремлёвских ястребов. И хоть Лондону мягко было отказано, к делу с усердием подключились спецслужбы США. Для начала ЦРУ, с целью иметь рычаги давления на Буэнос-Айрес, выбросило в прессу провокационную информацию о якобы успешных переговорах с Великобританией, где речь шла об аренде у США кораблей и самолётов.

* * *

В Кремле совершенно не понимали ситуации.

Андропов разглядывал не самого хорошего качества фотографии со спутника, слушая комментарии командующего флотом С. Г. Горшкова, который, водя карандашом как указкой, показывал отличия неизвестного крейсера от «Кирова» и проектных модификаций, следующих в серии «Орлан».

— Значит, очень похож?

— Так точно, но...

— Но это ни о чём не говорит! Если они слепили подобное для провокации и повода ужесточить экономическое давление (так называемые санкции), неточности в имитации могут быть вполне. Но дело в том, что вообще непонятно, для чего им городить подобное? Для воплей о нашей агрессивности достаточно Афганистана и, опять же, бунтующих поляков. И только не говорите мне, что им так понравился наш проект, что они

выкрали техническую документацию и построили у себя на верфях почти точную копию.

На очередном заседании комиссии ООН советский представитель в который раз заявил о непричастности СССР к атомному ракетному «Battlecruiser», оперирующему в зоне Фолклендского конфликта.

В Южной Атлантике советское разведывательное судно, которое под видом рыболовецкого траулера направлялось в зону маневрирования скандального крейсера, с целью снять параметры его радиоэлектронных излучений, сделать более детальные снимки и попытаться идентифицировать принадлежность корабля, было отозвано. А зря.

Крейсер

Что мы можем предполагать в своей жизни, выглядывая за угол будущего, терзая свою любознательность и надежду? Оптимистическое «а вдруг» и разочарованное «опять», протаптывая новые дорожки, неизменно наступая на старые грабли.

Спустившись строго на юг, к банке Бердвуда (всего лишь 4 часа ходу и 110 морских миль), попали в зону шквалистого ветра. «Пьедро Буена» стал отставать, и Терентьев приказал периодически переходить с «назначенного» «полного хода» – 26 узлов на «малый», поджидая «аргентинца»^[66].

Потом в «ходовой» снова тренькал машинный телеграф, указывая стрелкой на «полный», а когда и на «самый полный», добавляя лишние 4 узла. Команду репетовали, проскальзывала пороговая вибрация, пока машина становилась на мощные устойчивые обороты, и крейсер, всё на том же зигзаге, отрывался вперёд. Одним словом – гарцевали.

На «Полиноме» гидропоказания уже поползли вверх – то бишь пошёл Южно-Антильский хребет, когда акустики выдали на ходовой мостик «бомбу», обнаружив в режиме «эхo» подводную лодку. И неожиданно близко, что звучало для них самих укором – прошляпили.

Вообще-то субмарину британцев усиленно «выглядывали» до банки Бердвуда или за ней, но никак ни в этом районе, где глубины ей для скрытности явно маловато.

Сигнал тревоги всколыхнул людей, разогнав по постам, а затем наступает непонятка – локаторы засекают НЦ, но кратковременно и едва-едва. То есть правая антенна на фок-мачте РЛС для низколетящих целей «мазнула» «боковым лепестком», кого-то углядела и... на экране опять пусто!

Командир штурманской боевой части сравнивает данные гидроакустиков с данными радиометристов – дистанция и оба пеленга сходятся!

Первая мысль: «лодка всплыла под рубку». Старпом докладывает на ГКП.

Но тут приходит лаконичное «радио» с «Пьедро Буена» от

аргентинцев, которые, понятно, в этих водах более поднаторели: «Криль!»

А следом после минутной паузы: «Кит!».

– Ах, ты твою мать! – Прикинув дистанцию, до Скопина доходит, что это в пределах видимости. Выскакивает на правый сигнальный мостик, прилипая к визиру: – Красавец!

Кит трапезничал, открывая там, под водой, свою пасть-решётку, пропуская через неё тонны воды и колоссальные массы рачков. На поверхности лишь показывался тёмный горб спины и выхлёстывался мощный горизонтальный плавник хвоста.

«Красиво, но досадно и немного стыдно, что устроили переполох».

Кит, или знаменитый местный криль, ещё не раз заставлял вздрагивать и потеть под кителями операторов гидроакустической станции. Но общего «аврала» предусмотрительно не объявлялось. О боевой тревоге оповещали только телефонизированные боевые посты, до детального выяснения, всякий раз относя подозрительные эхоотражения к разряду «ложных». Одно, кстати, из них было вовсе не ложным! И действительно, кто бы мог подумать, что «британец» будет прятаться в таком не совсем уютном месте для субмарины, как малые глубины. Только это не имело значения. «Спартан» не успевала, не могла, да и не было у команды ни сил, ни желания после охоты и прессинга аргентинцев, устроивших тотальную ПЛ-охоту.

Лодка лежала в дрейфе. Командир решил дать экипажу передышку. Единственно, что потом, всплыв, отослал сообщение в штаб, подтвердив разведданные о проходе «русского».

В установленной точке крейсер и эсминец совершили поворот, проложив курс на запад южнее острова Эстадос. Ещё через четыре часа разминулись на правом траверзе с малым соединением – крейсер «Бельграно» с малотоннажками эскорта. Удалось выяснить, что аргентинское командование всё же решило послать корабли к связке буксир–«Шеффилд».

Позже, прослушивая какую-то новостную радиостанцию, узнали, что «Бельграно» не минул своей участи – на маршруте следования был перехвачен ПЛ «Спартан».

Осторожный «англичанин» незаметно следовал за соединением, долго примерялся для атаки и наконец решился, произведя торпедный залп, оказавшийся результативным.

Но это потом, а пока «Бельграно» браво прочапал мимо. В этот раз с противолодочным зигзагом, но на слишком малых узлах – ничему не учатся!

* * *

– Пусть группа гидрометеонаблюдателей на основе этой хроники... – Терентьев коснулся клавиатуры ноута, бегло просматривая текст, – ...мда-а, так вот, пусть выколдуют – какая будет погода.

– А чего тут гадать, – Скопин пожал плечами, зачитывая непосредственно из текста, – сказано же, «ухудшение погоды, вызванное господством в районе островов штормового фронта, сильная облачность и...» хреновая видимость. Авиации опасаться точно не стоит.

– Так то над Фолклендами, а где мы? За полтыщи километров. Там – со штурманскими документами аргентинцев, по-моему, были распечатки по воздушным течениям и температурам на это время года. Пусть используют. В общем, озадачь, чтоб просчитали. Результаты – штурманам. Сам – проследи смену вахт и можешь быть свободен. В смысле – спать. Мне ты нужен отдохнувшим и без тараканов в голове.

* * *

«Да не вопрос! – подумал Скопин вслед удаляющемуся командиру. – Озадачить – озадачу, спать так спать! Блин, только спать не очень хочется. Зато службу тянуть опять в самую “собаку” выпадает».

Менялась промежуточная вахта: с 18:00 до 20:00. В это время был развод корабельного наряда и ужин. Быстро решив вопросы со старшим метеогруппы и вахтенными, Скопин наскоро перекусил. Потому что есть особо и не хотелось. Как и спать. Понимал, что надо отдохнуть перед вахтой, но пребывал во власти противоречивых чувств – всё взывало взболтнуть осадок адреналина после боевого крещения, делясь впечатлениями с товарищами, да и с командиром обсудить дальнейшие планы. Но Терентьев на попытку заикнуться о перспективах зашикал, отмахнувшись. Видимо, откладывая эти вопросы на завтра.

И теперь Скопин напоминал кота-бездельника, который сам не знает, пойти на вкусный запах или – бамс! – лениво развалиться на тёплом, жмурясь на недоступных воробьёв.

Думал двинуть на корму к летунам, но хорошо, что предварительно позвонил, а то бы топал вхолостую – сказали: у Харебова с экипажем возня по технике и какие-то регламенты.

«Что за регламенты?» Там на вахте что-то пробурчали в трубку – нихрена не разобрал.

Зачем-то забрёл на ГКП. Попался на рассеяннo-неодобрительный взгляд Терентьева, но того усиленно донимали аргентинские военные, переходя на жестикуляцию и коверканный английский, минуя своего переводчика. Не стал подходить.

Самое гадство, все, кто нужен – либо при деле (а ведь так и должно – служба), либо отбились.

В БИЦе (и туда наведалься) его окликнул Сашка Ермилов, который сидел в выгородке у приёмoиндикаторов космической навигационной системы.

Втиснулся – а тут собралась шайка-лейка: сам Ермилов, естественно, Забиркин с какого-то боку-припёку и программист из новеньких. Но не злополучный Лёха, который из-за баб своих чуть не удавился, а тот, который второй. Но разговор у них о том же – о бабах. При этом все трое что-то колдовали с аппаратурой, перебрасываясь специфическими терминами, вполне им понятными и не мешающими виться беседе об отношениях «на берегу» с приятно-противоположным, но таким противоречивым полом.

Дав Скопину проникнуться, Ермилов, глумливо ухмыляясь, спросил:

– А ты чего об этом мыслишь?

– Чего мыслю?! Если вы про любовь, то она бывает разная: любовь с большой буквы, со средней и маленькой. А ещё бывает вообще без буквы «л». Юбовь! А точнее «ебовь»! Придём в Союз – будут вам «невесты белокурые наградой». И леди, и ляди, и неприхотливые, и с претензиями.

Дождавшись, когда въедут и оторжуются, старпом, кивнул на мониторы:

– Вы вообще чего тут колдуете?

– Хотим влезть в спутники.

– В советские?

– В американские.

Скопин присвистнул:

– А получится?

– У американцев уже существует компьютерная сеть ARPANET – прообраз будущего Интернета. Понятно, что проводной, но поскольку финансируется министерством обороны США, наверняка что-то завязано на спутники. Пытаемся. Учитывая то, что протоколы передачи данных

стандартизированы – вдруг выгорит.

– Товарищ капитан второго ранга, – осторожно спросил притихший в углу Забиркин, – а вот вы говорите... в общем, придём мы... домой – это Советский Союз сейчас. И кто мы там будем? И что мы, а?

– А ведь действительно, – подвязался Ермилов, – ты говоришь – Союз, «невесты белокурые», а мы тут такие из будущего... да с золотишком герои-пираты.

– Твою ж мать! Это ж кто растрепался про золото? – Скопин кинул недобрый взгляд на Забиркина. – А-а-а, полиглот-казачок засланный! Тебе, Забиркин, вообще сейчас положено из нарядов не вылезать за апельсины краденые.

– Да ладно тебе, Геннадьич, – заступился Ермилов, – лично я от швартовых узнал. Ящики тяжеленные, и промаркированы были, пусть не по-нашенски, но ребята сразу догадались. Но так я о чём: придём с Союз и зафигачат нас за колючку в общагу гарнизонную, чтобы не трепали лишнего. Золото аргентинское в Госхран, и ни тебе «жигулёнка» паршивенького, ни квартирки-однушки на край.

– А ты думал, коль супостат нас пиратами кличет, и добычу по законам пиратским поделить? Типа – членам экипажа одну десятую, капитан и квартирмейстер – получают двойную?!. Корабль и ракеты не мы ваяли – страна, практически вот этот самый СССР. Мы лишь так – отработали на «пятёрочку», на зарплату с премией.

Скопин почувствовал, как медленно сходит вальяжность настроения. То, что мнилось как вполне закономерные сложности, вдруг увиделось в качестве будущих проблем. Проблем, которые могут быть решены не самым мягким способом.

«Каждый из нас, даже не будь специалистом в продвинутых технологиях, всё равно является носителем аховой информации – чего только стоят ракетные удары по Югославии и будущий развал Союза. Как отреагируют на эту “бомбу” костенеющие своей старостью кремлёвские партийные руководители? Не станут ли тысяча человек экипажа крейсера проблемой из разряда “с глаз долой”? Получить боевой корабль с обученным экипажем, естественно, будет в радость командующему ВМФ, а вот какой головняк может быть у всяких там замполитов и суровых ребят из КГБ, столкнувшихся с умами наших парней, уже переточенными под дикий капитализм современной России? А в довершение информация просочится к не дремлющим врагам, и за каждым морячком с крейсера начнётся охота иностранных спецслужб. А тогда уж точно – в резервацию. Хотя Андропов оставил о себе впечатление адекватного и умного человека.

Правда, не долго ему... Вот и надо, пока он у власти, определиться и решить все вопросы».

Скопин уже мягче посмотрел на Забиркина:

– Вопрос актуален. У Терентьева тоже, кстати, голова болит о нашем будущем. Так что не бойсь – в обиду не дадим.

* * *

«Скомкалось и окончательно обвалилось» – так бы прокомментировал Скопин своё настроение. Неприятно, но факт – ничего конкретного он им сказать и обещать не мог.

Покинув информационный центр, поднялся наверх в ходовую. Кивнув вахтенному, вышел на левый сигнальный мостик, расхристанный, слёту хапнув холодного ветру, набрав в уши целую гамму из свиста в антеннах и басистого рокота океана.

Огляделся – сумерки ещё цеплялись за серые надстройки, безнадежно сползая в океан, обтекая редкие барашки на волнах, и уже в ста метрах от крейсера царила непроглядная тьма.

Было муторно – бродило на душе ощущение неуверенности и затаившегося бессилия перед государственной машиной далёкого СССР. Большая страна (в противовес урезанной и едва набравшей треть от бывшего России), о величии которой вспоминалось-грезилось с гордым трепетом, показалась бездушным монстром, который ради своего сохранения и... развала, не задумываясь перемелет маленькие песчинки людей.

Холод пробрал до костей, выстудив голову, так и не освежив, не развеяв дурных мыслей.

«Что душа русского человека требует в такие моменты хандры? Правильно! Только не этого сиропу-фернету, и даже не коньяку из запасов командира, а обычной водки. Но за неимением сойдёт и “шило”. А у кого можно разжиться сей неприхотливой выпивкой? Совершенно верно! У летунов! Будем надеяться, что к этому времени закончатся их “загадочные” регламенты».

Так, забивая голову разговором с самим собой, целенаправленно двигал на корму, попутно отрабатывая субординацию приветствий с редкими встречаемыми.

Совершенно на «автомате» отмечая нюансы о местоположении на 250-метровом (в длину) крейсере по ряду малозаметных, но привычных признаков.

В «гараже» продолжался маленький аврал – технари деловито потрошили «камовы», проверяя, перепроверяя, меняя, тестируя. Поэтому потеснившись, сели в каюте. Вскрыли консервы, ломтями – хлеб, пахло солёными огурцами из бочки, булькал кипятильник в кастрюльке с картофаном и бабатом (или бататом? Так и не разобрались... аргентинскими, кстати). Начали потихоньку с классического «по пять капель» и «между первой и второй».

Обожгло холодным, потом по пищеводу расплзлось тепло, занюхали, закусили.

– Давай, делись подробностями, а то мы тут как в глухомани – сначала предполётная накачка, потом над океаном в режиме молчания, – Харебов испытывающе взглянул на хмурного Скопина. – Ты как?

– Да как? Ничего особенного, – начал кисло, но попытался отшутиться, – городов не брал, сердец не разбивал, вершин не покорял, миллионов не воровал. Так себе: разрушил Содом и Гоморру, потоптался по гарему шейха Эмиратов, слетал на Марс – побродил в скафандре по Олимпу, ну и по ходу дела вынес Форт Нокс.

– Мда-а-а, не задался денёк!

Хмыкнули – оценили, но давно зная старпома, видели – гнетётся.

– Говори, чего мы не знаем? Вроде сообщали – англы сами подтвердили, что наша плюха прилетела.

– Да, там-то всё нормально, – отмахнулся, хотя ещё час назад готов был обсасывать каждый штрих и нюанс, – в умах нашего доблестного экипажа брожение.

– Диссиденты?

– Скажешь тоже... – покосился на фляжку, – тут другой случай.

Харебов его правильно понял, разливая:

– Давай ещё по одной, как говорится, на всякий случай против всех случаев.

– Частим! Мне тогда по половинке – «собака» впереди.

Крякнули, хрустнули солёным, обожглись парящим рассыпчатым картофелем.

– Укропчика не хватает. А батат – фигня какая-то! – Скопину почему-то не хотелось вываливать на друзей свои возможно раздутые тревоги. Тянул. Но видя, что от него ждут продолжения, вкратце озвучил суть вопроса. В концовке его слегка повело на крепости напиток, и он, смешно заплетаясь языком, довёл до них свои размышления:

– Ладно, когда тебя строит дуболом контр или целый адмирал, но мы-

то уже испорчены перестройкой. И про кровавую гэбню и прочее наслышаны – спасибо дерьмократам. Теперь тянуться перед очередным партийным слугой народа, зная об их привилегиях, зажратости и воровстве, невыносимо противно. Хотите сказать, что были среди партийной элиты порядочные? Единицы! Ведь именно сейчас, в восьмидесятые, началось гниение правящих в СССР. И именно эти (нынешние) вскоре распилят, разворуют, продадут и, в конце концов, просрут.

– Бог не выдаст, свинья не съест.

– Вот Андропов вроде не дурак был, хотя не без загибов. Примаков – порядочнейший человек! Горшков... – неожиданно быстро захмелевший Скопин, казалось, только услышал брошенную майором поговорку. – Говоришь: Бог не выдаст, свинья не съест? Только бог в нашем случае точно не Андропов. Главком ВМФ Горшков! Придём в Союз – надо под его крыло. Своих не бросит.

– Не знаю, что на тебя нашло, но ныне тут мы, – Харебов выделил это «мы», ткнув кулаком в перегородку каюты, обозначив тем самым весь корабль с экипажем, – и не будет теперь ни Горбача, ни ублюдочного пропойцы Ельцина. Давай по «крайней» и иди-ка ты, мил-человек, поспи. А утро вечера мудренее, хоть и добрым бывает редко.

Поворот

Говоря о чём-либо: «я это знаю!», ты загоняешь себя в ловушку постоянства, по сути, занимая оборонительную позицию. И не только потому, что всё подвержено изменениям и твоё «я знаю» устареет. Просто даже оборона эффективней, когда активная.

Утро как утро. Намаявшийся с сушняком, терзаясь душевным дискомфортом, Скопин выдал самый дурной прогноз:

– Подтянут бритты свою «Резолюшн», да кэ-эк зафигачат нам в отместку баллистическим «Поларисом» с ядерной головкой и концы в воду!

Тем не менее сутки наматывали часы. И день как... в общем, тянулся без особых историй. Просмотрев с командиром предсобытия в компе, пришли к выводу, что ничего серьёзного в ближайшее время не произойдёт. Англы, видимо, замывали разбитые носы, пытаясь наладить более эффективную противовоздушную оборону. Погода оставалась штормовой с ограниченной видимостью, такой, что и аргентинцы попритихли. По крайней мере, Буэнос-Айрес, подтвердив успешность ракетной атаки и поражение британского авианосца, никаких сообщений непосредственно для русских не адресовал. «Пьедро Буэна» периодически вёл неинтенсивные переговоры со своими, и командир эсминца счёл обязанным известить русских коллег, что на эсминце заканчивается топливо, и им пришлют замену.

Наступила пауза.

Это не значит, что экипаж пребывал в безделье и блаженстве. Война всё же, несмотря, что окраина и до Фолклендов километрами. Планово совершались полёты «камовых» на противолодочный поиск, выжигая моторесурс (кстати, с «Пьедро» тоже гоняли свою «вертушку» на «дело»), регулярно ловили «эрэлэсками» сквозь толщу тумана и облаков непонятные самолёты. Аэропорт Рио-Гранде периодически выпускал и пассажирские лайнеры, но вряд ли их маршруты пролегли столь далеко к югу. Несомненно, это были британские разведчики, рядившиеся в том числе и в чилийскую «шкуру» – то бишь «Канберры». Ходили кругами, порой по два самолёта, полосуя РЛС из-за серой хмари. Один из любопытствующих оказался настолько навязчивым, что пришлось

придавить его средствами РЭБ – нехрен паяться! В общем, шла обычная боевая работа.

После полудня принесли перехваченную шифровку на «Пьедро Буэна», что фрегат, шедший им на замену, завернули назад. При этом на эсминце по сему факту отмолчались.

– Здесь, – «секретчик» указал на распечатку, – добавлены значки, которых ранее не наблюдалось. Вероятно условные, что предполагает особый статус телеграммы. Шифруются.

Терентьев лишь кивнул, не придавая этому значения.

Однако ближе к трём на станции радиотехнической разведки «отбивается» отметка с северо-запада. Параметры, как у обычной судовой навигационной РЛС. Если провести линию, то прямёхонько совпадёт с направлением на аргентинскую базу Ушуая – стало быть, кто-то оттуда идёт.

Затем радиометрист с «Вайгача» доложил: «Обнаружена цель!» Через полчаса рассчитали дистанцию и время подхода. Что любопытно, на «Пьедро Буэна» по-прежнему молчали.

Проходит время, сигнальщики уже напряглись у визиров, посудина близко, но видимость только ухудшается, потому доклады пока не поступали.

«Секретчики» предоставили на ГКП новую телеграмму: «Пьедро Буэна» получил приказ идти на базу.

Эсминец незамедлительно вывесил флажки, прощаясь, и, показав корму, задымил в сторону материка.

– Сделайте запрос о принадлежности судна, – приказал Терентьев.

Через минуты приходит «квитанция». Доложили:

– Это аргентинский транспорт, который нам продукты доставлял. Говорят, «ротация специалистов, ещё продукты и оплата».

– Странно, – пробурчал Скопин, – а были ещё какие-то договорённости?

– Нет.

– Надо бы поспрашать наших аргентинских квартирантов.

Тут докладывают сигнальщики:

– «Пьедро», на корме эсминца ратьер: «Опасность».

– Что?

– И продублировали!

– Опасность? – недоумевает Терентьев, поворачивается к офицеру связи. – Запросите...

– Нет, – почти прокричал старпом, – он специально ратьером, чтобы не в эфире!

«Опасность, опасность! Словно командир эсминца хотел незаметно предупредить о чём-то», – в голове у Скопина крутились варианты от самого радикального с ядерными «Поларисами» до прячущейся под днищем приближающегося транспорта подлодки.

Терентьев тоже, видимо, напрягается, требуя более пристрастного освещения воздушной обстановки и показаний гидроакустиков. Также срочно послал вестового за аргентинскими представителями.

– А может, опасность в самом транспорте! – вдруг догадывается старпом.

С мостика доложили, что аргентинское судно вышло из полосы тумана и просматривается в визир.

– А ну пойдем, поглядим на эту «опасность», заодно доведёшь свои соображения без лишних ушей, – Терентьев повлёк старпома на мостик, увидев, что на ГКП явился капитан де навио с переводчиком.

– Понимаешь, мы же бесхозные, – с ходу начал Скопин, – точнее под аргентинским флагом, а Кремль от нас отказывается, сам же слышал по новостным...

– И что, думаешь, подойдут вплотную и жахнут по нам торпедами? Какой им резон... стоп, – до Терентьева вдруг дошло. – Транспорт подойдёт борт к борту! Ты хочешь сказать, что они решатся на захват корабля?

– Да! – Старпом аж задыхался то ли от возбуждения, то ли от спешки на трапах. – Говорю же – мы ничейные! Уничтожив один из авианосцев бриттов, мы практически выиграли Буэнос-Айресу войну, если, конечно, англы не подсуеются со срочной покупкой новой техники. Я, кстати, изначально подумывал о попытке нас прихватизировать ушлыми мучачос, но это если бы мы сдуру запёрлись к ним порт. А тут... смело, рискованно, и кто-то у них явно соблазнился нашей беспечностью при прошлой разгрузке.

Они уже вышли на крыло мостика, Терентьев, вполуха слушая доклад старшего, приник к визирю:

– Ну, давай поглядим, тот ли это транспорт, что в прошлый раз.

– Может, вообще отказаться от разгрузки? Надо наших прикомандированных аргентинцев попытать, – Скопин шарил по горизонту в бинокль.

– Попытать?

– Ну, порасспрашивать, в смысле. И если подтвердится – душу вынуть.
– Да они вряд ли что-то знают. В такое рядовых исполнителей не посвящают.

Скопин тщетно пытался что-либо рассмотреть в бинокль:

– Нифига не поймёшь – идёт-то носом. Придётся подпускать ближе. Может, всё-таки откажемся от этого побортного карго. Зачем нам рисковать? Надо им – пусть вертолётами перекидывают.

– А если это лишь наши домыслы? Если честно, не очень мне верится во всякие «захваты». Но меры, конечно, примем, – решил Терентьев.

На ГКП аргентинский военный пытался через выносной терминал секретной связи переговорить со своим штабом. На том конце дисциплинированный оператор лишь подтвердил приём запроса. Командование молчало. Аргентинец затараторил по коротковолновке с капитаном транспорта, но там были лаконичны.

– Судно частное, реквизированное флотом на военные нужды, – легкомысленно пожал плечами капитан де навио, – секретной аппаратуры не имеет. Сказали, что с грузом на борту представитель хунты. Все вопросы при личной встрече.

Аргентинцев вежливо «попросили» с мостика, и Терентьев приказал чужаков на ГКП пока не пускать и ограничить в средствах связи, то есть, если хотят выйти на свой штаб – пусть пробуют, но на передачу сигнал обрезать. До прояснения обстановки.

Вызвал командира подразделения морской пехоты, поднял с койки штурмана.

– На подходе аргентинский транспорт с грузом для нас. Будем принимать. Но есть подозрение, что крейсер попытаются захватить!

Терентьев видел, что совершенно не ошарашил новостью офицеров. В спешке прибывший штурман выглядел слегка закачанным, видимо со сна. Командир пехотинцев сам по себе был человеком мрачным. Сейчас же тяжёлый прищур и лёгкая припухлость лица делали его особо brutальным (ракетные стрельбы его не касались, а при пронизывающем холодном ветре не до тренировок на палубе – вот и маялся дурью).

– Ещё раз говорю – лишь подозрение. Но если вдруг... не знаю, как это будет происходить! Возможно, кран-балкой нам перекинут пару контейнеров, из которых полезет группа захвата. Поэтому надо выставить вооружённую вахту ППДО^[67], распределить секторы на палубе. Вместо швартовой команды принимать груз будут тоже твои парни. Согласуйте со

штурманом.

– Если заваруха будет реальной – моих ребят просто пощёлкают снайпера с чужого борта.

– При такой качке?

– Ну, или с пулемётов посекут. Никакой бронник не спасёт.

– Что предлагаешь?

– Надо к палубе каких-нибудь ящиков накрутить с песком и хорошими стальными стенками, чтобы укрыться от огня можно было и оружие припрятать. И ППДО не светить.

– Какова вероятность прорыва?

– Да никакой! Ангар закупорить, переборки и люки задраить – будут на вертолётной площадке как на ладони. Сколько у меня времени на подготовку?

– Если он скорость не изменит – час.

– Плохо! Как раз темнеть начнёт. В сумерках сложно будет – ни приборы, ни прожектора не помогут.

– Можем дёрнуть ему навстречу. Тогда минут тридцать.

– Добро! И подготовиться успеваем.

Отбарабанили своё вахтенный, рулевой, оттренькал машинный телеграф – крейсер набирал 26 узлов, ложась на встречный курс с транспортником.

Снова пошла полоса тумана, скрывая корабли друг от друга, но не для радаров. Манёвр крейсера не остался незамеченным.

– Радио от «аргентинца»: «Озвучьте ваши намерения».

Терентьев реагирует не сразу, разглядывая, как сползает корка наледи с остекления рубки под действием омывателя:

– Ну, наха-а-ал...

– Или тупит, не понимая, что скоро стемнеет, или дурака включает и этот сумрак ему на руку, – вставляет своё старпом.

Прошло буквально пять минут, и радиометристы докладывают, что «аргентинец» сбавил ход до десяти узлов.

– Вот сучонок, – цедит командир и уже громче: – Ход тридцать узлов!

Вскоре «аргентинец» нарисовался. Его уже хорошо видно невооружённым глазом, а, подняв к глазам бинокль, Терентьев для себя подмечает, что переваливающееся на волнах с грацией бегемота судно никак не вяжется со словом «опасность».

Следует короткий радиообмен. Стрелка машинного телеграфа ложится на 10. Началась работа по выравниванию скорости и курса. «Пётр» – лево

руля, вычерчивая на воде дугу, «аргентинец» – поворот вправо, выполняя плавное схождение.

– «Корыто» то же самое, – подтвердил старший группы сигнальщиков.

Скопин торчал на правом сигнальном, с максималистским пристрастием и подозрительностью вперившись в чужака, усиливаясь оптикой. С высокорасположенного мостика крейсера лёгшее на параллельный курс судно полностью и легко просматривалось. Палуба напрочь пустая, ни души. Перезвонил на ГКП Терентьеву:

– Надводных лацпортов не заметил и фальшборт невысокий, вроде просматривается. Это так на всякий случай, говорю. А вот какая им необходимость везти груз на палубе? Помимо контейнеров на шкафуте у кран-балки, непонятный ящик на баке. Слишком всё подозрительно.

Командир что-то буркнул. Отключился. Началось маневрирование сближения, требующее большой осторожности и внимания.

На палубе «аргентинца» появились люди, закопошившиеся у контейнеров, на мостик высунулся капитан, приветливо помахав рукой, белозубо блеснув из-под чёрных усов, не особо красуясь, тут же убравшись.

Скопин принуждённо ответил на приветствие (слишком уж сладенько всё), глянул вдоль борта «Петра» – мордатый крепыш, возившийся с закреплённым на стойке-вертлюге ДШК, предусмотрительно накрыл пулемёт бушлатом. Сам укрылся за выгородкой надстройки. Корма вся, конечно, не просматривалась, да и морпехи там празднo не шатались.

В плане было, что транспортное судно, уравнив скорость с крейсером на параллельном курсе, станет перекидывать груз на длинной стреле крана, но события развивались неожиданно и стремительно.

«Аргентинец» стрельнул из линемётов, выбросив словно паучьи лапы более десятка тросов с кошками на конце, хватко цепляясь, лебёдками подтягивая судно борт к борту. Одновременно открывая автоматический огонь по любому шевелению на крейсере.

Тут же падают боковинки контейнеров, выпуская первую партию абордажников. Между кораблями ещё метра три – штурмовики перепрыгивают с ходу, строча из коротышей пистолет-пулемётов. А на баке распались стенки ящика, оголяя установку с вращающимся стволом шестиствольного «Минигана».

Двух морпехов, открыто торчавших на полётной палубе, сразу положило. Один, с ранением в голову, там и остался. Второй полз в укрытие, оставляя за собой кровавый след от пробитых конечностей

(атакующие стреляли из малокалиберного 5,56 мм – бронники выдержали).

Ударила очередь по блистеру поста управления взлёта и посадки, осыпая осколки стекла, смахивая белеющее пятно чьего-то лица.

Атака была настолько непредсказуемо-быстротечной, что укрывавшиеся на корме за импровизированной защитой морпехи схватились за оружие, когда противник уже перемахнул на борт крейсера.

Запоздал и крепыш с ДШК, второпях пустив длинную очередь, ушедшую поверх голов нападавших, зацепив лишь пару человек, как его самого впечатало в переборку крупнокалиберными пулями «минигана».

Более высокий борт крейсера ограничил место прорыва абордажников кормой, но несколько бойцов, с болтающимися за спиной штурмовыми винтовками, карабкались ближе к миделю, шустро перехватывая верёвку одними руками.

А вслед за первой волной из трюма «аргентинца» уже валит организованная толпа, обвешанная оружием потяжелее и с пластиковыми ВВ на липучках, пробивать задраенные люки и рубочные двери.

* * *

Мир вдруг наполнился грохотом и визгом долбящих по металлу пуль, срывающихся в рикошет и таким, казалось, несерьёзным стрёкотом пистолет-пулемётов атакующих.

Их спасла параноидальная настороженность Скопина, заоравшего: «Ложись!»

Упали, пропустив пули выше, завыл один из сигнальщиков, словивший в плечо. Его, не прекращающего мычать от боли, тащили под защиту переборок, переваливая через комингс, переползая сами. Скопин, успев крикнуть, тут же получил тупым от рикошета в голову, потеряв на мгновение сознание, с залитой кровью левой стороной лица забрался на карачках в рубку, не замечая режущих кожу осколков стекла. Голова, словно чугунная болванка – гудела вся левая сторона в унисон с ревуном тревоги. Глаз, видимо, заплыл синячищем, и смотрел старпом на окружение с мутным одноглазым ограничением. Рубке досталось – разбитые стёкла, прошитые пулями панели и подволок, есть раненые. Начинал проходить шок, подкатывала тошнота, и мутнеющий разум выцарапывал из забитой болью памяти главное, хрипло переводя мысли в звуковой ряд:

– «Кортик» на ручное! У них «крупняк» на баке... стеганёт по антеннам, всё – отвоевались!

Теряет сознание и уже не видит, как два морских пехотинца, неуместные в ходовой рубке и потому кажущиеся неуклюжими в своих раздутых бронниках, выставили в проёмы выбитых окон гранатомёты, с предупреждающим «не стоять за спиной», дуплетом заставляют заткнуться «миниган». Затем взялись за «калаши». Не снайпера, но корабли борт к борту, на коротких полрожка гарантированно решетили тонкостенные надстройки и фальшборты транспорта, пресекая безнаказанный тир.

* * *

На корме их бы смяли практически с ходу, если бы группа абордажа десантировалась, как положено, давя огнём, рассредоточиваясь, занимая ключевые точки. Слишком много их было и внезапно.

Но была неожиданность и для штурмующих – перемахнув через леера, тут же хряснуться на задницу, поскользнувшись на форменном гололёде (а что они хотели – мороз он всегда за русских!).

Вот тут уже их стали косить очередями из-за укрытий. Конечно, никаким железом не обшивали – насыпали в зиповские ящики песка да принайтовили их к палубе, естественно, вдоль противоположного борта, практически у среза. Отступить некуда – позади... океан, но зато гранаты, не задерживаясь, падали туда... вниз. Даже осколка не долетало.

Высунуться не давали – давили свинцом. Так они и не высывались – выставляли практически один ствол, полосуюя вдоль плоскости не глядя, получая порой по автомату и рукам. Но попадали.

Командир морпехов, с трудом выдернув покалеченной кистью чеку, метнув последнюю «эфку», орал, что «много их, не удержаться, отходить, отходить, ползком, ползком, за блиндированием вдоль среза!»

Не слышали, не понимали, в стрекотне и буханье, в запале боя просто не признавая слова «отступить».

А те тоже отчаянно, под пули напролом. Но что им там пробежать от борта до борта пару десятков метров, и уже сверху замять точными и короткими очередями. До рукопашной даже не дошло.

У крепыша за ДШК был второй номер, которого, едва он вылез из своего закутка, стошнило при виде изорванного в клочья напарника. Вбитая боцманом привычка не гадить на палубу бросила его к лееру, выворачивая за борт. Это спасло ему жизнь.

Боец спецподразделения уже домахал до среза борта, как на голову

ему выплеснулось ЭТО... Люди, вообще почти легко перенося ляпы типа коровьих лепёшек или собачьих «где хочу покакаю», к чему-либо подобному человеческому особенно брезгливы.

Матёрый, натасканный спецура ожидал всего: пули, кинжала в бок, озверелого русского в тельнике, даже средневековой кипящей смолы на голову, но не такого! Руки слегка дрогнули, разжавшись, и он соскользнул метра на два вниз. А тут и корабли как раз сошлись бортами, скрежеща металлом о металл, шмякая натренированным ценным человекоматериалом.

Покоцанный пулями ДШК заклинило, и облегчившийся до желчи парень, схватив «калаш», строчил, строчил, сбрасывая рожок, и снова сливал тридцаточку в прущих чужаков, слыша свист и громкое «банг!» в надстройку летящих в ответ и ни одной в него. Сказано – везунчик.

Снова заёрзал «миниган», и опять получил фугасную из РПГ.

Одиночки-спецуры, забравшиеся по линиям по борту от миделя до кормы, хоть и превосходили по выучке морпехов из ППДО, но всё же это были одиночки. Некоторых успели зацепить пулей. Особо проворные выходили на манёвр, «напитавшиеся» кровью носились вдоль борта, скалолазя в надстройки, пытаясь протиснуться в задраенное поштурмовому железо, нарываясь на очередного затаившегося морпеха, в конце концов, стачиваясь усталостью, находя финальную пулю, тычок прикладом в зубы, а то и колотый сталью под бронник или в шею.

Их расчет строился на подавляющее преимущество группы на корме с полным захватом инициативы. Но на корме у штурмовиков...

Сделали! Рассеялись, занимая периметр, мысленно оглядываясь – сколько их (элиту элит) положили на палубе эти безбашенные русские, с удивлением обнаружив лишь семь тел противника против втрое большего убитых и тяжелораненых у себя. Но плацдарм они обеспечили. Корма под контролем. Вслед с борта на борт ломится второй эшелон спецподразделения, специалисты-морьяки и агенты из разведки. Теперь им дальше, дальше, концентрируясь на прорыв, взламывая пластитом задраенные двери, вгрызаясь в стальную машину, пробираясь к важным узлам.

И тут происходит катастрофа!!! С момента атаки набежало всего минут пятнадцать. Два корабля идут параллельно, впритык, мученически

скрипя и соударяясь бортами. Русский «громила» на ходу продолжает жить своей жизнью, вибрируя силовой установкой, вращая антеннами. Это целый лес антенн и этажи надстроек, особенно когда смотришь с палубы снизу вверх.

В очертаниях многих систем можно узнать оружие, не говоря уже о артиллерии, заправшей под 45° стволы. Но для штурмовиков всё оно не представляет угрозы, рассчитанное на борьбу с «железом» (летающим, плавающим, подводным), они вне зоны его действия.

Совершенно неприметно на возвышении полуюта за грот-мачтой задвигался лафет, горбатившийся обтянутым чехлом, и вдруг, прямо из-под плотного брезента, вспарывая, расцвели золотые букеты выстрелов воющих шестистволок, ударив двумя тугими струями, ломая человеческие фигуры, выкашивая, превращая в кашу.

Бледные вспышки прошли по палубе крейсера, разбрасывая кровавые и огненные лоскуты, оставляя оспины разрывов и фрагменты тех, кто не успел заскочить в мёртвую зону. Где выжившие один за другим ныряли в развороченную пластитом рубочную дверь в торце надстройки, под торопящие окрики бойцов спецназа, профессионально понимающих, как их теперь мало для выполнения задания.

С полубака «аргентинца» пытаются отреагировать на «скорострелки» – высовывается один, второй, на плече у каждого тубус, не что иное, как целые ПЗРК. Вокруг них тут же зацокали пули. Бил кто из них по беснующимся шестистволкам, да не дали прицельно выстрелить, либо намеренно целил по антеннам, но одна из ракет пыхнула факелом, уходя вверх, ударила в выступ-площадку на фок-мачте, сыпанув осколками в ажур антенн.

Автоматические «металлорезки» «Кортика» незамедлительно перекинули огонь на злополучный транспорт, устраивая на сугубо «гражданской» (по прочности) лоханке погром. Затем намеренно целя по барабанам лебёдок, рассекали прочные «нити», удерживающие корабли.

Крейсер резко набирает ход, бросая рули влево. Последние цепляющиеся тросы: какие разматываются огрызками с измочаленных лебёдок, какой вырывается с «мясом», унося кусок леерного ограждения, самые цепкие лопаются звенящей тоскливой нотой.

«Пётр» избавляется от присосавшегося транспорта, отбегая на дистанцию для... лишь для того, чтобы не получить осколками от своих же снарядов, тут же «ожившей» 130-мм артиллерии.

Спаренные стволы резко опускаются по линии горизонта. Движения башни кажутся дёргаными, словно командир стрельбового расчёта на

дистанции «в упор» потерялся с наведением. Но тут же проявляется его мастерство – десять дуплетов за неполную минуту, на доли градусов доворачивая башню после каждого залпа. Это было похоже на очередь, вспарывающую транспорт по всей длине корпуса.

Чередой взрывов выворачивает судно наизнанку, заваливая набок. Понятно – ему конец, но стволы, курясь дымком минутной задержки, ещё раз «гахнули», словно пнув напоследок поверженного наглеца.

* * *

Терентьев и сам не заметил, что уже трижды скомандовал прекратить огонь, дёргаясь на каждый поступающий доклад. Хотелось орать и выть уже не тоскливо собакой в непонимании происходящего, а по-волчьи и по-бычьему... и как коршун по-высоцки^[68].

Хотелось контролировать всё и вся! Лично! Особенно там, где сейчас по кораблю расползались чужаки.

«Как тараканы... – он непроизвольно брезгливо скривился, сжимая кулаки. Было именно это гадливое ощущение, когда случалось в бытность включить свет в общаговской кухне и видеть, как разбегаются чёрные, мерзкие... – Давить, давить!»

Хотя понимал, что натренированные на контрдиверсии морские пехотинцы справятся с этим лучше кого-либо из моряков.

«Вопрос – что десант противника успеет натворить на корабле?»

Сирена тревоги уже не выла (приказал отключить – мешает работать), но вышел по общекорабельной связи, обратившись к экипажу, коротко и чётко обрисовав ситуацию. Внешние звуки на ГКП не долетали, но можно было себе представить, как аврально перекрывали всё, что ещё не было закрыто, как затопали по трапам матросы, грохоча задраиваемыми комингсовыми дверьми, мягко хрумкая смазанными шестернями кремальер.

Стала «слепнуть» правая секторальная РЛС «Подкат».

– Потерян сигнал с антенны, – подтвердил моргающие лампочки сбоя системы оператор станции.

Терентьев одним взглядом дал понять вахтенному – «разобраться» и подстегнул операторов:

– Доклад по воздушной и подводной обстановке каждые две минуты.

Сам продолжал прокручивать в голове последние сообщения, пытаясь

систематизировать цели противника и предпринятые контрдействия: «Офицер из дивизиона живучести с группой вооруженных моряков отправлены в помощь морпехам. Усилены посты свободными от вахты. Прикомандированные аргентинцы взяты под арест. Звонили летуны с ангара – забаррикадировались! И пострелять у них есть из чего, но к ним не полезли. И хорошо!!! Они “сидят” там на керосине, одной шальной хватит, чтобы пыхнуло. Командир морпехов скорей всего погиб – прапорщик, принявший на себя командование, доложил: “...противник, продвигаясь, применяет мини-подрывные устройства. Локализовали группу из трёх бойцов противника в подбашенном отделении...”

Пока всё! Вряд ли им нужна АК-130, тем более там почти барбет, не так-то просто всковырнуть и взрывчаткой. Какая взрывчатка, какой мощности? Наверняка не очень мощная, иначе им самим не поздоровится. Куда они ломятся? К реактору, к ГЭУ^[69] или в румпельное отделение? Там защита какая-никакая. План корабля у них вряд ли есть. Значит, будут течь как вода, из предположений и логики расчёта, но куда удобно. А самые легкодоступные – это жилые помещения старшин и матросов. Туда их и будут выдавливать морпехи. Что там ещё прапорщик? Не знает количества проникнувших на корабль?!»

Терентьев выискал взглядом монитор, передающий видео с кормы. Камера была установлена перед рандеву с транспортом, практически перед самой атакой в посту управления взлёта и посадки, разъёма там штатного не было – просто наскоро кинули «сопли». Пост обстреляли, видимо, зацепило и мини-камеру, и теперь картинка «лежала» боком.

«Сколько их? Судя по тому, сколько их накрошил “Кортик”, теперь разбросанных по палубе, то было немало. Отмотать запись, и можно фактически точно подсчитать. Кстати, заодно и посмотреть... что-то заметил, какую-то странность в нападавших, рожи размалёваны – спецназ явно, но что-то ещё... чёрт... ладно, потом. Но просмотр поручить... – огляделся. На ГКП не протолкнуться – усиленная вахта, – короче, есть кому».

Озадачил первого подвернувшегося – штурмана, чтобы тот озадачил в свою очередь кого надо.

– И пусть охрана – снаружи, – мотнул головой на двух матросов в бронниках, в касках, с автоматами, – тут уже дышать нечем.

«Спросили бы его: “Ты в порядке?”, ох как бы он ответил: “Я не в порядке!!! Я в большом беспорядке!!!”, пока на корабле, словно червяки в яблоке, ползали чужаки, вгрызаясь в его металлическую (и человеческую) плоть, руша порядок и убивая».

Приказал не докладывать ему о потерях и раненых. Пока. Он впервые терял людей. Это выводило из себя и могло повлиять на трезвый расчёт и холодную голову. И делал над собой почти физическое насилие – делать то, что должен, чему научен, а не бежать сломя голову с «калашом» наперевес, очищая свой, СВОЙ, чёрт побери, корабль от врагов! Оставляя профессионалам морпехам делать своё дело! При этом надо внушать экипажу личную уверенность и спокойствие, дескать, всё под контролем! Потому что слишком уж это было... как удар ниже пояса – наглый абордаж! И гнал от себя крамольную мысль, боясь притянуть надуманное: «Чем такое, позорное, уж лучше бы торпеду в борт или ракету, на худой конец». Но – нет! Этого только не хватало!

А потому снова внимание к внешней обстановке, и, слушая монотонный успокаивающий бубнёж операторов РЛС (кроме правого «Подката»), даже не верилось, что десант не подкрепят с воздуха или из-под воды. Висит, конечно, разведчик в небе, но на приличном расстоянии. На горизонте лишь метка «Педро», который, видимо, держит полный ход, иначе говоря, улепётывает.

«Эртээсникам» можно верить – «стелсов» практически ещё и у амеров толковых нет, а вот акустики... Акустикам сложно! Крейсер галсирует на 25 узлах противолодочным. Естественно, своим шумом забивает «слухачей». Плюс – волнение на море, близкое к штормовому! И если субмарина крадётсЯ на малой глубине, то её кавитация весьма эффективно заглушается всеми всплесками и хлюпами волн. К тому же у аргентинцев именно дизельные ПЛ – по сути самые тихие в классе.

Конечно, можно было себя похвалить, что перед подходом аргентинского судна приказал вернуть «камова» на борт, потому что, крутись он поблизости во время абордажа, его запросто могли «смахнуть» ПЗРК. Да и сейчас бы, случись поломка, куда его сажать – на корме пока чёрт знает что творится. Но именно сейчас противолодочный вертолёт пригодился бы как нельзя кстати.

Отвлёк дежурный по кораблю – именно он плотно «сидел» на контроле по перемещению противника по крейсеру, собирая информацию с любого источника: камеры видео, звонки с боевых постов о любом нештатном шуме или просто обрыв каких-то цепей с предупреждающе моргающими контрольными диодами.

Подобная неконкретика вынуждала его тихо паниковать, и он предложил, от греха подальше, а точнее от вероятности ядерной диверсии, заглушить реактор.

– Нет, – Терентьев засомневался лишь на секунду, рано, видимо, как

думал, так и подавал свои доводы, – это захват. Хотели бы уничтожить – смонтировали на транспорте подводный торпедный аппарат или вообще... жахнули брандером. А эти не фанатики, туда они не полезут, не самоубийцы. Вывести из строя, думаю, их задача, чтобы стали лёгкой добычей и сдались. Корабль их интересует. Нужен им. Наверняка хотели бы сюда – на ГКП и срубить, так сказать, «голову», но неудобно – с кормы пока доберёшься. Вот и лезут... скорее всего им нужно румпельное или главная энергетическая установка, турбины. Чтобы обездвижить крейсер, достаточно и просто повредить редуктор, но...

Немного поколебавшись, всё же приказал:

– Кормовое машинное отделение – заглушить котлы, отвести пар, закрыть заслонки.

Ввалился штурман. То есть за общим напряжением Терентьев и не заметил бы, но от того пахнуло свежим морозным ветром, а значит, был наверху. Доложил – оказалось, что камера на корме работала, так сказать, лишь онлайн и записи не было. Штурман выглядел озабоченным, скорее расстроенным, хотел ещё что-то сказать, но вышел на связь прапор-морпех.

Голос в переговорном устройстве, выведенном на «громкую», скрипел помехами, слышалась стрельба, крики.

– Передовая группа противника пробились к кормовому машинному отделению, но там и встали. Больше не бьются – скорей всего, у них закончилась взрывчатка. Блокируем! Несколько человек проникли в вентиляторные аппаратные. Повредили электростанцию номер два. Много их на ярусе матросских кубриков. Эти упыри там плотно «окопались». Должны понимать, что их дело – швах, но огрызаются! Сложно. Гранаты применяем только светошумовые, – он тяжело сглотнул, потом, видимо, хлебнул из бутылки. Продолжил: – Надо выйти по общекорабельной – предложить им сдаться. Иначе много парней положим – нам зачистить будет ещё тот геморрой.

– Понял, – Терентьев, пока прапорщик докладывал, разглядывал общий план крейсера, прикидывая, куда удалось проникнуть чужакам, – где наш испаноговорящий?

– Не надо испаноговорящего, – угрюмый штурман, наконец, нашёл паузу, чтобы вставить свою неприятную новость, – они на английском переключаются.

– Вот оно... что! – протянул Терентьев. – Вот так, значит! Как же это англичанам удалось так повернуть, что Буэнос-Айрес слил нас? То-то я и смотрю – слишком круто для аргентинского спецназа. САС^[70]!

– Не САС, – штурман протянул командиру ладонь, в которой лежал

металлический жетон с обрывком цепочки.

Терентьев взял, разглядев выбитый рисунок и надпись на английском. Теперь стало понятно, что зацепило его взгляд на видео с кормы – среди атакующих явно были негры.

– «Дельта»! Американцы!

Со стороны могло показаться, что командир впал в ступор. На самом деле, Терентьев наскоро пытался прокрутить дальнейший вариант событий с учётом американского вмешательства. Стройной логики не получалось – слишком много факторов надо было учитывать, включая международные политические, но однозначно вывел, что перспективы не очень приятные. Окончательно запутался и даже не расслышал, как подал голос оператор обзорной РЛС. И уже дежурный по кораблю обратил его внимание:

– У нас ещё гости! На горизонте цель, групповая.

Недалеко накануне

Совесть – гибкая сука, подвластная изменениям ситуации... труслива и боится наказания... даже по смерти. Чем, кстати, пользуются церковники... Впрочем, это уже другая тема.

Само решение с захватом корабля вынашивалось не один день. Горячие головы из различных заинтересованных спецподразделений продумывали различные варианты и планы, даже прорабатывали сценарии... так, на всякий случай, если случай представится, когда ООН запутается в своих резолюциях, дипломаты отвернутся, дескать, мы ничего не видели, а кто-нибудь поважней и посуровей стукнет кулаком по столу, и-и-и... А пока...

Едва Буэнос-Айрес объявил, что крейсер ходит под аргентинским флагом, США стали давить на хунту, требуя отказаться от помощи русских. Поэтому Гальтиери, собрав штаб, приказал срочно разработать план удара по морскому соединению противника с целью нанести невосполнимый ущерб и как минимум лишить инициативы. Рассчитывая тем самым устроить британцев и вынудить их пойти на переговоры на выгодных для Аргентины условиях. А с русскими, естественно, поспешно распрощаться.

Но как только затеялось какое-то движение, и спутники исправно зафиксировали старт ракеты, со стороны Штатов незамедлительно последовал самый жёсткий «наезд». Судя по тому, как скоро была реакция американцев – готовились они заранее. П-700, наверное, ещё летела к цели, а американский посол (посол президента по особым поручениям генерал Волтерс) уже «стучался в двери» к министру иностранных дел Аргентины, на ходу перебирая приготовленные бумаги.

Посол начал с малого, но «Гранит» уже добросовестно вмандил «британца»! Пошла череда сообщений, подтверждений, снова сообщений и подтверждений. Англичане ещё не вопили о «наглости-подлости-несправедливости» – суть потере авианосца, но чаяния их были прогнозируемы.

Фактически посол работал по результатам – курьер донёс информацию, и Волтерс вынимал следующий подходящий к ситуации лист. И зачитывал требования.

Не успели в Буэнос-Айрес обсудить ультимативные претензии

американцев, как в столицу Аргентины прибыл госсекретарь США А. Хейг. На встречу с президентом Гальтиери Хейг явился не один, представив сопровождавших его как офицера одной из силовых структур США и специалиста из ЦРУ.

Работая в тесном контакте с английскими спецслужбами, в ЦРУ знали о планируемой диверсии SAS на аэродроме подскока Рио-Гранде, где базировались штурмовики «Супер Этандар». Отсюда в ЦРУ родилась идея провести более дерзкую операцию – захватить русский крейсер. Миссию возлагали на 1-й оперативный полк подразделения сухопутных войск США «Дельта». Командир подразделения (именно он прибыл с Хейгом), понимал, насколько нетривиальна и сложна поставленная задача. И как мало времени на подготовку. Но «Дельте» требовалось реабилитироваться после провала операции «Орлиный коготь»^[71].

Это желание (всё сделать своими силами) стало одной из причин отказа британцам на участии в операции. А англичан пришлось посвятить в планы. Во-первых, чтобы не произошло накладок с их стороны, вздумай они совершить воздушный налёт на русский крейсер во время миссии «Дельты». Во-вторых, действовать (хоть и формально) решили под видом бриттов, как воюющей стороны.

Но основными причинами были сложности во взаимодействии групп и из-за аргентинцев. Гальтиери хоть и вынудили на содействие, но он категорически отказался допустить на свою территорию солдат противника.

Для Гальтиери решение пойти на сделку с американцами было далеко не простым.

Ещё в начале апреля янки начинали плавно и обтекаемо, призывая воздержаться от обращения за военной помощью к союзникам по Межамериканскому договору. В уставе этого договора оговаривалась гарантированная поддержка любой американской стране, подвергшейся агрессии со стороны европейской державы. Это поставило бы Штаты в затруднительное положение – они тоже «сидели» в этом договоре.

Однако разумом Гальтиери понимал и видел приоритеты США – сохранение отношений с Великобританией, как главным союзником в Европе по Североатлантическому Альянсу. Против Советов. А тут, когда казалось, что США сумели путём финансово-экономических и политических рычагов удержать Буэнос-Айрес от контактов с СССР, Аргентина принимает помощь именно от тех, против кого эти альянсы затевались. Хотелось верить, что именно из-за антагонизма к русским американцы по факту поддерживают бриттов в войне за острова. Но в

глубине сидело занозой, что «вот они – англосаксы! Белые люди. И как только дело касалось их интересов, всякие “смуглые” должны потесниться».

И как напоминание всплывало про немецкие торпеды, американские бомбы, которые оказались неисправны. И что-то там всё же не в порядке и с ракетами французов. Так и хотелось послать всех доброжелателей псевдосоюзничков и советчиков куда подальше, а впустить русских.

Но само поведение Советов было странным! Можно ещё было понять публичное отрицание отношения СССР к крейсеру. Но что посол СССР в Аргентине, что военный атташе, даже в доверительных беседах с глазу на глаз, продолжали гнуть официальную версию, избегая каких-либо разъяснительных разговоров на эту тему.

Да и не понимал он, и откровенно опасался советской идеологии, которую Кремль наверняка начнёт навязывать, как у них это водится с союзниками.

Теперь американцы грозились предоставить англичанам в лизинг вертолётносец типа «Тарава», который, по данным разведки, действительно видели вблизи чилийского Сан-Феликс. Что практически сводило на нет вывод из игры британского «Инвинзибла».

Другое дело, что Гальтиери и сам собирался отказаться от русских, о чём немедленно и заявил. Для Аргентины всё состыковалось удобным пазлом: война практически выиграна, советскому крейсеру – отставка, янки удовлетворены и бритты не получают от них помощи. Дело идёт к урегулированию на условиях лучших, чем были предложены Волтерсом до начала конфликта. Но американцам вдруг понадобился сам крейсер!

На взгляд Гальтиери, почти приятельская улыбка Хейга, считающего, что это он вынудил Буэнос-Айрес пойти на содействие, выглядела особенно омерзительно. Кнут сменился пряниками – Хейг озвучил в целом известный план по передаче островов Аргентине с последующим созданием совместной (американо-аргентинской) военной базы. Но теперь с существенным ограничением американского присутствия.

– Тэтчер во многом согласовывает свою позицию с мнением Вашингтона, и мы сможем убедить её разойтись мирно. Только вот вы... – Хейг сделал многозначительную паузу, – не спешите прерывать контракт с русским командиром. Пусть крейсер посетит с дружеским визитом вашу военно-морскую базу на Огненной Земле...

Гальтиери сразу понял, к чему клонит янки. Мысленно выругавшись,

он дипломатично удержался от «вы в своём уме?», ограничившись лишь:

– Вы хотите сравнить нас с СССР? Я на такое не пойду!

– Как говорит немецкая пословица: «Wer A sagt, muss auch B sagen», сказавши А – скажи и Б!

Президент Аргентины, упрямо глядя в лицо собеседнику, отрицательно качнул головой, давая понять, что исключает какую-либо силовую акцию американцев на территории страны:

– Я даже не представляю, при какой ситуации удалось бы спровоцировать заход русского крейсера в гавань Ушуайя. Они достаточно автономны. Единственное... кое-какие припасы они получили прямо в море с нашего транспорта.

– Хорошо! Рассмотрим другой вариант, – судя по тому, как легко Хейг отказался от своего предложения, американская сторона ожидала подобного ответа, – транспортное судно, насколько нам известно, частное?

Увидев подтверждающий кивок, Хейг продолжил:

– Мы его зафрахтуем. Нет! Выкупим. Вам лишь останется в нужное время официально объявить, что «Battlecruiser» больше не ходит под флагом Аргентины.

Это было самое простое для него во всей этой американской затее. Но от всего остального дурно пахло. Гальтиери в который раз убедился, как просто быть военным и на какие компромиссы и лицемерие приходится идти, будучи политиком.

Американцы, получив его согласие, незамедлительно дали отмашку на начало операции. Вскоре аэропорт Рио-Гранде примет «Боинг», из которого выгрузятся бойцы спецподразделения, пусть в «гражданском», но с тюками снаряжения. И наверняка прихватят крупнокалиберное оружие – а значит, плюс ещё контейнеры и ящики с боеприпасами. Затем вертолётами их перебросят на военную базу Ушуайя. Где транспортное судно спешно подготовят для абордажа, и выйдут в море. Естественно, всё пройдёт на глазах аргентинских военных и обслуживающего персонала.

Как он будет выглядеть в глазах своих подчинённых, что о нём будут говорить в армии и, естественно, на флоте? Как это скажется на его репутации в политическом мире?

А ещё существует Советский Союз, который хоть и находится в другом полушарии, несмотря на свою совершенно непонятную игру с инкогнито крейсера, вдруг окажется разобиженным медведем, которому оттоптали любимую лапу.

– Спешим, – сказал молчавший всю встречу с президентом Аргентины командир «Дельты».

Хейг удивлённо взглянул на него, не понимая – по дороге в аэропорт посольский лимузин встрял в пробку и теперь еле тащился в потоке машин под какофонию клаксонов.

– Спешим, – повторил офицер, поясняя: – Слишком мало времени на подготовку. Мои парни усиленно тренировались. Морячки из Норфолка водили их по похожим кораблям, объясняя общие принципы в кораблестроении, чтобы они свободней ориентировались в переходах и трапах, но сами понимаете – сюрпризы неизбежны.

– Чертежи... – подал голос цэрэушник.

– Чертежи крейсера, которые вы предоставили, могут, пусть несущественно, но отличаться.

– Вы знаете наши рекомендации – взять на миссию специалистов.

– Одобрено! Но считаю, что тащить с собой ещё и ядерщиков нецелесообразно.

– Это корабль с атомной энергетической установкой. А вдруг они с отчаяния взорвут всё к чёртовой матери.

– Не думаю! Русские не фанатики. Если уж и захотят угробить свой крейсер, чтобы не достался врагу, – им проще кингстоны открыть или взорвать одну из своих здоровенных ракет.

– Вы не уверены в своих людях? – спросил Хейг.

«Дельтовец» бросил в сторону госсекретаря цепкий взгляд, ответив:

– В своих парнях я уверен. Мне не нравится спешка и то, что должным образом не успеем подготовить аргентинское корыто.

Впереди уже показалась причина затора – авария, но водитель, видимо хорошо зная город, объезжая пробку, свернул в один из боковых проездов. Теперь лимузин петлял по узким и захламлённым улочкам с праздно шатающимися непрезентабельными аборигенами.

– Если ещё затянуть, то не пройдёт и двух-трёх дней, как на каждом углу этого гадюшника, – Хейг указал за окно, – будут трепаться о нашей операции. Аргентинцы совершенно не умеют хранить секреты. У них везде, и у военных в том числе, друзья, родственники и прочие связи.

Хейг не ошибался, опасаясь утечки информации. И Гальтиери был прав, когда терзался сомнениями, что о нём подумают офицеры.

В условиях последних смен власти путём переворотов аргентинские военные были вынуждены держать ухо востро. Флотские офицеры всегда находили возможность общаться между собой по закрытым каналам, имея обговоренные сигналы. Командир «Пьедро Буэна», помимо распоряжений командования, получил личную шифровку. Обычное предупреждение от «своих» о необычных приготовлениях в порту Ушуайя неприятно взволновало, зацепило некие струнки, именуемые офицерской честью, с вопросом: «А всё ли правильно они делают? Точнее, правительство в лице Гальтиери, но всё же это они – аргентинцы. И чем тогда они будут отличаться от нынешнего противника – англичан, которые известны своей склонностью предавать, когда этого требуют их интересы?»

Совместная деятельность, а тем более боевая работа сближает. Они удачно и, что немаловажно, победно сработались с этим «русским». Командир эсминца с сожалением понял, что не может так просто взять и уйти. С сожалением, потому что у него есть приказ, а все его противоречивые измышления и то, что он задумал сделать, – самовольство, за которое можно огрести, если всё всплывёт наружу. Поэтому, не доверив сигнальщику, отослав верхнюю вахту с мостика, сам отсемафорил уже бывшему союзнику то малое, что нельзя бы было ему поставить в обвинение, произойди служебное разбирательство, но оказавшееся достаточным, чтобы послужить предупреждением.

Крейсер

Не надо ничего бояться! В конце концов, все наши детские кошмары и взрослые страхи воплотят в жизнь.

Наглость (его второе счастье) ухмыльнулась первой, когда он, оттарабанив вахту, не полез на своё место, а увалился прямо в одежде поверх одеяла на нижнюю койку.

Спал он всегда так, что будили его едва ли не стаканом холодной воды в лицо. А уж ежели беруши засунет, то и не дозовётся никакая сирена тревоги.

Ну, а если наглость всё же была его вторым счастьем, то первым – особо чувствительная на неприятности пятая точка.

Рванный калейдоскоп видений сна и мыслеобразов перед пробуждением перекинулся, выплеснул тревогу на явь. Инстинкт самосохранения уронил его с койки, плашмя распластав на полу. Падай он со своей, с верхнего яруса, приглушённая очередь прошла бы его ещё в полёте.

Через проём двери в полумрак кубрика добежал затухший свет от где-то там за углом световспышки, обозначив тёмный силуэт чужака с коротким автоматом и скользнувший вниз тонкий (в сравнении с «калашовским») рожок.

Пайолы вздрагивали, донося до прижатого тела толчки близких взрывов, а звуки добежали глухими, низкими нотами. Башка та, хоть спросонья, но не замутнённая другими мыслями, кроме выживания, секундой дорисовала скупые движения автоматчика с заменой магазина, короткий ход взвода пружины и невидимый палец, готовый нажать на спусковой крючок.

Между ним и противником угловато темнел ящик-рундук под бачок питьевой воды. Помнил, что перед вахтой его совали туда-сюда, чинили и толком не прикрутили к месту, оставив посреди кубрика, едва наживив крепёж.

Сам никакой не спецбоец, обычный контрактник – по утрам зарядка и «качалка» в охотку, но на одном адреналине смертельной опасности перекатился, извернулся и что есть силы пнул её (тумбочку эту) двумя ногами.

Ящик самое то – не тяжёлый, не лёгкий, опрокинулся, ударив углом по ноге противника наиудачнейшим образом – как раз выше голенища берцев, взрывая болью рецепторы надкостницы. Тусклый аварийный свет и новые вспышки позволили рассмотреть, как сложился тёмный силуэт, заваливаясь набок.

Вскочил: «Добить гада, пока раскрыт, пока не прочухался!» Дал по шее, попал скользящим по шлему. «Больно, чёрт! И... как-то несерьёзно! Ногами бы, но босый». Метнулся, схватив огнетушитель (а чужак уже привстал) и что есть силы, наотмашь, лязгнув по выставленному автомату, достал до головы! Смачно так... «Готов!» Толкнул куль тела ногой. Чернее всего чёрного потекла лужица крови из-под головы.

«Почему не удивился? А травили за завтраком байки-страшилки всякие, в том числе и про абордаж. Вроде как со смехом, а вот поди ж ты...» Сглотнул вязкую слюну. «Так! Отдышаться!»

Темно! Шарил, цеплялся расширенными зрачками по дорожке меж рядка коек – автомат не увидел: «Наверное, отлетел от удара». Наконец, словно вскрывая мозг, выдернул беруши (давят-распирают). И что уже было понятно, но доходило приглушённым, словно каким-то несерьёзным фактом, хлынуло в полную силу: звуками стрельбы, криков и низким уханьем взрывов. «Чёрт. Хоть снова вставляй в уши – если рвут гранаты, то в замкнутом помещении точно оглохнешь».

Из двери потянуло запахом дыма. Выглянул: аварийные лампы мутными блямбами подсвечивают в конце коридора горбатящиеся спинами силуэты на полусогнутых.

«Чужие!»

В его сторону никто не смотрел. Но вдруг там, в конце коридора застрекотало скупыми вспышками выстрелов, затем жажнуло ярче, докатилось по ушам, поволокло гарью, потом за клубилось непроглядно, сквозя в его сторону. И неожиданно из дыма вывалились фигуры, прямо на него, теснящиеся в коридоре, откашливающиеся, понукаемые кем-то сзади: «Гоу, гоу!»

Попятился, всё с тем же огнетушителем, не успевая замахнуться, а руки сами заученно вскрыли пломбу, выдёргивая предохранительную чеку. Струя в рожу опрокидывает первого прорвавшегося, бьёт напором в следующего. В тесноте коридора образовывается свалка, крики.

Вовремя падает на спину, продолжая удерживать баллон, выставив шланг с сифоном, давя, изрыгая струю пены, потому что поверх прошли пули, почти видимые в дыму, который уплотняется, клубится... И в этой кутерьме, почти не замечая, через него перескакивают, спотыкаясь, шипя

ругательства на своём – английском.

Сам молчит, скукожившись, прижав опустевший баллон к груди, стиснув зубы и щёлочки слезящихся глаз, одурев от напора и топтанья почти по голове. А когда услышал знакомое – мат и короткие приказы на русском, заорал и сам (чтобы свои ненароком не пристрелили) на самом лучшем пароле – матерном.

– Эй, паря, жив?

По голосу узнал прапора из морпехов – у того был характерный малоросской (а точнее кубанский) говор.

– Лихо ты их запенил! Подсобил! – Прапорщик помог ему встать. – Погодь! А ведь это мысль! Залить водой из противопожарной... и хай хлюпают, пока мы их...

– Где? – Вяло шевелил языком, слабо соображая. – Всё уйдёт через шпигаты...

Но прапорщик уже словно забыл о нём, отмахнувшись «ща, ща!» от подскочившего покашливающего сержанта, стал быстро говорить в гарнитуру переговорного устройства, вероятно докладывая «наверх»:

– Задраим смежное помещение и врубим газофреонную противопожарку. В аппаратной и у машинно-котельного! Это осуществимо? По крайней мере, одну группу локализуем точно...

Набежали матросы из боцкоманды, в задачу которых, видимо, входило разгрести бардак после «работы» морпехов. В том числе и растаскивать трупы.

Думал, что припадут и его. Двинул было в кубрик, искать свои ботинки, но его остановил морпех-сержант, который споро что-то обсудил с прапорщиком.

– Эй, братэлло, ты же «огневик»^[72]?

– Ну.

– Ты ж тут все закутки знаешь... поможешь зачистить территорию? А то... – он болезненно откашлялся, пытаясь прощупать свою грудь, – мало ли какая падла в трюмах заныкалась.

– А-а, давай. Только я на ноги ща прикину, – кивнул на свои босые пятки и решил побравировать: – Пойдём, кстати, там в кубрике один валяется, и пукалка его куда-то отлетела. У тебя фонарь есть? Поищем.

Пока шнуровался, сержант отыскал пистолет-пулемёт, поцокал языком на согнутый ствол и улыбочивым прищуром на распластавшегося чужака:

– Железку, конечно, жаль. Чем ты его так?

– Огнетушителем. Баллоном наотмашь! Слышь, а они всё на английском орали... англзы?

– Пиндосы, – хмыкнул сержант, продолжая крутить в руках пистолет-пулемёт, слегка пнул тело.

К удивлению, лежащий застонал, пошевелившись.

– Живучая падаль, – неожиданно зло переменившись, выцедил сержант и вдруг резким, словно вороватым движением опустил пистолет-пулемёт тому на голову.

Для этого сержанту пришлось нагнуться, и он снова стал характерно покашливать, поелозив свободной рукой по груди.

– Словил в бронежилет одну из такого, – пояснил, тряхнув оружием противника, – «машинка» наверняка удобная в тесных помещениях, но пульки слабые. А ты не ссы, тебя тоже экипируем. А на этого не смотри. Он всё одно не жилец был, возись только с ним. И так в амбулаторном народе полно. А эти не столько навоевали, сколько наломали и нагадили. Прибирайся после них! Боцман рвёт и мечет! Всё, короче – погнались! А то знаешь, ещё сколько по отсекам побегать придётся за «безбилетниками».

И побегали!

На него напялили бронник, каску, сунули в руки «калаш» с вполне серьёзным: «Это тебе на мало ли что, но с предохранителя не снимай. Потому что мы идём впереди, “компостируем билеты” и ловим “зайцев”, а ты лишь направляешь в своей кухне: где тупичок-выгородка, где трапик, где лаз, где обойти можно, где стрелять – лучше не стрелять, чтобы пуля-дура какой-нибудь трубопровод не повредила».

Морпехи двигались выученно по схеме: один – вперёд, другой – прикрывает, прислушиваясь, высматривая через мушки прицелов, перешагивая через комингсы, с яруса на ярус по трапам, методично заглядывая за выгородки, трубопроводы. Проверив, задраивали люки-двери в тупиковые помещения и отсеки, дисциплинированно фиксируя ручки кремальер одноразовыми пластиковыми стяжками (целостность этих хомутов говорила, что отсек «чист»).

Но пёрли активно. Привычные к тяжести экипировки, они словно не знали усталости. А он умаялся, потев под бронником, вскоре вообще закинув автомат за спину, и даже расслабился на предмет опасности. И словил новый адреналин, не заметив, как сержант уже, видимо, секунды назад вскинул предупреждающе кулак, и все замерли, кроме него.

Морпехи отрабатывали свою программу, кинув за дверь светозумовую гранату, с пальбой, криками и прочим. А он, неожиданно получив слегка по сетчатке и перепонкам, плюхнулся... но вскочил быстро.

Отмаргиваясь, подметил, что эти чужаки попались какие-то не такие, не похожие по повадкам на спецвойск.

Парни легко уложили несколько человек на пол, б'уцкая ногами и автоматами, ворочая деморализованных словно телков, заводя руки за спину, сноровисто хомутая пластиковыми стяжками.

– Ну чего, чего? Смотри за коридором! – грызнул ему сержант, занятый своим.

Огляделся – коридор пустой, тусклый от всего-то пары плафонов: один непрактично утоплен за навесными ящиками рубильников, второй светил в конце у провала трапа на следующий ярус вниз.

«Спокойно вроде! Какого только хрена люк настезь?» Но «калаш» потянул. Путаясь с ремнём, отвлёкся, краем глаза отмечая, как блымнуло освещение. И вдруг понял, что кто-то метнулся мимо лампы, на секунду закрыв свет. Снова вскинул голову и встретился с перепуганными бельмами негра. Чёрная фигура замерла на миг и тут же рванула к трапу.

«Чёрт! А там подбашенные отделения и погреба боезапаса!» Бросился вслед, уже на ходу справляясь с зацепившимся ременным карабином. Ствол вперёд, а чужак уже сиганул вниз. Два прыжка к люку, но увидел только сверкнувший бритый затылок – негритос вполне себе по-моряцки съехал на одних руках по полированным поручням и тут же рванул дальше. «Ну, точно “заяц”, чёрный, мля!»

Сам, чертыхаясь – автомат мешал, всё же снова его за спину и также аврально скользнул вниз. Рисковал, но какой-то автоматической цепкостью подмечая, что противник в руках ничего явно стреляющего не держал, самоуверился: «Справлюсь». Не исключая, конечно, возможности нарваться на пистолет или нож.

А внизу была картина «Приплыли!», точнее для америкоса – «приплыл». Он остервенело дёргал ручку кремальеры, которая имела лишь короткий ход, но дальше не поддавалась. По идее, она не должна была иметь люфт, но видимо, кто-то зафиксировал или подпёр чем-то задраенную дверь изнутри.

Казалось, что лицо негра даже побледнело, когда тот медленно обернулся, выкатив свои глаза на дуло автомата. Что-то забормотал, шевеля шлёпками губ, даже не просящее, а скорей безнадежное: «Ам сэйлр, нот дельта»^[73]. Но тут в динамике внутрикорабельной связи зашуршало, потом басовито с лёгкой хрипотцой помехи офиговающе зазвучало:

– Граждане бандиты! С вами говорит командир корабля «Пётр Великий» капитан первого ранга Николай Терентьев!..

...и далее на английском...

И судя по тому, как погода расслабился афроамерикос, практически плюхнувшись на задницу с выставленными вперед руками, предлагали сдаваться, с гарантиями жизни, естественно.

* * *

– Они отвернули!

Терентьев кивнул, черкая в блокноте обращение-ультиматум к «окопавшимся» на корабле чужакам. В голове крутилась всякая хрень типа жегловского «я сказал, Горбатый». А ведь и надо было сказать веско, чтоб прониклись и поняли – иного варианта, кроме сдачи, не существует.

– Кто отвернул?

Штурман видел, что командир путается в своих бумажках, едва ли расслышав последний доклад радиометристов.

– Судя по параметрам (скорость, высота, отражённый сигнал), это скорей всего вертолёты. Точнее, группа вертолётот. Жирная блямба, а значит, идут кучно.

– Что ещё?

– Докладываю по важности! Экспресс-допрос первых пленных (а среди них есть просто моряки, и те особо не упрямылись в ответах) говорит о том, что янки оперируют с аргентинской базы при поддержке своего вертолётотосца. Это согласуется с данными по допросу наших прикомандированных аргентинцев.

– Кстати, что они говорят?

– Особист не выудил у них ничего значимого.

– Особист? Оклемался наконец? – недовольно буркнул Терентьев. – И что аргентинцы?

– Они упоминали разговоры-слухи по своему штабу. Всё о том же вертолётотосце в перуанских водах, но с конкретикой – «Тарава».

– Тэ-экс! – Терентьев склонился над оперативной картой, вышагивая по ней циркуль-измерителем.

Глядя на его манипуляции, штурман высказал свою версию:

– Думаю, что не получив подтверждения о захвате или повреждении крейсера, группа поддержки, а это вероятней всего морские пехотинцы с «Таравы», получила приказ возвращаться.

Терентьев задумчиво кивнул, соглашаясь:

– Вопрос – использовали они аргентинский Рио-Гранде как аэродром подскока или действуют непосредственно с корабля? Какова дальность их

десантных транспортников?

– По-моему, шестьсот, семьсот максимум, не больше.

– Верно. А им, если что, ещё надо вернуться... Значит, «Тарава» вполне может крутиться на трёхстах, трёхстах пятидесяти километров в удалении от нас. С эскортом и наверняка ПЛ, а то и с двумя!

«А подлодка американцев должна подобраться ближе. Согласно непреложной тактической логике. Авантюра с захватом не выгорела. Вопрос – решатся ли они на удар?»

– Радиометристы ловят кодированные переговоры с западных пеленгов. Интенсивность возросла, – согласился штурман.

– Значит?

– Да развернуться и уходить на ост...

Терентьев слегка поколебался – слишком просто, но дал согласие:

– Командуй! – Сам вернулся к своему блокноту.

«Так или иначе, надо поторопиться с чисткой на корабле от чужаков, а по общекорабельной обязательно упомянуть, что brave пиндосские морпехи с “Таравы” им уже не помогут. Помощи ждать неоткуда».

Терентьев, наскоро поправив текст, взял гарнитуру внутрикорабельной связи.

Почему-то не оставляло желание начать с перла из «Места встречи...». И вдруг он понял, что так и надо! Что если где-нибудь в машинном сидят забаррикадировавшиеся парни, не знающие, что происходит на корабле, и куда добрался противник, а по «громкой» станет звучать английская речь... могут подумать всякое, вплоть до захваченного ГКП...

Поэтому и начал, невольно подражая голосу актёра-певца, внутренне удовлетворяясь на вытянувшуюся от услышанного рожу штурмана:

– Граждане бандиты! С вами...

* * *

Что удивительно, первыми начали сдаваться именно «дельтовцы». А может, как раз вполне логично. Потому что именно они наиболее трезво оценили и осмыслили такие факторы, как свои потери при abordage, не выполненные задачи и лимиты времени. Лимиты времени, которые уже истекли, а нужный сигнал не отправлен, обрывая дальнейшее плановое развитие операции. Да и в логике им не откажешь – если всё пошло наперекосяк, никто очертя голову не кинется на боеспособный крейсер, с гарантией получить зенитную ракету или ещё какой пушечный трассер в

брюхо десантного вертолѐта. А то, что корабль русских начинѐн огрызающейсѧ ствольнo-ракетной машинерией, им было известно, практически досконально доведено и изучено.

Не все, конечно, вскинули лапки кверху. Что ни говори о целесообразности англосакской породы, в профессию убивать не всегда идут самые адекватные личности. И пусть холодный газофреонный душ поумерил у некоторых пыл, нашлись упѐртые, ради которых пришлось разменять жизнь на жизнь.

* * *

Стемнело окончательно. По серому, сливающемуся с ночью силуѐту корабля загуляли десятки светлячков. Помимо зачистки в недрах крейсера, парные группы матросов производили досмотр снаружи, в том числе и на предмет повреждений после абордажа, высвечивая фонариками все закоулки на палубе и надстройках. Сильный ветер и обледенение создавали серьёзные трудности для перемещений, особенно по верхотуре. Там неторопливо, но с цепкостью мух ползали по мостикам и скоб-трапам фок-мачты эртэсники, посланные осмотреть повреждённую обстрелом антенну РЛС «Подкат».

Мощно пыхнул широкий луч, осветивший вертолѐтную площадку, но всего минуты на три – боцман, решив, что на корме слишком много чего произошло и под светом ручных фонарей всего не разглядишь, приказал врубить прожектор. И многим поплохело от увиденного.

– Найдите тела наших ребят, – распорядился боцман, сам невольно сглатывая тягучую слюну внезапного приступа изжоги, – и нахрен всё смыть брандспойтами.

И сетовал, глядя на покорѐженное палубное покрытие, искромсанные осколками ящики с электровыключателями на срезе у ПУ «кинжала», даже дебелие тумбы кнехтов торчали, словно покусанные.

– Аккуратней нельзя было, что ли? По настильной, впритирочку!!!

Однако, придирчиво осмотрев крышки пусковых модулей, отметил, что досталось лишь крайнему люку, деформировав крепления и сдвинув его слегка в сторону.

Он уже послал людей закрыть временными щитами проѐмы окон на ходовом мостике. До утра. А там уже можно приводить в порядок основательно, вымести битое стекло и прочий мусор, восстановить испорченное оборудование.

«Разгребать-то сколько! Работы не на один день. Только тут: заделать дыры на палубе, на ночь хотя бы наскоро наклепать листы – воспрепятствовать проникновению воды, если заштормит. Восстановить леера, но это уже мелочи. Обязательно выправить крышку модуля и проверить работоспособность. Теперь пойти позвонить – доложиться на ГКП».

* * *

– Никаких «временных», никаких планов доделки на потом! Может стать, завтра у нас не будет на это времени! – В конце Терентьев почти пролаял в трубку, увидев, что ему указали на вторую линию. – Кто там?

– Начальник РТС.

Брюзжание боцмана слегка вывело из себя. Хотя понять его можно – это ему теперь рулить наведением порядка во всём этом бытовом кавардаке.

Выдохнув, успокаиваясь, Терентьев взял трубку:

– Жалуйся!

В другой раз он сказал бы «слушаю», но пессимизм мичмана, видимо, оставил борозду в тщательно сохраняемой невозмутимости.

На том конце хмыкнуло, но без особого энтузиазма:

– Не знаю, чем там они долбанули...

– «Стингером», – тут же вставил Терентьев.

– ...но легло удачно – били снизу, удар приняла на себя площадка «Подката». Видимо, брызнуло шрапнелью – посеколо защитные колпаки АП РЭБ, где помяло, где пробило. Надо будет протестировать. Я, конечно, залепил отверстия от влаги...

– Чем?

– Скотчем. А с рассветом, когда там покомфортней будет, уже основательно подлатаем.

– Вот чёрт! – хотел было возмутиться этой кустарщиной, но вспомнил, что у эрэсников был какой-то навороченный скотч, который лепился и на мокрую поверхность. Не стал он и настаивать на обязательном и капитальном ремонте, понимая, что тут иное дело – на ветру, при обледенении, в контрасте ночи и фонарей, ребята могут накосячить или свалиться сдуру вниз.

– Погоди, а «Подкат»?

– Дырень в решётке. Но в целом на вид ремонтпригодна. Навскидку:

замена фидера, разъёмов, самая задница – привод, вся подвижная часть однозначно накрылась. Если ЗИПов не комплект – в этом секторе у нас будет брешь.

– Надо, Вовчик!

– Да я понимаю... Давай так, мы сейчас прозвоним систему здесь на периферии. Если всё нормально, сбросим на «информационный». А с железяками всё-таки придётся с утра – там демонтаж однозначно. И с эмпэшками то же самое, но чуть погодя.

– Добро!

Положив трубку, Терентьев уставился в одну точку невидящим взглядом. «Что ж это за подлость жизни такая? Ведь почти предупредили, и подозрения назрели, и не у меня одного. Вот оно – лежало на поверхности, и один чёрт прошляпили... бездарно. Прошляпил лично я. Моя вина. Но почему?»

И сам себе отвечая, неосознанно цеплялся за оправдания. «Да потому что никак не верилось, что аргентинцы осмелятся на такое. И даже про бриттов – и в мыслях не было! Но чтобы американцы? Вот и схлопотали личное “22 июня сорок первого”. Не получается всегда быть умным, продуманным».

Терентьев устало потёр виски, в который раз подходя к карте. Что-то ему всё же не нравилось в предложенном штурманом восточном направлении. Пока и сам не понимал – что.

«С одной стороны – всё логично. Но́сятся они там со своим “Таравой” и наверняка субмариной, мы и отвернули. Но с таким же успехом и в Атлантике и в Индийском океане у американцев могут шнырять американские целые АУГи. И подлодки. И англы вкуче. Вот именно – англы. Абордаж был под маской САС. Решатся ли штатовцы в открытую переть на советский корабль? Ведь СССР – это не Эрэфия. Зассут или нет? А что, могут? А выставят ПЛ-завесу, закидают торпедами, а бриты заявят, что, дескать, это они. Нет! Всё-таки надо прорываться домой Тихим океаном. А то, что там, на “перекрёстке” американе, так мы ничё, мы мирный советский трактор, без “габаритов” со второстепененки – здравствуй, ДТП. Если сунутся, конечно. Всё – решено! Согласовать генеральный курс со штурманом, разворот и выпускать вертолёты – подлодку кровь из носу, но обнаружить».

Штурман вышел. Сказали, на пять минут. Не стал дожидаться, коротко раздал приказы.

Поймал себя на том, что выискивает взглядом экран, который

показывал картинку с видеокамеры, направленной на корму. Хотя прекрасно понимал, что вряд ли что-то разглядит в темноте. Однако боцман периодически втыкал прожектора, прорезая ночь срывающимися капли дождя снопом света. И на экране появлялось какое-то смещение белого, косо мелькающих метеоров капель и контрастных вытянутых теней.

«Это ж камера, которую завалило набок», – вспомнил, ни черта не разобрав, Терентьев.

Однако луч продолжал медленно ползти, и автофокус видеокамеры выдавал более корректное изображение.

«Да нет! Её, видимо, уже поправили – изображение правильное! Ох, далеко не правильное».

Привычный и знаковый вид на корму портили непонятные пятна и обломки на палубе, матросы боцкоманды перемещали какие-то ящики, листы настила, катили бухты пожарных шлангов.

«Ну да! Боцман говорил, что собирается смыть все фрагменты тел и кровь брандспойтами!» Камера хоть и была широкоугольная, но не захватывала всю палубу до противоположного борта, где лежали морпехи и их командир. «Мичман заверил, что всех кого могли – нашли».

Мысли о людских потерях отзывались какой-то звенящей пустой в голове. Захотелось кофе, крепкого. Нет, крепче! Чего такого бы покрепче! И не томного коньку, а дурной и пьяной водки! Снова потёр виски.

«Сколько прошло времени? Час, полтора? Устал? С чего бы. Мешки не ворочал! Ну да! Другое! Какими критериями сравнивать физическую и моральную усталость? И сопоставить степень деградации состояния организма в том или ином случае? Разгрузил ты вагон или не один час бухгалтером корпел над бумажками, сводя дебет-кредет. Или, например, как за рулём вполне комфортного универсала, но на трассе километров в пятьсот-шестьсот. И все, кто в пассажирах, с удивлением: “А ты чё такой вымотанный?” Для них ты так – сидишь и сидишь, руками слегка сучишь по баранке и “ручке”. А не понимают, сколько тебя во внимании за дорогой, знаками, полосами движения, идиотами на встрече и прочим. Не понимают всей твоей ответственности и того, что жизни по сути свои доверили тебе. И пусть сейчас моя большая ответственность дробится на меньшие ответственности: штурманов или радиометристов, вплоть до каждого матроса в отдельности, всё одно остаётся при мне главной – личной и за всех».

Нос (точней, обоняние) жил своей жизнью – учуял запах кофе. И как в рекламе какой-то – нос повёлся, увлекая все мысли на аромат. «Надо же!

Неужели, пока думал, что-то ляпнул вслух, про кофе?»

– На, командир!

Дождавшись, когда Терентьев осторожно отхлебнёт обжигающего кофе и отставит чашку, штурман спросил про смену курса. Получив объяснения, в целом согласился:

– У нас «язык» есть, ценный. Может, удастся вытянуть из него чего, что прояснит намерения противника, – и пояснил: – Взяли одного цэрэушника!

– Особист доложил?

– Не. Прапор. Особист возмущался, что всё смыли из шлангов на корме. Не досмотрели, дескать, не обыскали...

– Умный, да? Где он был, когда Скопин «Конкерор» топил? – Терентьев чуть ли не залпом допил кофе, наверняка ещё горячий, но даже не поморщившись.

– Зря ты так, командир. Он сам попросил Пономарёва таблетками напичкать, чтоб в строю быть. Парень вроде правильный.

– У меня нет на корабле такой должности – «правильный парень», – отрезал Терентьев и передразнил: – «Досмотреть, обыскать». Вот он сам бы беленькие перчаточки натянул и пошёл фарш ворочать. Мичман говорил, что у него половина боцкоманды чуть не облевалась, пока палубу чистили. А нам сейчас «камовых» в работу. Так что боцман всё верно сделал.

* * *

Всё было готово: створки ангара, вертолётную площадку расчистили (в том числе и от вновь выросшей наледи), опустили «ловить рыбу» антенны УКВ, обеспечили подсветку.

После бойни наверху и беготни-пальбы в коридорах крейсера выбравшиеся из ангара технари наглядно увидели последствия этого всего, включая и потери среди своих. Поэтому «запрягали» сосредоточенно и молча, в другой бы ситуации при сходной погодной обстановке кто-нибудь обязательно ляпнул про «доброго хозяина» и «собаку со двора». Тем более понимали – им-то что, а вот летунам в эту муть лететь.

– Шквалит. Порывами, – перекрикивая свист турбин, совершенно излишне напутствовал командир полётной группы пилота, – едва оторвёшься, может подхватить и сдуть.

Тот, возясь с застёжкой аварийного надувного комбинезона, в ответ кивал молча, и сам всё видя, дескать «ничего страшного – доводилось и

в худших условиях».

* * *

Терентьев поднялся наверх «проветриться», не задерживаясь в полумраке ходовой рубки, вышел на правое крыло мостика.

Быстрый взгляд вперёд по ходу движения, вдохнув морскую влажность и минусы (градусов семь) воздуха.

Впереди серый нос корабля. Угадывается (скорей из-за знания, что это так) тёмно-бордовая краска палубы, с зацепившимися белыми снежными проплешинами – наледь. «Вот всегда так... что бы где ни произошло, ни случилось, сначала смотрю вперёд – что там дальше! А дальше у нас – океан, мрачный океан (это эмоции!), ночь проглядывается от силы метров на сто. И то – из-за белых хлопьев барашек на гребнях. А так – всё забивает мельтешня... дождь, снег? Чёрт, не пойми что! Словно белый радиопомеховый шум на экране. Что, несомненно, скажется на локации. “Тараву”-то, естественно, не прозееваем, а вот всплывёт какая тварь на перископ – не увидим».

С сигнального мостика вертолётная площадка цеплялась лишь краем. Как раз взлетел первый «камов», отваливая в сторону.

Погасил бортовые огни и тут же канул во тьму.

Терентьеву, когда он следил за движением на корме через камеру из ГКП, показалось, что боцман слишком увлёкся освещением. Но снаружи убедился, что любые навигационные огни наверняка рассеются в непогоде уже метров через триста-четырееста.

Если, конечно, не врубать прожектора. А вертолётчики ребята опытейшие. Посадка по системе «привод-В» отработана на пять с плюсом^[74]. И порадовался, что не успели «ободрать» слётанную авиагруппу в пользу проходящего ходовые «Нахимова».

«Или только будет проходить? Это если “здесь”. А “там”? Наступит ли оно теперь – это “там”? Так, Коля, давай-ка не будем себе забивать голову тараканьими жопками, как любит говорить Скопин». Вспомнив о старпоме, сразу почувствовал, как усталостью набрякли, потянулись вниз веки, опустились уголки рта, словно под ударным гравитационным птозом^[75]. «Надо обязательно наведаться в лазарет и узнать о потерях». Что-то там нехорошее краем уха услышал на ГКП о Скопине – ранение в голову и потеря глаза. Его даже передёрнуло, когда он попытался себе это

представить.

Слышал, как протарахтел второй «камов», удаляясь по правому траверзу.

Третья машина неожиданно навалилась хлюпаньем лопастей, весьма неторопливо, почти по-хулигански проходя вдоль борта мимо мостика, и Терентьев невольно помахал рукой, разглядев блеснувший шлем крутившего головой пилота. Видимо, у того в полётном задании был непосредственный курсовой сектор – вертолёт уходил строго вперёд по генеральному курсу крейсера.

«Пойду в лазарет, подбодрю раненых... хотя это лучше бы получилось у говоруна Скопина. Но если его так серьёзно зацепило... Нда-а! На мостике старпома я увижу не скоро. Эх, Андрюша, как же тебя угораздило?»

Кивнув вахтенному сигнальщику, Терентьев нырнул в дверь, двигая к лифту.

«А потом допросить цэрэушника. Даже если он мало что знает о планах “вашингтонских ястребов”, то и по косвенным факторам можно будет определить – насколько далеко готовы пойти янки. Вот тут к месту был бы прежний особист – опытный волчара и тонкий психолог. Но вместо него прислали дрища столичного, да ещё и с гонором».

Уже в лифте почувствовал перекладку руля – его плавно потянуло вбок, на стенку. Выпустив вертолёты, крейсер снова ложился на противоположные зигзаги.

Близость к медицинскому отсеку обозначилась издалека. Сначала в коридоре встретились два матроса.

«С перевязки, – подумал сразу, – судя по бинтам и слегка ошарашенному виду».

От парней пахнуло медицинскими препаратами, а вскоре он окунулся во все эти не совсем жалуемые им флюиды, подойдя к медблоку. В тамбуре махнул «вольно» двум подобравшимся при виде командира корабля морпехам и санитару, возившемуся со своим врачебным тревожным чемоданчиком.

– Старшина, Пономарёв там? – обратился к санитару Терентьев, кивнув на дверь в амбулаторию.

– Капитан в операционной, у него сейчас «тяжёлый»...

– Кто?

– Наши уже все по койкам, – санитар правильно понял обострённый интерес в вопросе и почти буднично пояснил: – Обезболены,

перебинтованы и уложены, трое под капельницей. А на операционном сейчас эти... из пленных. «Тяжёлых» сюда притащили, а «лёгких» идём на месте обработать.

Терентьев хотел спросить о потерях, колеблясь, снова ловя себя на желании отсрочки неприятных данных. Молчание длилось едва ли минуту, но принуждённо, что читалось и во взгляде санитары – дескать, «чего командир вытаращился и молчит?».

Найдя отговорку, что старшина может не знать всего, Терентьев лишь кивнул, открывая дверь. Не стал спрашивать, где лежит старпом, полагая, что укажут уже на месте, да и сам имел представление, где могут разместить легкораненных и не очень.

Невозмутимость старшины объяснимо укладывалась в общую обстановку в лазарете – никакой суеты, ни тем более аврала. Сразу нашёлся дежурный санитар, препроводивший его в изолятор, где находился старпом.

– Тута оне! – В его интонации повеяло чем-то старорежимным, ещё царским, словно к его благородию. – Лежачих развлекають.

Именно «развлекають», с этим мягким присвитом «ть» на конце!

Терентьев даже не взглянул на дежурного (намеренно ли тот кривляется или просто говор у него такой), так как в проёме открывшейся двери в изолятор увидел спину старшего помощника. Голова перебинтована по самые уши, может потому, тот и не услышал открываемую дверь.

Скопин делал то, что надо – взбадривал личный состав, да ещё и в самой удачной своей манере – балагурил.

– ...а я ей и говорю: ну, вот как? Как? И вроде он надёжно упрятан под черепной коробкой. И дыры в голове нету... кхе, тогда-то точно не было, – он со смешком, но осторожно прикоснулся к своим бинтам на голове. – Но как? Как вы – женщины, умудряетесь выносить мозг????!!

На последних словах слушатели уже округлили глаза на появившегося за спиной посетителя.

– А-а-а-а! Командир! – Скопин поворачивался к Терентьеву скованно и всем туловищем – видимо, крутить головой ему было больно. – А мы тут как лесорубы о бабах...

Повязка полностью закрывала один глаз, но второй смотрел не то чтобы озорно, а словно осоловев.

«Пьяный он, что ли? Потерять глаз это же... – Терентьев не нашёл, с чем сравнить, – неужели не осознаёт?»

– А мне вот, понимаешь, супостат голову пробил, да мозги слегка встряхнулись...

«Бог ты мой! Да ему, наверное, ничего не сказали доктора-врачи наши, чтоб психику не травмировать».

– ...Ты не думай, командир, я трезв. Это на меня так обезболики наширенные действуют, – Скопин изобразил вгоняемый шприц и тут же вскинул брови за спину Терентьеву. – О! Главврач!

Пономарёв шёл за командиром, о приходе которого доложил дежурный санитар, но в изоляторе в первую очередь вольно или невольно отвлёкся на профессиональные обязанности. Начал весьма властно со старпома:

– Сядь!

Достав из кармана халата ручку-фонарик, посветил на реакцию зрачков и коротко бросил санитару:

– Обезболивающее – только при сильных болях. – И уже Скопину: – А ты, если не хочешь залечь в лазарет надолго – живо в койку.

Затем уделил внимание ещё нескольким пациентам, бегло осмотрев и дав ещё пару указаний по перевязке.

Терентьев, глядя на это, чувствовал себя не на своём месте, деревянно осведомлялся о самочувствии у матросиков: «Как вы?», желая: «Давай держись!», получая вполне бодрые, а порой и с вымученной улыбкой ответы.

Пономарёв закончив, взглянул на Терентьева.

– Пойдём?

Прошли в кабинет. Сели. Наливать не стали. Настольная лампа дала вытянутые тени, подчеркнув круги под глазами, «прорезав» все морщинки.

– Устал?

– Заметно? Это от напряжения. Как «тяжёлые» пошли, сам понимаешь, время шло на секунды.

– Сколько у нас погибших?

– Всех, кто через мою епархию прошел, вон журнал – всё записано. Двое на операционном столе скончались. Одного уже мёртвого донесли. Ещё один очень «тяжёлый», и ничего не гарантирую. А тех, кого сразу в холодильник определили, тут уже не я. Я больше живыми, точнее полуживыми занимался. Но учёт наверняка вели. Ты смотри журнал, а я в душ. Как лимон выжатый.

– Погоди, а что со Скопиным? – спросил вдогон Терентьев.

– Голову я ему зашил... – Пономарёв пожал плечами.

– А глаз?

– Что «глаз»? Фингал у него на весь глаз.

– Он глаз потерял?

– С чего ты взял? У него контузия. При контузии бывает временное

косоглазие. Вот я ему и посоветовал пока перебинтовать один глаз, чтобы не двоилось. Вообще, по идее, при таком травмировании пластом лежат, а он колобродит.

Американцы

Сообщение в оперативном штабе на «Тараве» всё же приняли, короткое, условными символами, обозначающими успешную высадку. Но...

Спутниковую аппаратуру связи наскоро смонтировали прямо на мостике аргентинского транспорта, тут же раскрыв лепестки антенны, позволяя оператору непосредственно наблюдать за абордажем и... и сопереживать!

Несмотря на оптимистические планы и трезвый расчёт, шаткие вероятности трепетно держали напряжённые руки, ожидающие подтверждения на ключе передатчика. И когда командир отряда «Дельта» «капнул» по «коротковолновой» об успешной зачистке плацдарма, человекоретранслятор нетерпеливо послал «герцы» в эфир! И минутой позже понял, что ошибся, а ещё меньше чем за минуту, когда врубился «скорострельный кошмар» русского крейсера, сметающий вторую волну десанта, понял, что ошибся катастрофически. Прежде чем 30-мм снаряд «Кортика» разнёс рубку с паникующим оператором-связистом, сигнал всё же успел ещё раз «пискнуть», догнав уходящий за горизонт спутник.

* * *

– «Телеграмма» от британцев, сэр!

На мостике «Таравы» тесно. Помимо усиленной вахты – полный набор: командир корабля, помощник, дежурный и вахтенный офицеры, представители ЦРУ, «Дельты» и высокий чин (контр-адмирал) из штаба ВМФ США. Был ещё офицер со стороны англичан, который стоял чуть в стороне и держался чопорно. Ему платили тем же – просто не замечали.

– Их воздушная разведка... сообщают: «русский» держит тридцать узлов, курс на ост. Второй метки на радаре не наблюдают. Сэр! Британцы просят разъяснений.

Командир корабля вопросительно взглянул на контр-адмирала. Тот упрямо кивнул – неприятно заявлять о своих неудачах.

Командир также молча, одним кивком отдал распоряжение офицеру связи.

– И аргентинцам тоже, – тут же встрял цэрэушник, – мы обещали сразу предупредить Гальтиери, если миссия провалится.

Доселе молчавший британский офицер не выдержал и с интересом спросил:

– Гальтиери реально опасается, что русские станут мстить за предательство? Есть вероятность, что «Battlecruiser» нанесёт удар по аргентинским базам?

– Размечтался, – пробормотал командир корабля, а когда британец произнёс: «...а у них наверняка есть ракеты и с ядерными боеголовками...», вообще смерил джентльмена откровенно презрительным взглядом. – Я в уорентах застал «Кубинский ракетный кризис»^[76]. И даже тогда у русских хватило выдержки не наломать дров.

– Не забывайте, что наши парни действовали под личиной SAS, – напомнил контр-адмирал и указал на карту, – а если судить по курсу крейсера, русские могут как раз таки пройти своими дубинами по вашим порядкам.

Теперь настала очередь англичанина презрительно кривиться:

– Если ваши парни облажались с захватом корабля, – он старался при этом не смотреть в сторону «дельтовца», – то наверняка будут пленные, а значит, и будет известно, чьими силами была осуществлена попытка абордажа, – не удержавшись, слово «попытка» он слегка выделил.

– Сэр, – подал голос оператор связи, – британский «Нимрод». Сообщение: «Объект сменил курс. Генеральный курс зюйд-зюйд-вест».

Английский офицер сохранял невозмутимость, но в его глазах блеснуло нечто похожее на «что я вам говорил».

Контр-адмирал оторвался от карты, хмурясь, взглянул на командира корабля:

– Это практически в нашу сторону. Что собираетесь предпринять?

– Пока не приму вертолёт с десантом, курс менять не будем. Затем поднимемся северней, к оконечности материка – русские туда не сунутся. Там береговая авиация и флот, как Аргентины, которым они теперь доверять не могут, так и чилийцев. Только я не разделяю ваши опасения, что русские решатся нас преследовать. Самое вероятное, что они обогнут материк проливом Дрейка или по большой дуге Южным океаном, выйдут в Тихий и напрямик к себе во Владивосток.

– Это не самое выгодное для нас направление. Честно говоря, пошумев тут, в том числе и в радиоэфире, командование рассчитывало, что при

неудачном захвате они выберут поход через Индийский или Атлантику. Там бы их ждали более значимые силы. Но надеюсь, у команды «Бремертон» будет удачная охота...

– Если русский не возьмёт северней. Я, конечно, прикажу эскорту выйти на радиолокационный дозор, но два эсминца слишком дырявая завеса. А разрешение на атаку имеют только ПЛ.

– После попытки абордажа всё может измениться.

– Посмотрим, – почти неразборчиво пробубнил командир корабля, подумав: «И ни один высокопоставленный говнюк даже не заикнулся о возможности вытащить наших парней из русского плена».

Услышав доклад, что вертолёт на походе, почти с облегчением прервал разговор:

– Извините, сэр. Мне следует заняться своими обязанностями.

Крейсер

Порой некоторые наши мысли блуждают в голове долго, некоторые и всю жизнь. И только при потребности оформляются в предложения.

«А ведь вполне толково». Терентьев уже полчаса просматривал с ноутбука материалы, которые собрал особист. Всё это время он держал молодого офицера на ногах, из вредности.

«Надо же, а мы со Скопиным даже о такой подготовке к встрече с ЦК КПСС и не подумали. А тут раз – уже готовый фильм, с фотовставками, часа на четыре просмотра. История мира с 1982 года. Особое внимание уделено развалу СССР с продолжением. Понятно, что потом затаскают с опросами-допросами. Но наглядность видеохроники сразу производит впечатление». Терентьев, наконец, предложил лейтенанту присесть.

«И как нарыл столько инфы? Весьма подробная нарезка, а хронологические пробелы дополнил печатным и звуковым текстом от себя. Кропотливая работа. Хотя наверняка основное взято из корабельной фильмотеки, где помимо художественной развлекаловки полно пропагандистского и обучающего материала. Там у нас богато: история и перспективы флота, а также документалка про звериный оскал натовской военщины во всех этих ираках, ливиях, югославиях. Естественно, терроризм и алькайды. Понятно, что теперь тут всё пойдёт иначе, но тенденциозность-то сохраняется».

– Откуда столько материала?

– В основном – библиотека крейсера. Только документальный сериал «Холодная война» дал почти последовательную хронологию. Но были ещё источники... вплоть до смартфонов команды. Честно говоря, даже удивился, сколько полезной информации накачано у некоторых.

– Взламывали пароли?

– Да нет. Объяснял, для чего. В основном напрягались по интимной информации (девочки-жёны, шуры-муры), но ребята все с пониманием. Есть ещё интересный аспект. Мне помогали программисты и... в общем, процессоры имеют двойную память.

– Это что, шпионские происки разработчиков?

– Не в нашем случае. Но даже удалённую информацию можно восстановить. Например, наш главный штурман регулярно отслеживал

технические новинки и достижения в мире науки. Естественно, без технологического процесса – это лишь обёртка с названием, но как перспективы... знание, что это возможно, позволяет сразу идти в правильном направлении.

«Беда только в том, что тридцать лет слишком малый срок, – подумал Терентьев, – пока наши НИИ и ВПК что-то разработают и внедрят, Запад естественным путём войдёт в новое столетие, а азиатские корпорации насытят рынок той же самой дешёвой электроникой. С другой стороны, сейчас всё же не девятнадцатое столетие – в Союзе есть достойная производственная и научная база».

Особист продолжал:

– Побочно ещё насобиралась масса разношёрстной и второстепенной информации, которая при правильном подходе, анализе и внедрении могла бы принести неплохие деньги, – и добавил: – Стране.

Терентьев подметил эту паузу и с вопросом вскинул брови.

– Например, тенденции автомобильной моды и дизайна, а музыки в смартфонах столько, что интенсивно зава́ливать Запад можно лет десять, черпая на авторских правах кучу валюты.

«О! Дитя развитого капитализма. Помечтай. Там Советский Союз, а мы хорошо, если будем птичками в золотой клетке или останемся служить на нашей “коробочке”. Или этот честолубивый и предприимчивый поганец собрался на Запад свалить? – Терентьев было потеплел к особисту, оценив его работу, а тут снова подозрительно прищурился. – Да вроде непохоже. По ощущениям и логике не сходится. Но подобные мыслишки наверняка бродили, как одна из альтернатив. Или нет? Нет! – всё же решил для себя Терентьев. – Иначе бы этот цэрэушник по-другому смотрелся и смотрел бы после беседы с нашим “молодым да ранним” офицером особого отдела. Видимо, их всё же чему-то учат в их академиях».

На цэрэушника Терентьев взглянул почти мельком, даже вопросов не стал задавать. Джеймсбонд американской выпечки несомненно был хитрой бестией, судя по брошенному на Терентьева взгляду с тщательно скрываемым интересом. Но в целом изображал подавленность, был слегка помят, но то могли и морпехи при задержании. А вот на особиста зыркал весьма колюче и поёживаясь.

– Как тебе американец?

– Умный. Очень!

«Коротко и основательно. Молодец. Оценочка в точку!»

– Ты его прессанул?

– Не особо, – и словно доверительный порыв: – Да всё он понимает –

один дубасит, другой ладошкой поглаживает. Злой – добрый. А ещё он-то по-русски шпарит, но наверняка язык не родной, потому каждое слово контролирует... сложно его на интонациях поймать.

– В таком случае надо его помуржить, – Терентьев снова пожалел, что прежнего особиста перевели на другой корабль. «Теперь мне и этим заниматься. А я сейчас совершенно не готов, поспать бы пару часиков. А ведь цэрэушник может и не знать, до каких крайностей пойдут морячки флота США и какой эскорт, включая субмарины, придан “Тараве”».

– У тебя в подчинении сколько людей?

– Двое.

– Надо допросить... агента ЦРУ пока без конкретики, а вот морячков среди пленных... Я пришлю в помощь ещё пару толковых офицеров, они и обозначат задачу.

* * *

«Не дали нормально! – Терентьев машинально взглянул на часы. – Всего час десять поспал! Ревуна тревоги не услышал, и то хорошо».

– Иди, сейчас буду, – крикнул мнущемуся за дверью вестовому, быстро стал собираться.

На ГКП его ждали, не без нетерпения. Вахтенный и штурман тут же сдвинулись, уступив ему место у карты. Тут же – оператор-гидроакустик из экипажа Харебова торопливо отставил чашку кофе, доставая свой планшет. В сторонке стоял особист, который тоже явно намеревался что-то доложить, но увидев жест «погоди», уступил технарям.

– Говори, – обратился к вертолётчику Терентьев, безошибочно определив, кто принёс новости.

– Вот тут, – тот ткнул пальцем в карту, – наш борт сразу снарядили, озадачив на максимальную дистанцию. Но Харебов повёл ещё дальше, рассчитывая возвращаться на экономных полторы тысячах^[77]. Отмахали почти четыреста пятьдесят, зависли, антенну опустили – контакт практически сразу. Повисели, срисовали скорость, курс и назад.

– Вот, – встрял штурман, прочертив на карте линии. – «Нимрод», естественно, скинул им наш курс. Идут нам на пересечку. На полном ходу, иначе бортовая ГАС их так далеко бы не словила.

– А вы? – Терентьев снова взглянул на летуна.

– Да не хотели светиться на радарх. Сразу бы стало понятно, что засекли их ПЛ. Потому сначала километров семьдесят шли низко и лишь

потом подскочили. Но горючки хватило.

Терентьев кивнул, одобряя, и снова к штурману:

– Что ещё?

– Акустический контакт с другими субмаринами не установлен. А вот здесь, здесь и здесь – работа РЛС.

– Весьма растянута. «Тарава» с эскортом?

– Скорей всего.

Терентьев отыскал взглядом особиста. Подозвал.

– Удалось что-нибудь узнать?

– Есть кое-что. Один из матросов (их группу перебросили в Рио-Гранде самолётом из Норфолка) проговорился, что универсальный «Тарава» ещё в середине апреля вышел из Сан-Диего в сопровождении двух эсминцев.

– Ты его спрашивал конкретно? Откуда он знает про «Тараву»?

– Косвенно, – ответил на первый вопрос особист и пояснил: – Ненавязчиво обсуждали перспективы аргентинцев и помощь США бриттам. А знает, потому что у него кто-то там из фэмили служит торпедистом на эсминце типа «Спрюэнс» – один из эскорта «Таравы».

– В смысле из фэмили? Из семьи, родственник?

– Да не поймёшь. Мормоны какие-то. Секта. Они там типа братья все.

– Мармоны, мармоны... – вспоминал Терентьев, – они же вроде пацифисты? Ну да ладно. Пока всё сходится. А субмарина могла и по пути присоединиться. А почему так скептически?

– Цэрэушника особо за язык никто не тянул, а он сам подтвердил примерное количество сил американцев в данном секторе. Настораживает. Слишком просто.

– Н-н-да! Действительно, слишком просто, и есть угроза, что субмарина не одна!

– А эсминцы УРО что, не реальная угроза?

– Когда в бой вступают надводные корабли, в открытую – это уже война. А торпеда из-под воды... чья, кто? Поди разберись и докажи. А погоди, погоди... – Терентьев вдруг встрепнулся, снова обращаясь к карте, кладя ладонь на оконечность южного материка.

– А мы пройдем там, где лодке ой как будет неуютно из-за малых глубин и подводного течения^[78]. А? Ветер сейчас не особо... пройдем мы эту дробиловку довольно быстро.

– Береговая охрана Аргентины, Чили... – высказал сомнение штурман, – аргентинцы наверняка вообще сейчас на взводе.

– Я бы не отказался задать Гальтиери пару неприятных вопросов, но

поступим по-другому. Командуй поворот. – Терентьев даже заулыбался, подсчитывая что-то в уме, непроизвольно загибая пальцы. – И прикажите привести аргентинца, капитана де навио.^[79]

Аргентинца не было долго, целых полчаса. Крейсер за это время, набрав «полный практический», по-прежнему зигзагируя, успел намотать пятнадцать миль.

– Идём напрямиком на Ушуайя, – злорадно ухмылялся штурман, – если аргентинские разведчики просекут, ох и передрейдят там. Подумают, что мы им за подлость отплатить идём.

– «Нимрод» уж точно срисовал, – заметил вахтенный офицер, глянув на монитор РЛС, – у них рефлекс там, что ли – как что-то любопытное видят, так эшелон меняют.

Терентьев дул на чай и чуть не поперхнулся, когда появился аргентинец с сопровождением. Капитан де навио выглядел взъерошенным, на правой скуле у него наливалось багровое пятно.

– В чём дело?

– Не понимал, английский мой, видимо, плох. Думал, что на расстрел ведём, стал сопротивляться, – особист при этом смотрел вполне серьёзно, – так сержант ему всё доходчиво и без переводчика разъяснил.

Позади маячила крепкая фигура морпеха.

– И поделом, – злорадно пробурчал штурман, – осознаёт черноус, что «хунта» их сука.

– «Хунта» их так же кинула, как и нас, – спокойно сказал Терентьев.

– Думаешь, не знали?

– Не исключено, что имели приказ поглядывать-шпионить, но поверь, в такие планы рядовых офицеров не посвящают. Переводи, – это уже Забиркину, позвал аргентинца к карте. – Смотрите, капитан!

Штурман сунул командиру карандаш, чтобы тот не возил по карте пальцем.

– Это «Battlecruiser», то бишь – мы. Наш курс. Не надо так таращиться! Мы не в атаку идём на ваш Ушуайя. – Видя недоверие на смуглом лице, Терентьев снисходительно заверил: – Надо бы было, мы накрыли бы базу и с пятиста кэмэ. Смотрите же сюда! Через час мы будем в этой точке. Здесь вас может забрать вертолёт аргентинских ВВС.

Дождавшись, когда Забиркин переведёт, спросил:

– Поняли? Вам надо выйти по спецсвязи, хоть по открытому каналу, и запросить эвакуацию. Как вы будете убеждать своё начальство – это не моё дело. И не надо на меня так недоверчиво смотреть и искать какой-то

подвох. Я уверен, что вы не знали о подлых планах своих генералов. Лично к вам и вашим коллегам претензий мы не имеем.

Видя, что аргентинец всё ещё недоверчиво таращится то на него, то на переводчика, Терентьев тихо выматерился с добавкой «патриот, бля»:

– Нет, если вы хотите прокатиться с нами до Москвы, то будет вам и Лубянка, и КГБ, и Сибирь.

Слова «КГБ» и «Сибирь» аргентинец, видимо, хорошо знал, поэтому и без перевода энергично закивал, соглашаясь.

– Проконтролируйте, чтобы он ничего лишнего не ляпнул.

– А если за ними не прилетят? – набрался наглости спросить Забиркин.

– Не прилетят так не прилетят, – спокойно ответил Терентьев, видя, что ответ интересует также и остальных офицеров корабля. Дождавшись, когда аргентинца уведут, пояснил: – Американцы наверняка поддерживают радиокontakt с аргентинским штабом. Наш манёвр объясним, они лишь стянут кольцо блокады, но всё так же оставаясь мористее. А мы сбегим бывших союзников и рванём мимо оконечности материка. Там банка – подлодки туда не полезут. Чилийцы, конечно, развопятся, что мы в их территориальных водах, но стрелять не станут. Ну не навал же им на нашего «старика» совершать?!

* * *

Полчаса ожидания ответа и ещё 15 миль расстояния.

Ближе к берегу штун-ветер заметался, меняя направление, но имея средний вектор с северо-западных румбов, то бишь с материка, заметно гасил океанские валы. Волны измельчали, но продолжали остервенело клокотать пеной. Суша делилась своим теплом, сменив спорадические снежные заряды на постоянную нудную дождевую колючку.

Непроглядную, подвывающую ветром темень пронизывали лишь лучи РЛС и радиоволны сдержанных переговоров.

– Аргентинцы подтвердили вылет вертолёта.

– Спроси, какой модели будет вертолёт.

– «Пума», говорят, – после паузы ответил оператор.

Терентьев позвонил в медицинский блок:

– Пономарёв не занят? Можно его к трубке? – Не прождав и минуты, услышал тихое «да» капитана.

– У тебя раненые из чужаков есть... тяжёлые, безнадёжные? Дело в

том, что к нам пожалуют аргентинцы – эвакуировать своих на вертолёт. Вот я и подумал сбавить какую обузу.

– Есть. Четырёх можно отправить. Балласт. Одного так вообще всего ампутировать надо – не выходим в наших условиях, – всё так же спокойно ответил капитан, затем слегка оживился: – Но теперь повременю, чтобы не думали, что мы тут коновалы. Только мне их подготовить надо будет для транспортировки.

– погоди! Сейчас с аргентинцами переговорим, сколько они смогут взять на борт.

Ответ от аргентинцев пришёл быстро.

– Ты смотри – не хотят, – слегка удивился штурман, – позвонить Пономарёву, чтобы не заморачивался?

– Подождём.

Через десять минут аргентинцы согласились взять раненых.

– Говорю же, у них постоянный контакт с американцами. Те и ухватились за возможность вытащить хоть кого-то из своих.

Легли на три румба к западу. Аргентинский вертолёт вывели по радиопеленгу, при прямом контакте в эфире, для удобства обменявшись короткими позывными.

Ночная посадка «Ка-27» управляется навигационным комплексом «Привод-В». Для чужака на корме приглашающе включили подсветку.

– У нас накладка! «Камов» просится на посадку! Дозаправка.

– У них есть резерв?

Переговорив с пилотом, оператор подтвердил:

– Полчаса.

– Достаточно! Пусть кружит в ожидании.

И едва не случилось...

Как только наметились огни крейсера, пилот «Пумы» получил отличный ориентир, в том числе и по высоте. Теперь поверхность океана не давила неизвестностью из темноты. Аргентинца предупредили, что он выходит на траверз крейсера, и четырёхтонная машина с лёгким креном заложила крюк, чтобы вывести свою вертолётную глиссаду со стороны кормы. Огни корабля удалились, размазываясь на мокром остеклении вертолёта кривыми штрихами вибрации. Боясь упустить цель из виду, пилот уцепился в них глазами и лишь боковым зрением успел заметить мелькнувшего слева серого раскоряченного жука – вертолёт русских.

Аргентинец не шарахнулся в сторону только потому, что разминулись очень быстро.

Дальше с «Пумой» всё прошло успешно: касание, фиксация, погрузка, отмашка на взлёт. «Камов» только буквально навис неподалёку, и то ли парни не рассчитали с горючкой, то ли аварийные лампы так раздражали, но как только «аргентинец» отвалил в сторону, Ка-27 коршуном спикировал на площадку, побив все флотские рекорды на быстроту и точность посадки.

Теперь крейсеру – лево руля, ложась на юго-западные румбы, по линии штурманского карандаша на карте, черкнувшего кратчайший курс, мимо островов южной оконечности архипелага Огненная Земля и легендарного мыса Горн, нагло вторгаясь за невидимую на воде черту территориальных миль Чили.

* * *

Именно этот срезанный угол и обозначит следующие шаги русских. Для тех – заинтересованных. И выяснилось – чтобы подловить крейсер «красных» ударной атомной «Бремerton» (тип «Лос-Анджелес»), мало полагаться на техническое совершенство и вышколенные экипажи. В неменьшей степени что-то зависело и просто от удачи. А ситуация с эвакуацией аргентинцев вообще показалась хитрым финтом.

И не так уж всё было отшлифовано в возможностях локационной разведки и коммуникаций связи союзников. Где-то «Нимрод» недоглядел, где-то запоздала дешифровка и передача данных.

То, что «Battlecruiser» снова поднялся к северу, оперативный штаб на «Тараве» узнал, только когда аргентинцы их информировали о снятых с крейсера раненых американцах.

Одного взгляда на карту командиру «Таравы» хватило, чтобы понять: плевать русским на abordaj, и нет у них особого пиетета и тем более страха перед US NAVY! Пройдут под носом у «Таравы» с эсминцами, не взглянув в сторону чилийцев, прекрасно понимая, что никто не решится открыть огонь. А напоследок... эдакое проявление снисходительного благородства – пожурили аргентинцев: «ай-я-яй», отпустили их офицеров – словно недорослей одарив конфеткой, тем самым выставив Гальтиери подлецом перед своими же флотскими.

И даже в передачу раненых американцев на материк (по широте своей хвалёной русской души) сумели вложить какой-то эмоциональный смысл, и

кое у кого из присутствующих здесь – на мостике промелькнула в глазах симпатия к северным варварам. Да и сам оценил.

Крейсер

*Зачастую мозг непроизвольно загоняет
неприятные воспоминания на задворки памяти.*

Привычные звуки командного пункта тихим шелестом аппаратуры, систем вентиляции, каркающими обрывками команд и репетования проникали в него какими-то фрагментами, цепляясь за выступы и углы вбитого почти в инстинкт самоконтроля, оставляли след «всё нормально, всё штатно» и исчезали. То же самое и с приглушённым светом сквозь припущенные веки.

«Я как алюминиевый конструктор из советского детства: гайки, болтики, дырчатые сегменты. Мальчиковая фантазия накрутила цельную конструкцию, а глянешь – просвечивается, дунешь – сквозняк. В голове, – Терентьев слегка пошевелился в кресле, словно проверяя себя – где он находится. – Задремал, что ли?»

Усталость подкралась незаметно, не наваливаясь, а примостилась рядом, подло клоня в полудрёму. Бодрящие пономарёвские таблетки всегда на него действовали слабо, просил две, но педант-доктор отказал, впрочем – был в своём медицинском праве. «Догадывался, что сразу две и проглочу».

Зная, что штурман колдует с картой, поинтересовался, даже не глянув в его сторону:

- Сколько нам ещё до территориальных Чили?
 - При малых углах десять минут.
 - Чилийцы скоро вопить начнут.
 - Уже, – тут же подал голос дежурный офицер, – два на средних высотах – их разведчики.
 - Что говорят?
 - «Ваш курс ведёт к нарушению территориальности».
 - Попроси их маневрировать, чтобы избежать имитаций атаки.
- И снова нахохлился в своём кресле.

«Нифига не будет нам хорошо в старом Союзе. Все наши радужные воспоминания – это память прыткой юности и наивного детства. Быт окажется настолько серым, что выветрит всё ностальгическое у зрелых мужиков. А молодёжь-матросики уже всю воспитаны на чипсах, и это, чёрт побери, не аллегорический диагноз».

Вспомнил однажды привлёкшую рекламу в магазине: колбаса по ГОСТу Союза Советских....

Вот дума-а-ал: «Сейчас вкус “докторской” из детства! Ага! Ни цвета без красителей, ни вкуса без усилителей. Вот и будет – не аллегорический, а аллергический». И матом захотелось! И ещё раз позабористей!

«Да пёс с ней, с той колбасой! Интересно, а простые люди восьмидесятых: отзывчивые прохожие и душевные мужики в очереди к жёлтой пивной бочке – это случайно не миф, навеянный розовыми гормонами юности? В таком случае, если уж нас отфутболило на четверть века назад, почему бы и годков на молодость не отыграть? С сохранением знаний и опыта, естественно. Сколько навскидку сейчас мне было бы?! Неплохо! Хотя, если подобное омоложение в той же пропорции случилось бы, вон, например, с Забиркиным (матрос «сидел на радио» и как раз что-то «словил», привлекая внимание офицера), сейчас бы он беззубо пускал пузыри, едва ли справляясь с собственным энурезом».

– Что там?

– Мы его уже давно видим, – доложил вахтенный офицер, – судя по ЭПР^[80] – корвет или фрегат. Передают: «Вы нарушили государственную границу Республики Чили».

– Извинитесь.

– Что?

– Передайте им: «Извините!» Хотя – нет. Стоп! Слишком издевательски будет звучать. Что, они ещё там?

– Требуют немедленно покинуть их воды.

– Штурман, что у нас с курсом?

– По правому траверзу мыс Горн, на румбе – 270. По прямой примерно ещё сорок миль будем в чилийских водах.

– Вот и передайте: «Наш курс ведёт к выходу из территориальных вод Чили».

* * *

Контроль за крейсером постепенно слабел. Липкое внимание недоброжелателей отступало, словно грязная вода в соляровой бочке, маслянисто стекая вниз, цепляясь за стенки тягучими полосами-щупальцами.

Совершенно не утруждали себя чилийские патрульные самолёты, потихому слиняв, доверив слежку за «русскими» корвету ближней береговой

зоны. Корвет добросовестно болтался на волнах, сопровождая нарушителя, но только до нейтральных вод.

Довольно долго держали дистанцию американские корабли, но скорость «Петра» (даже несмотря на вынужденное противолодочное зигзагирование, отбравшее несколько миль на генеральном курсе) была выше, чем у их флагмана – «Таравы». Излучение навигационных РЛС американцев медленно смещалось с левого траверза на раковину, в конце концов, обозначилось строго по корме, постепенно отдаляясь.

Недолго продержался и британский «Нимрод», потерявшись на радаре, бодро умотав в сторону острова Сан-Феликс.

За ночь крейсер обогнул южную оконечность материка, встречая утро уже в Тихом океане.

С рассветом притащилась двойка чилийских «Канберр» в зелёной армейской раскраске. Нарезали полукруг, весьма близко и низко (на уровне антенн), так сказать, отметились сами и отметили для себя курсовой вектор русских. Убрались восвояси.

И наступила океанская глушь – ни самолета, ни посудины захудалой. Только волны, серые обрывки туч и ветер, который гонял всё это влагосодержащее беспокойствие с не меньшим усердием, чем и в Атлантике.

* * *

Русская поговорка о непростой связи человеческого разума с суточным циклом прекрасно работала и в южном полушарии, в такой несусветной дали от родных берёзок и осин. Утро оказалось (или казалось) мудреней вечера и тем более беспокойной ночи.

Для Терентьева – человека-жаворонка, утро внесло свежесть и ясность мыслей. Наверняка причиной этому было и то, что удалось поспать аж целых пять часов, «отбившись» за час до «утренней» вахты.

Вторпом^[81] посвоевольничал – обстановка была спокойной, и командира подняли чуть позже оговоренного срока.

Доклады вахтенного и от командиров БЧ происходили ожидаемо и почти буднично. Американцы ограничились только локационной слежкой, всё больше отдаляясь, затухая сигналом РЛС по корме.

На крейсере решались задачи по восстановлению боеспособности, наведения порядка и замене повреждённого. Несомненно, важная, но текучка: банили орудия, переваривали рубочные двери, латали дыры в

надстройках, вставляли остекление, много возни было на корме и, конечно, при устранении последствий обстрела из «Стингера».

Терентьев, поймав очередной взгляд на своём лице, наконец, догадался, мазнув по небритой щеке. Прихватив папку с отчётами, спустился к себе в каюту.

Стоя перед зеркалом, «конечно, не Штирлиц за растопкой камина», но заметил, что лучше думалось за бытовыми мелочами, типа бритья и прочими зубочистками, так вот, стоя перед зеркалом со станком в руке, наконец, подметил – отпустило. Впервые с момента переноса в прошлое не чувствовал давящей неопределённости.

«Чужая и совершенно не нужная война осталась позади. Где-то там позади остались и аргентинцы с подловатым Гальтиери, и британцы, которые, возможно, ещё попытаются что-либо предпринять, базируясь с Сан-Феликса, но вряд ли. Вряд ли. У них и без нас войны по горло. Есть ещё американцы. Сейчас с американцами нас связывает только факт участия их бойцов в abordage. Пусть под прикрытием англов... А ведь смотри как традиционно для островитян – опять чужими руками повоевали. Ха-ха! Но инициатива наверняка американская. Только вот их корабельная группа напроць пассивна, не послав ни самолёта, ни заикнувшись словом в эфире хотя бы о судьбе пленных. А ведь янки всегда заявляли о приоритете спасения своих! Неужели списали? Или будут решать вопрос дипломатическим путём? Или как раз сейчас их этот, как его – КНШ^[82] и строит свои коварные планы?»

Закончив бритьё, плеснул в лицо холодной водой, взбодрился, отфыркиваясь. Сразу привычно набрякли влагой мешки под глазами.

«Знакомый эффект – сейчас разглядятся. А с висков надо бы убрать – подзарос».

Это была не дань дисциплине и внешнему виду офицера флота, просто заросшие виски и волосы над ушами создавали ощущение захламлённости и своего рода нечистоты. Как и иная растительность на лице – борода и усы. Гипотетически он представлял мотивацию носителей этого волосяного «богатства», но всякие крошки при приёме пищи и впитываемый волосами терпкий табачный запах, вызывали неприятие.

Финишировал лосьоном, замечая, как настроение бесконтрольно ползёт вверх, что даже косило в сторону барного шкафа, с оценивающим прищуром на почато-запечатанную стеклянную «батарейку».

«Вот ведь свинство – имеем людские потери на корабле, а командира адреналинит и куражит, да ещё и с утра. Стыдно, товарищ командир». Снова вернулся к более важным вопросам: «Ну, так что там американцы?»

Планы, планы?! Абордаж явно показал один из вариантов, может быть даже скороспелой импровизации. Слишком откровенно и прямолинейно. Наглость? Да! Но нельзя сказать, что наглость американцев в проведении военной акции против боевого корабля СССР была беспрецедентна – за годы холодной войны прецедентов было достаточно, но... Но на что они решатся теперь? Ответ на этот вопрос в какой-то степени мог прояснить цэрэушник. Но много ли знает агент ЦРУ о проектах штабных адмиралов, и какие схемы рисуют по этим планам в Белом доме? Если и знает, то наверняка немного. И не стоит забывать, из какой он организации – вполне и вероятно вообще дезинформирован на случай... на подобный случай – пленения. А вот тут и вовсе запутаться можно... в шпионских играх. Тем более что особист заверял: “свободно идёт на контакт”. Но уж очень не понравился взгляд этого джеймсбонда! Действительно, умный, и с неприкрытым любопытством. Такого попробуй переиграй. Куда мне? Я на такое не учился. Это особист...»

Вестовой принёс парящую чашку свежесваренного кофе.

«А вот в кофе все же можно-с... коньячку-с!» Рука дрогнула, многовато бухнув (по Фрейду) из бутылки в чашку, и напиток горячил теперь во всех вкусовых приятностях.

«Ага, так что особист? А особист (во даёт!) мутит там со своими хитрыми приспособами – тестовые вопросы, а скрытая камера фиксирует мимику, вплоть до рефлексии зрачков. Всё подаётся на комп со спецпрограммой анализа. Творческий, однако, подход – практически незаметный детектор лжи! Ещё сетовал, что девайса у него специализированного нет с наладонниками, снимающими показания влажности. Потных ладошек. Серьёзенько».

Терентьев просмотрел отчёт по допросам пленных: красным подчёркнуты интересные места, но ничего существенного. Отдельные листы по цэрэушнику, с комментариями на полях. Вдумчиво перечитал. «Юлит! Что-то знает или цену набивает? Играть с ним – только время терять. А в итоге ещё и окажется, что тянули пустышку. Вон и в конце красным приписочка от особиста (кстати, что-то долго его нет): “Требуется перейти к допросу по категории...” и зачеркнул. Хм! Понятно, это их – чекистские штучки. Интересно, особист ему иголки под ногти вгонять будет, или у него что-то в препаратах есть? Вытянуть-то из американца, может, чего и вытянут, но это будут сухие, наверняка скудные факты, а мне нужны логические выкладки, предположения, даже фантазии, чёрт меня побери! Короче – сотрудничество».

В дверь каюты постучали.

«О! Наверняка особист пожаловал, – Терентьев с сомнением взглянул на листы с отчётами. – Пожалуй, со стратегией допроса решу на месте, проникнувшись настроениями уже, так сказать (ухмыльнулся), в “пыточной” особиста. А по пути с ним и обсудим – всё же это он учился на контрразведчика, на его профессиональное мнение и обопрёмся».

Неторопливо застегнул китель, потянулся за фуражкой. После секунды раздумий решил прихватить ноутбук.

Не наши

Рассвет всё же отметился, на секунды пробившись солнцем ни над, ни под, а где-то между полосой тумана-туч на горизонте, матово мазнув красным по мокрой палубе «Таравы», по настывшим за ночь «си кингам», нахохлившимся позади «острова» и двум AV-8^[83] вертикального взлёта – свеженьким, только что поднятым из ангара.

Всю ночь американское соединение следовало за русским крейсером. Эсминцы сопровождения уже основательно оторвались вперёд, контактируя с преследуемым на самом кончике дальности РЛС, стараясь и свой флагман без прикрытия не оставлять. Командир «Таравы» считал вообще тупостью ввязываться в морскую гонку за «Battlecruiser», но далёкое командование молчало. Промолчал и представитель штаба – контр-адмирал, видимо не имея других инструкций, после полуночи, не мудрствуя, отправившись спать. Затем, заметно поскучев, исчез цэрэушник. Самым стойким из гостей оказался британец, но пару раз клюнув носом, немного сдуся в своей чопорности, попросив показать выделенную ему каюту.

«А и пошли вы все...» – мысленно сплюнул шкипер и, расставив вахтенных, сам ушёл отдыхать.

И только утром штабные «латунные шляпы» закопошились – пошли запросы об обстановке, а следом посыпались директивы.

«Ленивые задницы! – Командир универсального десантного корабля, просто прикинув время начала рабочего дня по часовому поясу Ди-Си и Виргинии^[84], время на обсуждение и принятие решений, пришёл к выводу, что они преспокойно дрыхли, не торопясь выпили утренний кофе и уж потом стали шевелиться. И то вероятно, их подгоняли англичане, у которых утро, естественно, наступило раньше».

И именно англичанин (из толпившихся на мостке) первым и принимал

информацию от своих – из Нортвуда. Минутой позже приказ получил и контр-адмирал – «Тарава» с вооружением всё-таки отходит по лизингу Великобритании.

– Загоняйте «Харриеры» в ангар, у бриттов на них аппетиты! – приказал вахтенному командир. Поутру он намеревался отправить их в воздушное патрулирование и разведку, но ожидал новых вводных из штаба. Получил! А формулировка «корабль с вооружением» отписывала англичанам в том числе и все десять «вертикалок» на борту корабля.

«А ведь нам их подкинули буквально перед самым выходом из Сан-Диего. Наверняка всё планировалось заранее».

Провокации Вашингтона о возможности лизинга в пользу англичан в Буэнос-Айресе не забыли. Аргентинская разведка пыталась отследить перемещения американского соединения во главе с универсальным десантным кораблём, их контакты с англичанами. Но возможности, конечно, были ограничены.

Информация совершенно случайно поступила от агентства из самой Англии – британцы формировали экипаж. По оценке и после анализа было признано, что количество и специализация личного состава соответствуют экипажу корабля со спецификой «Таравы». Срочный запрос американскому послу и непосредственно в Вашингтон остался без внятного ответа, но в Буэнос-Айресе сделали правильные выводы – их кинули!

Роптание «по углам» среди флотских после истории с русским союзником, а затем совершенно нелепая потеря «Бельграно» побудили Гальтиери приказать активизировать военные действия. Глава хунты понимал, что только ряд успешных операций восстановят его рейтинг в глазах подчиненных. Что характерно, и британцы были уверены, что, уничтожив главные силы противника на море (крейсер и авианосец), теперь не имеют особых препятствий в своих планах отвоевать острова. Всё это привело к серьёзным стычкам в воздухе и на море. Обе стороны понесли значительные потери.

Надо сказать, что для аргентинцев давление на противника имело определённый тактический смысл, и даже стратегический – успеть нанести противнику наибольший урон, пока бритты не получили и не освоили (а на это нужно время) американскую военную технику. И успехи аргентинских военных в сравнении с реальной историей (несмотря на потерю авианосца) были существенными. Информация, полученная от русских с крейсера, была принята к сведению. Так, например, взрыватели на американских бомбах были доработаны – случаев несрабатывания было гораздо меньше,

и отделившиеся лишь испугом «в прошлой жизни» британские корабли теперь исправно горели, а кому-то повезло ещё меньше^[85].

Американцы снисходительно приняли информацию о потерях своих главных союзников, от их прямых и предсказуемых просьб лениво отмахнулись лишь слегка расширенным списком ленд-лизовой помощи.

Внимание Вашингтона было приковано к «Battlecruiser», вокруг которого закрутились военные, дипломатические и шпионские игры. Русские «проглотили» попытку захвата корабля. Не последовало никаких протестов и дипломатических нот. Осторожное прощупывание снова показывало – Кремль дремлет. Даже не так – шумиха в прессе, видимо, так надоела советским официальным лицам, что на любые вопросы, относящиеся к «скандальному кораблю», следовал раздражённый ответ «ноу коммент». Прослушка скрытых каналов связи комми и донесения агентов разведок пока лишь подтверждали официальную версию Советов.

* * *

Заседание начальников штабов проходило в закрытом режиме, но с расширенным составом – присутствовал кое-кто из политических советников президента, представители разведки и целый директор ЦРУ. Ну и сам президент, конечно. Обстановка в зале заседания была рабочей и даже в какой-то мере напряжённой. Обсуждались любые варианты, вплоть до повторной попытки захвата корабля, торпедного или ракетного удара с целью обездвижить крейсер с последующим ультиматумом.

Все были согласны, что любые запланированные провокации против «красных» кажутся детскими играми по сравнению с такой уникальной возможностью. Но, несмотря на то что у многих «ястребов» просто чесались руки, все понимали опасность прямой военной акции – теперь не прикроешься англичанами и близостью к зоне Фолклендского конфликта. Ко всему прочему, где-то там под ложечкой сосало здравомыслием и осторожностью от понимания нестандартности, неправильности всей ситуации – русских побаивались. Побоялись, как всё непредсказуемое, вспоминая одно известное выражение Бисмарка^[86].

– Прошу не забывать – у крейсера на борту ракеты с ядерными боеголовками. Это вообще может быть тщательно проработанной операцией.

– Поясните!

Все уставились на начальника штаба морских операций.

Адмирал подошёл к карте, где крейсер незатейливо был помечен красной звёздочкой:

– Вот его местоположение, пройденный маршрут, предполагаемый курс. Как видите, поднимаясь к экватору, он забирал пару румбов на «вест», но затем взял строго на Камчатку. Скоро он войдёт в зону патрульной авиации Чили, базирующейся на острове Пасхи, и чилийцы должны нас информировать. Как видите, весьма прямолинейно. Конечный пункт Петропавловск, а точнее Вилучинск, но... – адмирал сделал паузу, словно желая добиться бóльшего внимания, – как вы видите, на этой линии находится наша главная Тихоокеанская военная база!

– Ядерный удар по Пёрл-Харбору?!!! Но ведь это – война!!!

– С чего вы взяли? Кремль заявил, что корабль не их!

– Да мы этот крейсер зароем в ил!!!

– Несомненно! Вопрос когда – до и или после удара по Пёрл-Харбору. Экипаж – смертники, но это вполне в духе комми. Хотите сказать, что подобный крейсер дорогая игрушка, чтобы вот так им жертвовать? Отвечу – не дороже военной базы. Одной боеголовки хватит, чтобы на несколько лет вывести её из строя! Знаете, какая мне приходит аналогия? – И тут же ответил на свой риторический вопрос: – Офицеры парусного флота Её Величества под видом пиратов в не открытой войне против Испании!

Медленное, так нежелательно принимаемое понимание стало приходить в совещательные головы.

Председатель комитета, осторожно подбирая слова, протянул, запнувшись с формулировкой мысли:

– Объявляя «Battlecruiser» персоной нон грата...

– Совершенно верно, – продолжил за него адмирал, – объявляя «Battlecruiser» персоной нон грата, мы развязываем руки не только себе, но и ядерным боеголовкам на его борту.

Методы не меняются – увеличилась дубина.

– Стоп, стоп, стоп! – Высказываться можно было и сидя, но директор ЦРУ экспрессивно вскочил, сдвинув назад тяжёлое кресло. – Так мы далеко зайдём и в совершенно неправильном направлении!

Он потряс раскрытой папкой, обвёл ею по кругу, показывая, что перед каждым из присутствующих лежит подобный документ.

– Вот здесь у нас подробная хронология, факты, заявления и, главное, разведданные с аналитическими выкладками, в том числе и военных экспертов! Если вы ознакомились с содержанием, то должны были

заметить, что «русский» не выходил за рамки Морского права.

– Но...

– Если вы хотите что-то сказать о двухсотмильной зоне, которую ввели британцы и сами же её нарушили, с непонятными действиями «Конкерор», а затем и потоплением субмарины, а также атакой «Вулканов», то англичане сами признали, естественно, нам и приватно, что попались на удочку провокации аргентинцев.

Ядерная угроза всё же была пугалом, даже для тех, кто мог и внутренне был готов к таким радикальным решениям. Поддавшись воображению после предупреждения начальника штаба морских операций, почувствовав неприятный холодок в спине, люди частично устыдились своего липкого страха.

Отпустило – на лицах появились ироничные улыбки, глядя на паранойю адмирала. Кто-то в наказание своей минутной слабости накручивал себя воинственностью.

– Я бы всё же не отказался пощипать их, пока Кремль молчит.

– Русские долго запрягают...

Точку поставил Рейган, терпеливо молчавший, с каким-то злым прищуром разглядывающий на карте красную звезду – метку крейсера.

Рейган, являющийся на очередные американские четыре года президентства фасадом политики и государственного курса Соединённых Штатов, не мог не стать в актёрскую позу, произнеся:

– «Звезда смерти» должна быть уничтожена!

Знакомые с голливудскими закидонами Рейгана военные удержали на лицах невозмутимость, тем более тот сморщился в улыбке, блеснув керамикой зубов, дескать, «пошутил».

– Но, конечно, не будем выходить за уже установленные рамки.

– Что значит «установленные рамки»? – подался вперёд командующий корпусом морской пехоты – именно он ратовал за более радикальные действия.

– Это значит не доводить до открытого столкновения.

– Удар только из-под воды! – откидываясь в кресло, констатировал с разочарованием генерал, зыркнув на край стола, понимая, кто стоит за решениями президента.

Масштабы и планы

*И ночь всю и день весь —
Холодные ветры.
Замёрзли? Оденьтесь
И путь в километры.*

Тихий океан огромен. Это самый большой океан планеты. Воистину Великий океан! Только от южной оконечности Южной Америки, около берегов которой сейчас двигался «Пётр Великий», до упомянутого американским адмиралом Вилючинска, где притаилась база советских подводных лодок – 16 тысяч километров. Это в два раза больше, чем современная Россия от западных границ до Чукотки, омываемой холодными волнами Берингова пролива.

Примерно 7 тысяч километров (4350 миль) из этих 16 тысяч – расстояние от чилийского острова Пасхи до Гавайев и Пёрл-Харбора. А если провести прямую линию от того же Пасхи до Вьетнамских берегов, где в бухте Камрань базировалась (в планах) 17-я оперативная эскадра Тихоокеанского флота СССР – почти те же... 15 800 километров (9 800 морских миль).

«Петру» только до траверза Пасхи «топать» 4 000 километров (2 485 миль). При средней скорости корабля 28 узлов – это почти четверо суток.

Американцам, несмотря на расчёт отследить и словить крейсер на предсказуемом маршруте, следовало вести наблюдение за площадью более 32 000 км². И это только на северных румбах! Русские могли пройти Гавайи по правому траверзу (что легло основным пунктиром на карте загонщиков), могли по левому. Могли рвануть восточнее, пуганув силы Береговой охраны Калифорнии. Могли повернуть западнее к узкоглазым берегам. Выскочить к Владивостоку.

Последние два направления сочли маловероятными. Вьетнамское пристанище русских перекрывала американская база на Филиппинах – Субик-Бей, мористее остров Гуам (база ВМФ Апра). Что касается варианта тащиться, делая крюк к берегам континентальной Америки, то, как высказался начальника штаба морских операций, «если только побрякать ядерными головками, взяв на прицел Сан-Диего или Лос-Анджелес».

Раскинутая сеть подлодок была весьма, так сказать, крупноячейстой, но возможные прорехи в ПЛ-завесе компенсировались оперативностью космического и в первую очередь воздушного наблюдения. Надводными силами решили не особо светиться, даже грозу морей и океанов – авианосные группы держали в достаточном удалении, дескать, «нас там не было».

Из залива Сан-Диего медленно выползал авианосец «Форрестол» с приданным ему эскортом для контроля за подступами к побережью Калифорнии.

В полутора тысячах миль на северо-восток от Гавайских островов маневрировал только-только введённый в эксплуатацию стотонный «Карл Винсон» с авиагруппой в 90 единиц.

Ещё неделю назад состоялась плановая ротация военно-морских сил США в зоне Персидского залива, и теперь, пересекая Индийский океан, к Юго-Восточному региону Азии двигалась ударная группа авианосца «Констеллейшн». Многочисленные острова Малайского архипелага значительно затрудняли слежение за водной поверхностью, и его авиагруппой рассчитывали дополнить базовую авиацию с Субик-Бея.

С целью отвлечь главные силы Тихоокеанского флота СССР, две авианосные группы в районе Алеутских островов и советской Камчатки затеяли трёхнедельные учения. Чтобы окончательно расшевелить русских, американцы решили понаглеть: шесть самолётов А-7 «Корсар», взлетев с авианосцев «Энтерпрайз» и «Мидуэй», вторглись в воздушное пространство СССР и провели условное бомбометание по одному из необитаемых островов Курильской гряды^[87].

* * *

Сутки продолжали накручиваться стрелками хронометра, русский крейсер целенаправленно глотал морские мили, небесный океан «играл» температурами и влажностью, иногда милостиво открывая для объективов спутников прорехи в облаках и тумане, позволяя положить на стол оперативного штаба Тихоокеанского флота вполне качественные снимки.

Атмосферная шапка планеты на стыке тёплых экваториальных воздушных масс с холодным дыханием Антарктики была «непролазной» для оптического наблюдения. Чуть выше к экватору погода «гуляла» воздушными потоками, закручивая в спиралях тёплые и холодные фронты,

наслаивая их поверх и друг на друга, вынуждая бортовую автоматику сателлитов постоянно корректировать фильтры, чтобы пробивать серое «молоко» концентрированной влажности. А потом наступила вуайерическая благодать – ясное небо и на водной глади крейсер был как на ладони.

А ближе к вечеру эстафету наблюдения за «подопечным» взяли чилийцы, что позволило немного расслабиться. Можно потянуться, заказать кофе, закинуть ноги на стол и посмаковать напитки. Конечно, «ноги на стол» сказано не в прямом смысле, но часы показывали вечернее время, происходила смена операторов и вахт, потому было чертовски кстати, что крейсер ещё пару-тройку часов будет на радаре чилийского самолёта.

«Русский» и до этого не особо прятался, периодически шныряя лучами РЛС, что немедленно сканировалось приёмниками спутников, аккуратно ложилось метками координат на тактическом стенде и просто в журналах с отчётностью.

С приходом чилийского разведчика крейсер активизировал работу локатора. А через некоторое время так вообще буквально «расцвёл букетом» разнодиапазонных РЛС. Но кратковременно, не больше полуминуты! И ушёл в полное «радиомолчание». Что, впрочем, не мешало чилийскому разведчику «видеть» на радаре корабль, так как данные продолжали поступать на базу. Сан-Феликс ретранслировал полученное американцам.

Два часа прошли спокойно. Потом Сан-Феликс замолчал, объявив о каких-то неполадках. Чилийцы не сочли нужным отчитываться о том, что на самолёте-разведчике «потухла» вся электроника, намереваясь разобраться с проблемой после приземления машины. Бедолага-пилот заплутал без навигационных приборов и буквально по компасу (радиомаяку) сумел вывести машину к острову Пасхи, посадив в международном аэропорту Матавери. Чилийцы, кстати, и после, так и не поделились своей печалью.

Но в информационном центре оперативного штаба US NAVY не волновались – так и так, если «русский» сохраняет прежний ход, он уже должен выйти из зоны чилийцев.

Тем более не прошло и получаса, как крейсер подал «весточку» кратковременным облучением РЛС, тут же «срисованным» спутником. Внизу уже была непроглядная ночь – оптический режим, естественно, не действовали. Попытка засечь корабль в инфракрасном диапазоне не

удалась, но это было допустимо при некоторых термальных аномалиях связи воздух-поверхность.

Через некоторое время очередной спутник ещё раз «снял» знакомые параметры в дециметровом диапазоне, и оператор центра космических наблюдений по Тихоокеанскому региону исправно отпечатал доклад на терминале: «...объект идентифицирован по работе его РЛС в режиме облучения. Установлено изменение генерального курса объекта с 310° (северо-запад) ровно на норд. Иными средствами контакт не подтвердился».

До условной точки торпедного соприкосновения с кораблём растянутой цепи подлодок-охотников была ещё уйма времени и миль. Коррекция его курса лишь вынудила переориентировать отдельные ПЛ, вместе с тем не меняя общую конфигурацию полупетли охвата – «жертва» могла ещё несколько раз изменить направление.

А потом крейсер исчез!

То есть заметили это не сразу, а в течение целого часа спокойно обследовали сектор, прежде чем операторы «затрубили» о серьёзности проблемы.

Одномоментно лёгкая прелюдия операции – вальяжное наблюдение и сопровождение объекта сменилось напряжённой фазой поиска.

Принцип синтезирования апертуры позволял получать изображение в любое время суток, пробивая облака. Пролетая над нужным сектором, спутник «строчил» сканирующими импульсами каждые 11 секунд, чуть подбавляя коррекционными двигателями для удержания параболы на цель. Это был ещё не «век гугла» – пока шла обработка данных, спутник порой успевал уйти за горизонт.

Старший смены начинал считать мили-часы, втыкая циркуль в точку последнего контакта с кораблём, очерчивая круг – куда крейсер при своих максимальных узлах «мог уйти за час... О! Нет! Уже за полтора!»

Следующий «космический глаз» настраивали на более широкое «поле зрения», охватывая бóльший участок океана, жертвуя качеством изображения, что пока было не существенно – цель слишком «жирная утка», чтобы её не заметить! Но... но – нет!

«Нет» и в инфракрасном спектре – ни одного мало-мальски значимого пятнышка, а с каждой минутой зона поиска увеличивалась на километр, в радиусе!

И всякий раз (и не раз) возвращаясь (согласно логике) к координатной

привязке последнего контакта, эти в общем-то неглупые люди тем самым совершали одну и ту же ошибку.

Крейсер

А мозг это такая штука – крутая и быстроедействующая! Один искромётный взгляд, и мигом прыснули данные (нужные – не нужные) с анализом и просто на заметочку с зарубкой на будущее.

«Я русский бы выучил только за то...»

Беглый «русский» он получил от своих стариков, сменивших Царство Польское (в самый закат Российской империи) на эмиграцию^[88]. От родителей ему досталась старинная славянская фамилия Сколота, которую изменили на английский манер – Сколот. Польское имя Марчин жизнь тоже подправила. Мартин Сколот.

Его славянское полиглотство, как и аналитический ум, заинтересовали вербовщиков из управления, занимавшихся поиском подходящих людей в университетах страны.

Не нашли в нём откровенного великопольского негатива к руссам, который зачастую имелся у многих выходцев панского государства. Что тоже легко плюсом в его характеристику – работа разведчика предполагает холодную, не обремененную эмоциями голову.

Надо заметить, не было у него особого пиетета и по отношению к ценностям самой свободной страны в мире. Но этого не заметили под наносным илом патриотизма, даже после тысячных пунктов тестовых вопросников и расшифровок осциллографических линий полиграфа. Предложили перспективную и не скучную работу. Не отказался.

И ни разу не пожалел. Видимо, подкинули ему предки в смешении генных беспокойных макромолекул, добавив избытка пассивности.

Работа в ЦРУ позволяла чувствовать причастность к чему-то значимому, даже при составлении нудных аналитических отчётов, отделяя его от заурядности жизни рядовых американцев. А периодические вбросы адреналина красили жизнь другими, пусть не всегда яркими, но такими возбуждающими красками.

Всё их прикрытие и легенда о спецмиссии SAS посыпалась карточным домиком, видимо, после первых же блиц-допросов (собственно, как и вся силовая операция, на горечь амбициям «дельтовцев»). И первыми раскололись, конечно, морячки и технические специалисты. Голову бы

оторвать тем, кто обеспечивал секретность, но кто-то знал об участии в операции представителя агентства и всенепременно сдал – на первом же прессовании, злой русский офицер, торжественно обвиняя, ткнул пальцем ему в лицо: «ЦРУ».

Раскрасневшиеся, потные под своим камуфляжем русские солдаты выглядели свирепо, особенно сразу после боя и хомутания в плен. По коротким обрывкам фраз, обильно смазанных матом, он понял, что у них были потери. Поэтому стойчески принял тумачи и пинки берцами.

Вскоре морские пехотинцы русских стали растаскивать, рассортировывая пленных по разным помещениям, по каким-то неведомым признакам изолируя «дельтовцев» от простых морячков (хотя весь десант был обряжен в английскую камуфляжку).

Его затолкали в какой-то технический закуток, полный трубопроводов, манометров, прикрученных к стенкам ящиков, ящичков, и всё под одной тусклой лампой. В углу, пригорюнившись, сидели два морячка. Выяснилось – из Норфолка, оба слегка раненных.

Долго он с ними не задержался – ему оказали особое внимание, велел выходить, а затем, проведя по совершенно не запомнившимся коридорам и трапам, втокнули в отдельную каюту.

Если бы перед миссией специалисты по морской символике ему не объяснили на наглядных пособиях, сам бы он сразу чего-то особенного и не увидел. У этих русских на погонах, как и положено – звёзды. Нашивки на груди были похожи на такие, как и принято на флоте США. А вот кокарды на головных уборах попадались действительно – птичий царский герб и особо выпячивались шевроны с надписью «Россия», при отсутствии законных серпа и молота.

Словно русские, дав название крейсеру «Пётр Великий», нарочито обвешались символикой царской России, при этом перемешав всё с красными звёздами и обращением младших к офицеру по-уставному – «товарищ». Не империя, не Союз – гротеск и паноптикум!

Как маскировка это выглядело глупо – русские остаются русскими, даже если они рядятся под царских, императорских. Но как возможность запутать абсурдностью и сломать кому-то голову в попытках найти рациональное зерно – сработало.

В Пентагоне десятки аналитиков, специалистов разного профиля изучали фотографии и материалы, полученные через своих людей в Аргентине, сравнивали с имеющимися фактами, пытаясь подловить в мелочах и найти объяснения такому шагу.

А в ЦРУ, где давно велась работа по планомерному разложению советского общества, руководящих органов Советского Союза, не исключая военных, предположили, что их усилия принесли плоды. В сравнение шло происшествие с эсминцем «Сторожевой» в семьдесят пятом^[89]. По данной аналогии копнули дальше, вспоминая случай с командиром ПБПЛ «Смольный», и даже разворошили историю Кронштадтского антибольшевистского восстания моряков аж в 1921 году^[90]. А кто-то так и вовсе упомянул некоего Клэнси, беллетриста, который вёл активную консультативную переписку с военными, надумав любопытный сюжет для книги^[91].

Но на месте, то есть при непосредственном контакте всё оказалось ещё любопытней! Мартин Сколот, находя моменты для наблюдения, сделал вывод, что «что-то тут было не так»! На очередную странность, кстати, навёл один из тех морячков из Норфолка, колупнув краску с трубопровода ботинком. Объяснить ничего не успел (лязгнула кремальера, Мартину бросили короткое: «Гоу!»), но умудрился сунуть вдогонку кусочек отбившейся краски.

Потом он украдкой его рассмотрел, сначала вообще не поняв, что с этим сколом не так, но потом дошло: на изломе чётко были видны как минимум четыре слоя краски, слегка разных оттенков. Единственное, что пришло в голову – на новый корабль воткнули старую, уже использованную трубу!

Далее, топая коридорами-трапами где-то в глубине корабля в сопровождении морпехов, он, прислушиваясь к разговорам этих двух молодых конвойных, подмечал совершенно несвойственные советским реалиям нюансы. Честно говоря, он мало что разобрал из их коротких перебросов фразами, прекрасно понимая, что даже мат имеет свой контекст, но его поразили некоторые англоязычные сленговые словечки, принятые сейчас в Америке среди компьютерных пользователей.

А когда он, специально коверкая акцентом речь, что-то брякнул по компьютерной теме, ему рассмеялись в лицо, передразнив: «Ну, ты тупо-ой, пиндоса, мы, бля, тебе не совок, мы хуже, бля – россияне!», при этом «россияне» гнусаво и явно презрительно.

Всплыла ещё одна странность, которую он в скоротечности позабыл, а точнее оставил на потом: часы у него отобрали ещё в самом начале при первом обыске. Сержант (судя по нашивкам), примерив их на руку, обозвал новенькие навороченные швейцарские часы, специально разработанные для армии США, «крутым булжником, который опять придётся таскать и

на гражданке». А это ну никак не вписывалось в реалии Союза, зная тягу советских людей ко всему заграничному!!!!

Дальше время растянулось и сконцентрировалось в сплошную полосу допросов, пауз и вроде как разговоров, и снова допросов с тем цепким на взгляд офицером-контрразведчиком и ещё двумя помягче, судя по погонам, тоже офицерами.

Гоняли его вопросами по вполне предсказуемым темам. На данный момент их волновало все, что было связано с крейсером, и особо глобальных цэрэушных секретов не требовали. А за стенкой как бы случайно дубасили «дельтовца». Тот за переборкой орал-факал (прежде, чем скис), дескать, «Америка это так не оставит! Их спасут – высадят десант “дельта-морпехов” и прочих», и бла-бла-бла...

Невольно примеряя к себе эти смачные «хэк, хэк» по рёбрам, по почкам, там за переборкой, глядя в усталые и иногда, в общем-то, почти житейские глаза контрразведчика, чувствуя, как рефлексия почти одолевает здравый смысл, Мартин старался никоим образом не выдать паники, выцарапывая из памяти основные аксиомы психофизического тренажа по поведению агента в плену и...

И выкладывал всё, что знает, почти правду, умалчивая в деталях (как учили), оставляя уж совсем маленькие секреты, то ли для гонора, то ли вторя надеждам избитого «дельтовца», что их, конечно же, чёрт возьми, вытащат. А эти «маленькие секреты» окажутся хоть каким-то козырем, позволят хоть как-то держать ситуацию на контроле. Тем или иным образом.

А затем наступала благодатная пауза, с эдаким «ф-у-ух!», и можно было осмыслить и согласовать свои инстинкты с логикой. Потому что всё собранное по крупницам из пассивных наблюдений никак не укладывалось ни в одну из версий, обговариваемых в Лэнгли.

Это был пик противоречий. С одной стороны, ему хотелось, чтобы всё быстрее закончилось и его, наконец, оставили в покое, а с другой – только оставаясь в сфере интересов противника (как агент ЦРУ), он мог хоть что-то понять и разобраться в этом далеко, как виделось, нетривиальном деле.

Одной из причин повышенного интереса Центрального разведывательного управления к этой истории с крейсером стала любопытная информация, полученная от аргентинцев. В теме были портативные компьютеры, которыми непринуждённо пользовались русские офицеры.

Тот факт, что у русских в обиходе аппаратура, которая в Америке имеется только в перспективах (в плане архитектуры), уже само по себе

любопытно, но... Была подмечена одна немаловажная деталь – на клавиатуре кнопки несли и латиницу и русские буквы – кириллицу, а значит, разработка не чисто советская, а рассчитана и на англоязычного пользователя.

Второе уточнение – никакого собственного названия, типа там «Красный Октябрь» или «РотФронт». А вот на крышке аппарата – логотип в виде надкусанного яблока!

Первое, что предположили в ЦРУ – Советы, из-за отсталой технической базы в собственной стране, вливают деньги в высокие технологии за рубежом, как условие, получая приоритетные разработки. Либо вообще компания «Apple Inc.» является проектом КГБ на подставных лиц.

Подключили АНБ и ФБР. В считанные дни корпорацию «Apple» поставили «на уши»: перетрясли штаб-квартиру, исследовательские лаборатории, сборочные цеха, персонал, включая учредителей. В результате нечто похожее, что описывали аргентинцы, нашлось, но практически лишь в дизайнерских зарисовках.

Консультативные беседы со специалистами по компьютерной теме лишь усложнили версии парней из Лэнгли и окончательно запутали коллег из параллельных организаций.

А разбираться со всеми этим теперь надлежало ему – Мартину. Другое дело, что на данный момент он был не в своей власти, потеряв счёт времени, в монотонности, в стальной коробке каюты, где-то в недрах корабля, уставший до чёртиков.

Да и просто инстинктивная животная тяга влекла к «где помягче», против почти мазохистских потребностей разума в шпионских играх.

Но опять куда-то повели, коридорами, ярусами, трапами. По пути попались, протопав мимо в синих робах, хмурые, слегка любопытные – вахта, смена. Вот и время случайно узнал – 4:00.

В сопровождении те же два морпеха – осунувшиеся лица, самым осточертело, устали и из вредности на вопрос: «куда?», вяло зубоскаля, поугаили: «К утру как раз облысеешь».

Встречал словно издевательски чисто лысый тип в потёртой синей форме, морщил лоб, набрякши близорукими веками, в злобе своей старше лет на двадцать.

А ему (Мартину) настолько уже всё равно, что уже ничего не воспринимал, когда толкнули к двери, скорее переборочному люку – брутальному, с высоким комингсом, кремальерой и значком радиоактивной опасности.

Внутри очередного технического закутка полумрак одинокой лампы и техноад с жужжанием механизмов и утробными стуками, словно у старой паровой машины. Плевать! Веки уже смыкались. С деревянным оупением глядел на воду в пластике и дурацкое красное ведро. Вырубился мгновенно.

* * *

Особист, видимо, собирался сделать доклад, оттесняя вестового в дверях командирской каюты, но Терентьев отмахнулся:

– Там расскажешь! По пути... или в своих... – Настроение скакало вприпрыжку, но глядя на натянуто-серьёзного особиста, не стал подшучивать (не те отношения) про «пыточные».

Лейтенант ФСБ тут же вежливо отступил назад. В коридоре темнела фигура морпеха с оружием.

«О! А парень с охраной ходит», – усмехнулся Терентьев, и всё же не удержался с подколкой:

– Пошли, показывай, где расположил свою походную «лубянку»! У тебя там есть телефон, корабельная связь в порядке?

– Работает, конечно, – лейтенант назвал ярус и номер каюты.

Терентьев отпустил вестового:

– Иди на ГКП. Скажешь, где, если что, меня искать!

Шли минут десять молча. Лейтенант ожидал, когда командир начнёт задавать вопросы, а Терентьев видел, что идея с беседой по дороге была дурацкой – по трапам гремели башмаками друг за другом, да и в коридорах частенько было тесновато.

– Есть что интересное? – всё-таки при возможности спросил Терентьев.

– По опросам? Ничего особенного. Сержант «дельтовец» из себя полного дебила строил, да морячок с атомного крейсера «Лонг Бич», служил там... что-то по типу нашего дивизиона движения. И врёт наверняка – имеет звание выше, если с реакторами имел дело.

– А что, твой полиграф не работает?

– Скорее недополиграф – мало данных.

– Цэрэушника потрепали за ночь?

Особист так необычно вскинул взгляд:

– В смысле? Вы приказали его не трогать. Его даже толком не допрашивали после полуночи. Сами устали как черти. Но старшина трюмных подсказал. Местечко выделил. – Проход опять стал узким,

лейтенант выдвинулся вперёд, и ему приходилось говорить с командиром, бросая слова через плечо: – Поместили в каком-то техническом закутке у компрессорных реактора. Там за переборкой... панели ПЭ... или...

– ПЭМ, – подсказал Терентьев^[92].

– Так точно – ПЭМ! Задраили за ним дверь наглухо, но шумоизоляции там никакой! А за переборкой клапаны какие-то шипят и тумкают, да так, что не соскучишься.

– А-а-а! – понял Терентьев. «Там действительно не заснёшь. Помимо общего механического шума, приводы клапанов перемычек контура срабатывают с весьма характерным шипением и хлопком».

– Он там не загнулся?

– Матрос? – окликнул особист морпеха.

– Никак нет, не загнулся. Мы ему фрюлю, в смысле полторашку с водой на попить и ведро... так сказать, наоборот, дали. Утром постовой постучал по железу – что-то промычал в ответ.

Спустились по трапу на следующий ярус, почти пришли. Терентьев вдруг спросил:

– Фрюля – что-то знакомое?

– Это ж анекдот армейский ещё с советских был... – морпех (молодой парень) глуповато заулыбался, – про солдата с обрезком трубы и генерала...

– Что-то помню, а при чём тут ПЭТ-бутылка на полтора?

– Так она тоже того... когда пустая и без крышки – фрю-фрю! – снова сказал, ширясь лицом в улыбке.

Проходя в открытую дверь каюты, Терентьев мимоходом подмигнул морпеху:

– Предлагаю теперь пластиковую полторашку именовать исключительно фрюлей! Ёмко, коротко и не спутаешь ни с чем! А?

– Замётано, товарищ командир!

* * *

Русский кэп просто ошарашил... Нет! Сбил его разум с ног, порывом встав со своего места, поставив на стол перед ним компьютер-трансформер, ткнув клавишу на клавиатуре.

Мартин бегло оценил экстерьер аппарата, но главное было на экране! Несомненно, Нью-Йорк! Башни-близнецы, а следом совершенно дикая картина встречающих в здания самолётов. Обрушение, вопли за кадром,

пыль, люди, люди, комментарии. Фильм любительский и... натуральный. Не подделка.

– Что это?

– Это произошло... – русский капитан нажал на кнопку, останавливая ролик, произнося с едва заметной злой торжественностью, – произойдёт 11 сентября 2001 года. Группа террористов из организации Аль-Каида захватит управление рейсовыми пассажирскими самолётами и произведёт, как вы видели, таран зданий Всемирного торгового центра. Ещё один аэробус упадёт на Пентагон. Главным организатором акции считается некий Усама Бен Ладен, знакомое имя?

Мартин тупо уставился в замершую картинку, переваривая увиденное и услышанное. Дата и шокирующее видео словно не могли одновременно пролезть в ворота его восприятия. Точнее, мозг отказывался понимать и осмысливать данные факты. И Мартин пока переключился на маленькую «домашнюю заготовку» – один из вопросов, который надо было выяснить.

Теперь он лично убедился в правдивости аргентинской информации – клавиатура в большинстве англоязычная, но никаких «яблок» или других названий не углядел.

«Чёрт! А ведь ничего с утра шокирующего не предвещало, и допрос начался до занудства однообразно. Тот же стол и та же миниатюрная лампа на стойке, которую держали включённой едва ли минуту и выключили, оставив смотреть потухшим глазком почти в упор. Те же вопросы, только вот командир крейсера сидел в сторонке, любопытствуя».

Кстати, командир с самого начала был вежлив и корректен, представившись: званием, должностью и легкопроизносимой фамилией – Терентьев.

В допрос не вступал, откинув крышку своего портативного компьютера (аппарат был в чехле из кожзама, скрывшего ожидаемый логотип), периодически поглядывал в экран, порой чему-то улыбаясь, иногда сосредотачиваясь, щёлкал по клавишам, словно делая пометки на ответы Мартина. И совершенно не пытался из себя изобразить невозмутимого индейца, судя по блуждающей лёгкой улыбке, пребывал в хорошем расположении духа. Но когда Мартин осторожно попытался прощупать русских, сам задав вопрос о всей этой бутафории с царской символикой, этот с виду беспечный Терентьев изменился в лице, наконец жёстко вставив свои «два слова»:

– Вы не в том положении, чтобы задавать вопросы!

А затем словно приняв сомнительное решение, вскочил со своего стула, устроив ему короткий кинопоказ.

«Боже ж ты мой! Хотел ответы на вопросы – получи!» И даже мысли не возникло, что всё это неправда. «Как там у латинян: абсурдум... фак, не помню! В общем, слишком абсурдно, чтобы быть выдумкой^[93]! Матка боска! Русские научились путешествовать во времени, да ещё и такой здоровенной душой, как эта плавающая ракетная батарея! Теперь понятно, почему в Кремле от него открещиваются – они ни черта не знают! Всё сходится! И слои краски – корабль просто не новый, а уже походил, там, в своём столетии. Ну не пахнет от него новеньким “бьюиком” из автосалона! Уж теперь-то это бросалось в глаза. И эти ноутбуки! Всё верно – открывается, словно книга! И та серебристо-чёрная наклейка, втихую содранная с какого-то прибора аргентинским пилотом с “Агусты”. Теперь понятно, что те цифры (03.11.2012) над штрихкодом – дата.

А ведь было что-то ещё, о чём и он не знает! Иначе как объяснить факт почти неприкрытой агрессии по отношению к советскому кораблю силами флота и спецподразделений США?! И недаром в Лэнгли скоропостижно организовали новый секретный отдел, в недрах которого, кстати, безвозвратно исчезла та самая нелепая наклейка с сумасшедшей датой. И именно с их подачи проводилась поспешная и непроработанная операция по захвату крейсера. Ему-то теперь, так сказать, с изнанки, доподлинно видно, насколько опрометчиво.

Что, Мартин, получил ответы? Ответы, которые наплодили ещё массу вопросов! Когда он говорил, произойдёт этот ужасный кошмар в Нью-Йорке? В две тысячи первом? Округлая – через двадцать лет. Организатор Бен Ладен».

Он знал о контактах ЦРУ с Аль Каидой в Афганистане. И тут он, к своему стыду, задал, наверное, самый глупый вопрос в своей жизни:

– Так вы тут появились, чтобы предотвратить теракт в Нью-Йорке?

Терентьев расхохотался, едва ли не до слёз, но также резко остыв, многозначительно подтвердил:

– Хм! Вполне может стать, что и так.

А Мартина нагоняло логическое обоснование своей неожиданной догадки: «Мы подкармливали Аль Каиду в борьбе против экспансии Советов в Афганистане. Что же они натворили в СССР, если ТАКОЕ докатилось до США? Ведь неспроста они носят шевроны “Россия”! Ведь русские не сказали, зачем они здесь – в прошлом. Что они хотят изменить или предотвратить? Что у них произошло?»

И напрямую спросил, получив хмурый ответ:

– Да. И у нас много чего произошло. Ядерный паритет между

крупными державами сохраняется, но ни одна страна не застрахована от угрозы фанатиков с бомбами. Недаром борьба с терроризмом приняла международное значение, а Россия и США проводят совместные антитеррористические учения.

– Всё-таки Россия?

Командир корабля неопределённо махнул рукой, имея в виду будущее:

– Нет СССР, но есть Россия. Всё меняется, но что-то остаётся неизменным. Не знаю, что вам известно об истории СССР, но в своё время и погоны вернули в армию, на флот. И Сталин, когда было надо, восстановил церковь.

– Значит коммунисты?..

– Лишь одна из партий в парламенте, набирающая едва пять-десять процентов голосов. Демократия-с!

Мартину хотелось расспрашивать дальше и дальше, и не обязательно про политику и судьбу коммунистов – есть в мире тысячи разных тем для любопытного пытливого ума. Только вот что-то с этой саркастической «демократией-с» было невесело в тоне русского.

Вдруг стало смертельно тоскливо – не напоит ли он свою жажду знаний, да по самое горло, когда будет слишком много знать, чтобы оставлять в живых такого свидетеля?

«Если русские решат выдать пленных – он в их число не войдёт, теперь уж точно».

Так или иначе, информацию о новом секретном отделе в ЦРУ и той серебристо-чёрной наклейке «made in China» с датой из будущего он решил держать в секрете до последнего, как последний козырь, если припрёт.

* * *

Терентьев видел, как завис американец, и решил не давать ему времени для обдумываний:

– Понятие «Одиннадцатое сентября» станет нарицательным, а вот лишь малая часть, что было до, – увеличив на экране текстовый материал, стал зачитывать, – год восемьдесят девятый – над Сахарой взорван французский авиалайнер. Девяносто третий – взрыв в Нью-Йорке. Девяносто пятый – теракт на американской военной базе в Саудовской Аравии. Девяносто восьмой – взорвано посольство США в Кении. Девяносто девятый – взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске. В двухтысячном – теракт в Адене на эсминце US NAVY «Коул». По двум

случаям есть короткие видео – можете ознакомиться. Но там не так эффектно, как в Нью-Йорке.

– А можно ещё раз то посмотреть?

– Впечатлило? – с пониманием среагировал Терентьев, вспоминая, как сам тогда, будучи в сентябрьском отпуске, включил телик и минут пять всё думал, что смотрит отрывки из какого-то фильма.

Поставил ролик в очередность, повернул ноутбук, чтобы допрашиваемому было удобней смотреть. Сам, отойдя чуть в сторону, тихо сказал одному из помощников в группе контрразведки:

– Смотри за ним, чтобы не лез в ноут пальцами и не посмотрел ничего лишнего.

Затем кивнул особисту, приглашая за собой, и вышел из каюты.

В коридоре дежурил всё тот же морпех (что с фрюлей), и Терентьев с лейтенантом ФСБ отошли подальше от лишних ушей.

– Ну, что скажешь? По-моему он всё «скушал»... Или считаешь, что не следовало выкладывать нашу фантастическую тайну?

Особист было открыл рот ответить, но Терентьев говорил дальше:

– Возможно, я слишком многого жду от этого американца! Странно и то, что он слишком уж быстро поверил в невероятное. Но если в деле ЦРУ, значит... А что это может значить?

В этот раз лейтенант не нашелся, что ответить и Терентьев решил:

– В общем так! Продолжай гнуть ту же линию, дескать, у нас там, в будущем, с пиндосами мир, дружба, жвачка. Подбери видеоматериалы соответствующие... я на своём ноуте – так... на скорую руку накидал. А ты сделай паузу и подборку поосновательней подготовь. Только про развал Союза и сдачу всех позиций – молчок. Понимаешь, почему?

– Так точно.

– А то знаешь, по закону приключенческого жанра: злодеи (а злодеи для него мы) всё помпезно выкладывают, а джеймсбонд исхитрился, развязал руки и, угнав вертолёт, линяет с информационной бомбой к родным стритам и авеню.

– А что ему за главную версию выставить?

– Да что угодно! Арабы заложили под статуей Свободы атомную бомбу, например! – Терентьев усмехнулся. – Бабахнули и понеслось... типа мир чуть не скатился к глобальной войне и всё такое!

– Хорошо, – кивнул лейтенант и со скепсисом: – А мы навряд ли всем крейсером спасаем мир... фигача тут бриттов ракетами.

– Н-н-да! Такие обстоятельства. Что поделаться. Кстати, что там твой

детектор лжи?

Лейтенант скривился, стал выглядеть слегка виноватым.

– Понятно, – быстро констатировал Терентьев, – тягомотина это всё. Надо брать его за жабры и... – Не договорив, неожиданно двинул обратно в импровизированную допросную.

Стремительно вошёл в каюту, сел напротив американца, захлопнув ноутбук, хотя тот явно что-то не досмотрел.

– Я с тобой был откровенен, теперь ты расскажи, что в головах у вашего актёра-президента и ястребов из Пентагона? Только не говори, что «дельтовцы» тебя – цэрэушника, взяли просто за компанию, и ты ничего не знаешь. Совсем.

– Мы несколько в не равных позициях, – слегка отпрянув назад, цэрэушник быстро взял себя в руки.

– Ты забываешься... вы тут в гостях без приглашения. И уж поверь, любая следующая провокация со стороны военных под американским флагом – и ты первый пойдёшь под нож, – Терентьев хотел сказать это совершенно нейтральным тоном, но в конце прозвучало совсем уж зловеще.

Американец сохранил невозмутимое лицо, но заметно побледнел.

– Именно через агентурные каналы ЦРУ в Пентагоне получили достоверную информацию, что ваши военные (флот) получили приказ не предпринимать никаких действий до особого распоряжения. Космическая разведка подтвердила – корабли оставались на военных базах.

– А авиация?

– По-моему, была попытка воздушной разведки, но я не могу уверять.

– Агентурные каналы ЦРУ?

– Прослушка линий связи и донесения завербованных агентов, – медленно, словно выдавливая из себя, сказал цэрэушник и тут же бойко подкорректировал: – Только не спрашивайте меня их фамилии и должности. Я всё равно не знаю.

Терентьев только усмехнулся на эти терзания «рыцаря плаща и кинжала». Захотелось огорчить его, поведав, что там, в недалёком будущем, имена этих предателей (по крайней мере большинства) давно уже не секрет. Но пренебрёг бессмысленным откровением.

– Хорошо, – вкрадчиво давил Терентьев, – а что знаешь ты? Нет точной информации? Тебя не посвятили в детали и подоплёку? Хорошо – косвенные данные. Воспользуемся ресурсом твоего ума. Если ты сейчас промолчишь, а по нам завтра ракетой шандарахнут... мы-то отобьёмся, а вот я на тебя уже буду обижен. Ты должен понять... мы тут из будущего

неспроста. Так или иначе, будут решаться вопросы. Серьёзные. В том числе и вашим правительством. Только может статься, уже без тебя, Мартин.

– У военных тоже своя разведка, – тот почти рожал из себя мысли, – они фиксировали, что во время пролёта советского военного спутника связи у вас не было обмена сообщениями. На дипломатическом уровне – там совсем непонятно, почему комми так себя ведут. Это сейчас мне уже ясно...

– Не отвлекайся!

– В общем, не знаю, к каким выводам пришли в Пентагоне, но совокупно всё привело к такому решению.

– И теперь?

– Что теперь?

– Миссия провалилась, какие шаги они предпримут?

– Не представляю. Ждали, что всё решится одной решительной операцией. А сейчас даже не знаю, что предположить. Могу только вот...

– Что?

– Когда в СМИ поднялась истерика о «красном пирате», я слышат от наших моряков (по секрету), что у них был приказ при случае испытать на вашем крейсере новые американские торпеды.

– Бля...

* * *

Когда спешишь, все переходы и коридоры кажутся особенно длинными. На командный пункт, в отличие от рубки, идти было лучше во всех отношениях – и ближе, и не карабкаться по трапам на верхние ярусы. И штурман должен быть там.

Штурмана на ГКП не оказалось – приказал найти. Быстро глянув на прокладку, распорядился на руле взять два румба вправо и нервно вышагивал в ожидании.

Пока спускался на ГКП, нос словил дурманящие запахи с камбуза. Вспомнил, что кроме чашки кофе (и, хм, ещё кое-чего) с утра в себя ничего не закидывал. А тут стоял тот же аромат свежей выпечки.

– Колитесь, – обратился к дежурному, – какими вы тут плюшками балуетесь?

Тут же нарисовался стакан чаю с булочкой. Сдобу проглотил влёт, а вот горячий чай не успел – появился штурман.

– Давай заново чертить пунктиры на твоих меридианах и параллелях.

Пошли.

Тот кивнул, не переспрашивая – надо так надо. Изменение курса уже само по себе предполагало коррекцию прокладки. Но когда узнал, чего хочет командир, тихо матерился – повозиться придётся всей штурманской группе.

Тем более командир недаром оговорился про «пунктиры», а не линии. Значит, маршрут может ещё неоднократно поменяться.

Малазийский архипелаг и без того непрост для навигации из-за тысячи разных островов. Теперь задача усложнялась – крейсер делал крюк, следуя до траверза острова Пасхи, затем поворачивал на «вест», вынужденно минуя острова Французской Полинезии. А там их как клёцок в супе, что напрягало лишними предварительными расчётами. Но благо штурманская база была забита на все случаи жизни и располагала данными, в том числе и по этому району: глубины, течения и прочие навигационные подробности.

– Видится мне, что американцы не оставят нас в покое, – пояснил Терентьев, – вот и приходится накручивать лишние мили, выписывая такие кругалы. Во всяком случае, до поворота на вест мы вынуждаем противника распылять свои силы, имея варианты для «вилки»: Вилючинск, Владик и, собственно, выбранная нами Камрань.

– Противолодочным?

– Толку, конечно, против самонаводящих нет, но не будем уж совсем упрощать жизнь супостатам. И, разумеется, опять гонять вертолёт. Ты своих штурманят озадачь, а сейчас надо собраться командирам боевых частей в информационном центре. Будем думать, совещательно.

* * *

Терентьев неторопливо, скорее даже устало, поднимался вверх. «Ну что? Можно сказать продуктивно поработали... головами».

Собрав командиров БЧ, Терентьев, как мог, довёл до офицеров не совсем приятную новость. Это если верить цэрэушнику. Но тут тема была из варианта «лучше перебдеть». И все абсолютно были согласны с его мнением, что встречать в новую драчку совершенно бессмысленно, если не вообще чего похуже. О каких-то совсем уж фатальных последствиях никто не высказался, оптимизма никто не утратил, тем более большинство офицеров ещё молодые парни, у которых дури в головах не занимать. Но последние события с абордажем, а особенно людские потери, военную

романтику поубавили.

Разобравшись с этим демократическим отступлением, а точнее вступлением, Терентьев перешёл собственно к тому, зачем собрал этот походный штаб, с основным вопросом «как?»... Как уклониться от встречи и возможного боевого столкновения с противником (потенциальным)? Как обмануть его разведку: спутниковую, воздушную, надводную?

Сразу получили свои первые задачи группа акустической разведки и группа БЧ-7. Перекинув на замов, продолжили в том же составе.

Исходили из того, что космическое наблюдение средствами фоторазведки за крейсером однозначно ведётся, тем более барометр стабильно указывал на ясное небо.

То, что нет американских воздушных разведчиков, это ещё ни о чём не говорило или как раз таки говорило. «Тарава» вполне мог нести только вертолёты, радиус действия которых уже преодолён. И больше у американцев в этой глуши ничего своего нет. Кроме союзников. Но австралийцам (или новозеландцам) гнать самолёт за 9000 километров нереально. Остаётся только Чили. Но так всё ещё впереди! И войдя в зону действия авиации с острова Пасхи, наверняка с чилийцами ещё «поздороваемся».

Не исключалось и самое мрачное предположение, что у звёзднополосатых тут всё есть, включая АУГ, только они специально не светятся – усыпляют бдительность.

Проблема поиска воздушных и надводных целей решалась тривиально практически. Если исходить из того, что американцам (благодаря спутникам) известно местоположение крейсера, то можно смело «поливать» окружающее пространство обзорной РЛС.

Более перспективной альтернативой был один из «камовых» в модификации «МФ», приписанный на крейсере по программе опытовых исследований ВМФ многофункциональных вертолётов корабельного базирования. Вертолёт выделили, сменные модули прислали, а специалистов «забыли», но... Один из специализированных комплектов оборудования был именно для дальнего радиолокационного обнаружения.

– Не было необходимости, вот и стояла на этой «кашке» стандартная аппаратура приёма данных с РГБ^[94] и магнитометр, – спокойно прокомментировал командир пилотажной группы, – наши «люксы» смотрели – ничего сложного^[95].

Командир БЧ-7 кивнул, подтверждая, но с оговоркой:

– Там антенна не такая, как на «Ка-31», поэтому будут сложности

сопряжения РЛС с пилотажно-навигационным оборудованием вертолѐта и ограниченное «поле зрения». Но задачу свою выполнит. Я предлагаю другое... – он сделал паузу и, получив молчаливое одобрение, продолжил: – Архитектура машины, конечно, не такая, как у «двести шестьдесят шестого», но позволяет впихнуть мощную РЛС. Мы в свою очередь можем повозиться с настройкой аппаратуры, ещё и нагрузить дополнительные блоки на внешнюю подвеску.

– Что это нам даст?

– В результате «Камов» будет «фонить», как целый крейсер. В нужных диапазонах и параметрах.

– Как это можно применить?

Объяснил в двух словах, примерно описал возможности.

Тут все зависли. Всколыхнулись. Обсудили. Посомневались. Пospорили.

– Насколько плотна орбитальная группировка США на время восьмидесятых? Отработать локатором в вертикальной плоскости, «словить окно».

– На спутниках стоят РЛС и бокового обзора...

– Сейчас ещё нет режима онлайн – данные получают дискретно, обрабатываются (а это время) и лишь потом ложатся на стол юсовцев. И не важно, кому сначала – непосредственно в Пентагон или оперативному штабу по Тихоокеанскому региону? Однозначно всё имеет допуски и погрешности по времени. А за это время мы можем улизнуть. Согласен – мы не реактивный истребитель, далеко не уйдѐм, но расчет и координация могут принести результат.

– Думаете, сможем их одурачить? Не в радиолокационной, так по инфракрасной сигнатуре нас один чѐрт срисуют. И компьютеры в Пентагоне и в частности в космической разведке вполне на уровне. Наверняка будет и чилийский самолѐт-разведчик.

– Может, срисуют. А может, нет. Может, удастся ввести в заблуждение, – и добавил: – Временно. А «чилийца»... а «чилийца» РЭБ задавим.

– А если и спутник – РЭБ?

– Без гарантии.

– А ведь неплохая идея, – задумчиво согласился командир, – сейчас ещё трудно сказать, но согласно предварительной карте погоды, устойчивый ветер с Антарктики и тёплые экваториальные течения к вечеру спровоцируют плотный туман. Потому можно сделать так: до момента идѐм РЛС светимся, как новогодняя ёлка. Затем, если будет чилийский

самолёт-разведчик – давим РЭБ, отворачиваем на восток и уходим в радиомолчанку. «Камов» со спецаппаратурой взлетает и следует заданным курсом, «расписываясь» нашим «почерком», но кратко временно, иначе спалимся. В точке поворота выдаёт последнюю порцию облучения и догоняет крейсер. Если вся эта филькина грамота сработает – хорошо! Нет – ну что ж, хуже не будет. Теперь в деталях...

Так, гоняя в голове ключевые тактические позиции, не заметил, как вышел на шкафут. Сразу ощутил другое дыхание океана. Сопоставил прокладку на штурманской карте со временем. «Ого! Почти три часа прошло! Значит, скоро будем на широте Новой Зеландии, потому так и тянет теплом».

После окраин Северного Ледовитого океана и стальных штормов южных полярных областей погода просто шептала. Заметил, что ни один он тут такой – народ так и норовил лишний раз высунуться наружу: свободные от вахты и личный состав, всё ещё занятый наведением порядка. Вскинул голову – на фок-мачте до сих пор ползали фигурки эртэсников.

День набирал силу, раздвинув облака и остатки ночного тумана, слепил солнцем, играя бликами на волнах. Сразу стали видны все пылинки, все неизбежные потёки ржавчины, находящие дорогу в трещинках краски, все огрехи, требующие помыть, подкрасить, подправить.

Тем не менее в лучах солнца посреди набравшей синеву воды, оставляя за собой тающую полосу кильватера, крейсер выглядел мощно и целостно, а если с высоты птичьего полёта, то наверняка просто великолепно.

Так и представил, как возносится вверх, охватывая взглядом океан, а вся внушительная сталь водоизмещения и архитектура надстроек корабля уменьшается по мере набора высоты, теряясь среди безбрежных просторов океана с округлостью горизонта.

Терентьев только сейчас проникся, как пустынно вокруг крейсера.

Как правило, любой поход, а тем более такого серьёзного корабля, всегда сопровождался повышенным вниманием потенциального противника: корабли стран НАТО в их зонах ответственности, облёты патрульными самолётами и, конечно, главные заводы всего этого сближения – американцы. Хватало даже гражданских торговых судов с любопытными капитанами.

«Идём и ни души, кроме нас. Не говоря о супостате, ни гражданского торговца случайного, ни траулера-работяги, ни сухогруза завалящего. Словно вокруг “Пети” – “Петра Великого” образовалась зона отчуждения.

Поразительное одиночество! Н-н-да, воистину одиночество – удел великих. Или мы опять провалились в дыру во времени? Нет! Эфир по-прежнему голосит восьмидесятыми. В другое время в пяти-десяти кабельтовых параллелил бы “американец” – эсминец или фрегат, а то и того ближе, позволяя на интервале вполне различать заинтересованные лица. И обязательно назойливо жужжало бы что-нибудь летающее, строго по графику сменяясь в воздушном дежурстве.

При Фолклендах тоже, кстати, было не скучно на соседей. То аргентинцы пожалуют, то соглядатаи британские. И чилийцы в том числе. Но там остро чувствовалось напряжение войны, и никто кроме аргентинцев не рисковал подходить близко. Сейчас мы в Тихом. Американское что-то в классе эминца недолго висело на хвосте – отстали. И “Нимрод” – англам быстро надоела эта слежка. У них война, им тратить на нас ресурс теперь не с руки. Но даже тут в полутора тысячах миль от военной заварушки, бритты держались словно за чертой, не смея пересечь границу зоны действия ПВО. Крейсер для Royal Navy по-прежнему оставался пугалом, но не пассивно-огородным, а с конкретной двустволкой на любую ворону. Или кем там они себя мнят – ястребами, орлами? Ну, пусть их».

Со стороны юта засвистели турбины вертолѐта, накручивая обороты на взлѐт, пока хлюпающий свист лопастей не достиг пика подъѐмной тяги. А следом короткими-условными завывла сирена, ожила корабельная трансляция, фок-мачта очистилась от копошащихся людей.

Терентьев тоже направился внутрь – по готовности включают локационные установки, при работе которых выход на палубу запрещѐн.

* * *

Может, эта пустынная безбрежность океана мнимая, но успокоила. Поверилось (да и просчитали), что до острова Пасхи так и будет – никого. Решил уделить внимание быту, отправившись к офицерскому камбузу. Заодно там где-то находилась каюта под парикмахерскую.

Теперь сидел, слегка парясь под синтетической накидкой, с неприятным скептицизмом разглядывая своё отражение в незнакомом зеркале. «Наши зеркала к нам привыкают. И мы к ним. И они нам врут». Самому ему до этого удавалось всё время стричься на берегу, и здесь он был впервые. Оказывается. «А думал – облазил весь крейсер».

Большим зеркалам не место на боевом корабле, и это, не дотягивающее по ребру и до метра, отражало на него всю правду-матку, о

недосыпе последних нескольких суток и о, как ни крути, уже полновесных сорока шести.

«Зато похудел – килограммов на пять-семь как минимум, на брючном ремне пришлось новую дырку колоть».

Матрос-срочник, который сейчас сопел над его головой с машинкой, сказал, что сюда ходят только офицеры и мичманá. Рядовой состав стриг себя сам – невелика наука. Да и тут было не бог весть какое оборудование – на уровне «эконом» на районе в подвальчике». Скупое, по-мужски, по-военному.

– Не «модельные» на бигуди наматывать, – улыбчиво ответил на это его замечание матрос, который отложил машинку и теперь быстро щёлкал ножницами под расческу.

– Шустро ты...

– У меня, чем быстрее, тем лучше получается, товарищ капитан первого...

– Ладно уж, будешь тут по уставу, – попустил ему Терентьев.

В воспитание младшего личного состава Терентьев не лез, оставляя это хлопотное дело офицерам, главному боцману и его «боцманятам» в частности. Поэтому предполагал, что в глазах матросов он – командир корабля, выглядит суровым, но справедливым корабельным небожителем, позволяя себе иногда по-простому поговорить с каким-нибудь матросом.

– Подстригать на гражданке учился?

– Никак нет, уже тут насобачился... ой, извините, – увидев, как командир вскинул взгляд, – в смысле ещё в учебке на троих курсантах потренировался. Правда, их до «ноля» достриг, в конце концов. А тут уж на «Петре» руку и набил. Я вообще талантливый... за что ни возьмусь – получается.

– Да неужели!

Словно не расслышав сарказма в тоне командира, матрос продолжил:

– Вообще оно по жизни всегда получается, – он замялся и даже стричь перестал, – если и не сразу всё, то в результате оказывается к лучшему. Да, к лучшему!

Последние слова прозвучали утвердительно, и эта троекратная смена настроений не укрылась от Терентьева, который взглянул на матроса вдруг с любопытством.

Помня о случаях психологических срывов у экипажа, в связи с переносом в прошлое, поинтересовался:

– «По жизни»? Какие-то сложности?

– Сложности? Скорей наоборот! Как-то всё одно за другим. И то, что

ещё вчера было так... ну, хреново, сегодня вдруг оборачивается хорошей стороной.

– ???

– Я же должен был дома, в родном городе, служить, в автобате. Но на проводах так набрались, носились с этими «водительскими», что хрен его знает куда их засунули. В военкомате, хоть майор и знакомый, ждать не стали (пока найдут или восстановят), засунули на пересылку. А там «покупатель» быстро всю группу – и на флот.

– Жалеешь?

Матрос снова взялся за машинку, начав подравнивать виски, словно не расслышав вопроса, продолжил:

– И в этот выход «Петра» в море я должен был остаться на берегу. Мне письмо пришло, а боцман сказал, что «нужна официальная телеграмма». Потом позвонили, что «телеграмма пришла», но мы уже начали движение из Кольского залива.

– А что, собственно, случилось?

– Мать у меня, – дрогнул голосом, – в общем, рак у неё нашли, поздно спохватились, врачи наши...

В голосе матроса о врачах сквозануло ненавистью, а затем опять оттаяло неприкрытой надеждой:

– Но ведь сейчас восемьдесят второй!!! Она совсем ещё молодая, и, зная заранее диагноз, можно... Ведь как я грыз себя за «водительские», боцмана костерил... Да понимаю я (не наивный), что нас всех будут в секрете держать: особисты, КГБ советское. Но не звери же они, пошлют человека, предупредить или в медучреждение информируют, медкарту ей рекомендациями переписут, профилакторий...

«А я? – подумал Терентьев. – Странно это так... Но если тут будет мой аналог, обязательно предупрежу, чтобы к зубам повнимательней был, а то к сорока шести будет одной керамикой жевать. Интересно, керамика в Союзе для рядовых граждан сейчас есть?»

– Я всё, товарищ капитан первого ранга, – матрос орудовал мягкой щёткой, смахивая стриженные волосы, – закончил. Вас надо одеколоном?

– Нет. Своим потом, – Терентьев встал, непроизвольно полез в карман за деньгами и с улыбкой: – Эй, а тут как с тобой... какой валютой берёшь?

– Да, что вы, товарищ...

– Ладно-ладно, знаю я, что на сигареты стреляешь. Я же не курю, но в каюте у себя посмотрю чего-нибудь, подкину. А насчёт матери не переживай, я на контроль возьму.

– Спасибо, товарищ капитан первого ранга.

На суше, но всё о том же...

Однажды понял, что вышел из того возраста, когда надо учиться на своих ошибках. И стоит получать удовольствие от них, совершая их раз за разом. Просто это моя жизнь, мой образ...

Главкомандующий Военно-Морским флотом СССР Сергей Георгиевич Горшков сидел у себя в кабинете в штабе ВМФ, разложив на столе два ряда фотографий. На одних был запечатлён скандальный и загадочный «Battlecruiser», так называемый «ПВ» – «Пётр Великий» (кормовая часть, шкафут, надстройки, почти полная боковая проекция), на других в тех же ракурсах крейсер «Киров» и чертежи «орланов» последующих проектов. Происхождение фотографий было не совсем простым. По факту – шпионские «ПВ» (со слов начальника разведывательного управления Главного штаба ВМФ вице-адмирала Иванова) прошли весьма замысловатый путь. От инициативного стармеха с аргентинского транспортного судна, удачно миновав рыскающих журналистов и агентов разведок (включая и советских, кстати). А всплыли (только подумать!) в Мексике, перекупленные советским военно-морским атташе.

Отдельной стопкой лежали снимки, полученные со спутника. Честно говоря, после ознакомления с этими (далеко не самого хорошего качества) фотографиями и понимания невероятного факта, ему хотелось тут же бежать-ехать-лететь и лично убедиться, что его «любимец»-«Киров» на месте несения службы, а не бороздит далёкую южную Атлантику. Происшествие с эсминцем «Сторожевой» ещё долго будет укором. Особенно после вежливого и вкрадчивого андроповского: «Сергей Георгиевич, а где на данный момент находится ваш первенец из серии “Орлан” проекта 1144?»

Аккуратно протерев стёкла очков, чуть подстроив отражатель настольной лампы, адмирал сначала навскидку рассматривал первую пару снимков, потом извлёк лупу и изучал уже более внимательно, делая пометки авторучкой. Затем он брал следующую пару и проделывал ту же самую манипуляцию.

Архитектура надстроек и одинокая артиллерийская башня на юте «незнакомца» говорили именно о том, на что сразу указал главный

конструктор проекта 1144 Купенский, едва ему дали взглянуть на ещё те (не качественные) фотографии со спутника: «Это больше похоже на очередные в серии проекта, один из которых ещё на стапеле, а другие даже не заложены. Более того, мы до конца ещё не утвердили некоторые проектные конфигурации».

Главнокомандующий отложил снимки, снял очки и устало протёр глаза. «Если это не затея самих американцев, то им гораздо проще! Они думают, что крейсер наш. Но нам-то известно, что это вовсе не так!»

Он знал, что КГБ и ГРУ с ног сбились, работая по верфям, на которых могли (тайно!) построить подобный корабль (включая союзников по Варшавскому договору). Знал о неудачных попытках подобраться поближе к кораблю средствами авиации и траулером – судном разведки. И о том немногом, что удалось выудить разведке из аргентинских источников. В Буэнос-Айресе были уверены, что крейсер советский!

«Но если это всё же американцы, то зачем?! Чтобы нажиться на англах? Так проще было не мешать нам чуть подвязаться за аргентинцев. Или это участие в англо-аргентинской заварухе лишь так... проба, а главное впереди, и цель – провокация, нацеленная на Советский Союз? Но если всё суть провокация, то строить ради подобного корабль такого класса (даже по деньгам), это должно быть что-то весомое».

Он озвучил своё соображение на закрытом заседании партийного руководства, но... Почему-то его выводы остались без внимания, а военным (включая и флот) было приказано не предпринимать никаких активных действий до выяснения... А ещё кое-кто из Политбюро на него эдак подозрительно косился! Адмирал даже усмехнулся, теперь вспоминая об этом без неприятия.

«А ведь действительно, кому как не ему – главнокомандующему флота, проще всего скрыть постройку корабля. Для каких целей только? Неужели старые хрычи забеспокоились о своих теплых партийных креслах при власти? Какая глупость – мне 72 года, мне в отставку уже пора! Устинов тогда ещё шёпотом по-свойски посоветовал пока не рыпаться. Но как же не рыпаться, когда “неизвестный” (по данным разведки) теперь в Тихом океане и направляется к северу с возможностью выйти к нашим дальневосточным коммуникациям? Ещё к этому можно присовокупить возросшую активность (и довольно значимую) американцев».

Главком достал тетрадь и, взяв карандаш, стал составлять текст приказа командующему ТОФ адмиралу Сидорову.

Инструктор управления технической службы ЦРУ вкратце описал, что им удалось сделать, протягивая папку с подробным отчётом.

Директор управления пододвинул её ближе, не спеша раскрывать. Стараясь не показывать своего недовольства – успехами сотрудники лабораторий пока не баловали.

«В конце концов, вины их особой тут нет. Прошло слишком мало времени для исследований. Конечно, со временем они докопаются, но тут явно нужна другая научная база и, к сожалению, придётся подключать новых специалистов». Его размышления прервал телефонный звонок. На другом конце провода был его заместитель по разведывательной деятельности. Но именно сейчас он возглавлял новый секретный отдел управления.

– Он умер, – тихо, но чётко прошелестело в трубке, – не приходя в сознание.

– Чёрт! – только и мог ответить. Подумав секунду, вяло приказал, понимая тщетность что-либо выудить из мёртвого тела норвежского пилота: – Вскройте его. Ищите новые факты: последствия прививок, зубные протезы, другие имплантаты или ещё чего. Хотя вряд ли – молодой военный лётчик должен быть здоров, как бык.

– Да, конечно.

На том разговор оборвали.

Директор ЦРУ раскрыл папку, пока невидяще глядя в текст. «А ведь уже завтра командующий морскими операциями требует обещанных разъяснений, почему управление так настаивало на этой затее с захватом крейсера. Хорошо хоть они перестраховались, и президент не знает об истинном положении дел, считая, что операция чисто британская и доля участия американских вооружённых сил минимальна. И что мне теперь предоставить в качестве доказательств? Аудиозапись единственного допроса норвежского лётчика, кое-что из его пилотской амуниции, радиотелефон, прелюбопытные наклейки с датами (в том числе и полученные с “Battlecruiser”)? Это, кстати, то, что связывает русский крейсер и норвежца. А по факту лишь догадки и гипотезы».

Директор ЦРУ отпустил подчинённого, сказав, что позже просмотрит его отчёт. Достал из сейфа свой журнал, хлопнув его на стол, открыл, начав небрежно перекидывать страницы.

«Так, что мы имеем?» Факты были изучены почти дословно.

«Второго мая, всплывшая под перископ в Норвежском море многоцелевая атомная подлодка “Ричард Расселл”, буквально неожиданно наткнулась на надувной спасательный плотик с норвежским пилотом. Лётчик, несмотря на свои аварийные средства, промок, находился в крайней степени переохлаждения. Его сразу хотели переправить норвежцам, но осматривающий пострадавшего судовой врач, а затем шкипер субмарины обратили внимание на некоторые странности в экипировке и найденных при лётчике личных вещах. Как-то, например, неизвестные купюры с датами следующего столетия, как и сами документы лётчика. Поскольку “Ричард Расселл” пребывала вблизи советских берегов для проведения специальных операций, на борту ПЛ находились агенты ЦРУ^[96]. Именно ими и был проведён более-менее успешный и, как оказалось, единственный допрос пилота. Затем по-прежнему находящегося в тяжёлом состоянии пилота передали на американское надводное судно и экстренно самолётом переправили в Америку. Всю дорогу пострадавший находился в коме, и вот, как донёс заместитель, скончался. У всех кто с ним контактировал и мог что-либо увидеть, взяли подписку о неразглашении.

Естественно, вместе с норвежцем передали все артефакты, что при нём нашли, включая протокол и магнитофонную запись допроса. Много из того, что успел сказать норвежец, смело можно было отнести к горячечному бреду, включая и упоминание о русском “Петре Великом”. А потом крейсер объявился в Южной Атлантике!

Из артефактов, прибывших для анализа и изучения, особо важно было отметить купюры (EURO) и, несомненно, мини-устройство – радиотелефон. Назначение аппарата определялось по многим деталям компоновки – именно радиотелефон! К сожалению, электронная начинка устройства напрочь промокла. Как сказали специалисты, «цепи закоротило», но помимо того, что прибор имел особый технический интерес, он ещё нёс в себе массу любопытной и противоречивой информации: название фирмы-изготовителя, место производства, включая маркировку и на мелких радиодеталях. В целом – какое-то шведско-японо-китайское сборище. А потом из аргентинских источников появилась похожая наклейка “made in China” с крейсера, включая вообще все странности, с ним связанные. Взаимосвязь становилась очевидной, но выводы всё равно не выходили за рамки фантастики. Он надеялся, что операция с захватом пройдёт успешно и начнут прорисовываться ответы, но... Но вот теперь надо что-то предоставить военным и не оказаться при этом до нелепости смешным. Вот только с фантазией у военных туговато. Им проще всё объяснить сумасшедшей дезинформацией русских, и

величайшая загадка может просто уплыть на сторону противника.

А пока “Battlecruiser” оставался в таком, можно сказать, беспечном и уязвимом, даже для данного класса корабля, одиночестве (как вчера на брифинге поведали знатоки морских баталий – адмиралы). “Красные” же предприняли всего лишь две попытки выйти на контакт с крейсером. Неудачные.

Вчера командующий военно-морскими силами в Атлантическом океане хвастался, как его “фантомы” не дали дозаправиться в воздухе русским гигантам морской разведки – Ту-95, сбивая шланги спутными струями. Правда, умолчал, что один F-4 зацепил русского “медведя”, скovyрнувшись в океан^[97]. А экипаж второй машины до последнего кружил над местом падения ведомого, пока не прибыл спасательный вертолёт, и им не хватило горючки до авиапалубы. Хорошо хоть всех героев потом подобрали. Но зато русские, в конце концов, отказались от своей затеи.

Вторым фактом было разведывательное судно Советов, маскирующееся под траулер. Тот просто не успел выйти даже на дистанцию радиоконтакта – “Battlecruiser” уже ушёл проливом Дрейка в Тихий океан».

Активней закопошились советские дипломаты в Аргентине, но насколько удалось узнать, работают они пока от нелегальных источников и на официальных лиц аргентинской стороны не выходили.

Глава Федерального агентства аккуратно внёс ещё одну запись с постановкой даты о смерти «объекта» за номером и кодовым словом, под которым числился норвежский пилот, так и не решив, стоит ли завтра выложить всю имеющую информацию на очередном совещании штаба.

«Хорошо хоть президент у нас, пусть и с заворотом в голове, но порой порешительней, чем кто-либо из ястребов из КНШ».

Крейсер

*Те, кто предпочитает скорее «быть» (в понятии),
чем «казаться», теряют в дешёвой и навязчивой
популярности.*

Тихий покорно притих, раскатав, разгладив пронзительно иссиня-зелёный «ковёр» своей неоглядности, оставив лишь мелкую рябь.

Давили хорошо – 200 оборотов на каждый винт (на валах только свист стоит), с расчётом пройти траверз Пасхи с наступлением ночи. Поэтому и противоположного как такового не делали. Так... периодически клали руля на румб-два, а «забежавший» вперёд «камов», опустив в воду антенну ГАС, слушал – никто там, притаившийся под водой, не метнётся на эту неожиданную смену курса.

Голоса вахтенного и рулевого рассеивались в объёме ходовой рубки, не долетая до стоящего у двери на крыло мостика Терентьева.

Хотел спокойно выйти покурить, но спокойно не получалось. Потому что по расчётам вошли в зону действия чилийской авиации. Полагал не прозевать момент, но «чилийца» всё не было, и Терентьев начинал нервничать. «Я так никогда не брошу курить». Стоял, дымил у открытой двери на правое крыло, поглядывая на траверз и по курсу. «Можно подумать, увижу дальше антенный “глаз”».

Тёплый ветер трепал волосы, рассеивая дым сигареты.

«Как заметно потеплело. Надо будет дать команду переодеть экипаж в “тропичку”».

Подошёл штурман:

– Вертится у меня в голове...

– Что?

– У американцев по программе «Спейс Шаттл» были запасные аэродромы для незапланированных посадок. В том числе и в Тихом. Вот не могу вспомнить – не на Пасхи ли?

– Чёрт, и ты молчал?

– Да я только вспомнил. А с другой стороны, если там пиндосы орудуют... ну, прилетит не чилийский, а вовсе уж американский самолёт. Какая разница.

– Или вообще не прилетит...

Тут громко подал голос вахтенный:
– Пост РТР. Отметка прямо по курсу.
Сигарета – долой! Буквально в пять шагов – к центральному пульта.
– Ну-ка, ну-ка!
– Сигнал слабый, но вполне чёткий. Азимут – ноль! По параметрам – самолёт!
– Уточни у БИЦа классификацию цели. На этом пеленге у нас остров Пасхи. Может, это не самолёт?
– Никак нет. Наблюдается смещение по азимуту. Дистанция устойчиво уменьшается.
– А ну-ка, давай ему «помашем рукой» навигационной РЛС.

После двадцати секунд мощного излучения следует реакция.
– Сила сигнала растёт! Параметры на азимут нулевые!
– Ага! Ключнул, голубчик. К нам повернул!
Терентьев оглянулся на стоящего позади штурмана, хотел, видимо, что-то сказать, но тот невозмутимо пожал плечами, дескать «чего ждали – то и прилетело», поэтому промолчал.

Теперь доклады следовали через каждые пять, три, а потом одну минуту: пеленг, угол места, параметры, сила сигнала.

Самолёт быстро приближался на высоте шести тысячи метров почти встречным курсом.

– Высоко идёт, – комментировал штурман.
– Да, высокоовато, – согласился командир и запросил: – Обстановка в радиозфире?
– Молчит.
– Надо его запросить.
– Давай я, – вызвался штурман.
Радиозапрос посылали трижды, прежде чем пришёл ответ.
– Чилиец, ВВС, – подтвердил штурман, – на международных, но как-то он скупо. Показалось, словно сквозь зубы. Неужели бритт в самолёте?
– Или американец...
– Американцы, как правило, попроще.
– Не будем гадать, – не стал усложнять Терентьев, – однозначно по нашу душу, кто бы там ни был.

Самолёт проходил чуть в стороне, на тех же шести тысячах. Вышли со штурманом на мостик, но на такой высоте невозможно было определить тип самолёта даже в мощный визир. К этому времени уже неумолимо

вечерело, и инверсионный след чётко выделялся бело-розовой полоской.

– Он чего, так и просвистит мимо? – удивился штурман, ловящий белёсый крестик в фокус бинокля.

– Нет, – Терентьев, в отличие от штурмана, не стал хвататься за оптику, – по-моему, пошёл на разворот. Или из-за кривизны сферы так кажется? Чёрт, сейчас же окончательно стемнеет, неужели он не захочет рассмотреть нас поближе?

Однако вскоре инверсионный след за удаляющейся машиной исчез, а примерно минут через двадцать пост РЛС доложил, что самолёт возвращается, постепенно снижая потолок.

– Так! Приготовиться! – Командир вернулся в рубку.

Машина чёрной точкой нарисовалась за кормой, но пилот явно показал намерения пройти в стороне, примерно в полукилометре. И по высоте так же – особо не выпендривался, опустившись не ниже тех же пятисот метров.

– Мы его случаем не уроним?

– Электроника должна «просесть», а «керосинке» его... хрена ль сделается?

Звук реактивных двигателей нарастал, но отсутствие дымного выхлопа говорило о том, что машина не форсирует, сбросив скорость. Когда «Канберра» (наконец удалось определить тип самолёта) проходил траверз крейсера, по команде врубили на полную излучатели РЭБ.

Казалось, ничего не произошло – самолёт продолжил свой полёт по прямой. Теперь его – удаляющегося, хорошо было видно из рубки.

– Он вырубил свои РЛС! – доложил оператор радиоэлектронной разведки.

Терентьеву показалось, что машина слегка покачала крыльями, словно лётчик пробовал реакцию на управление. Затем самолет, не меняя курса, плавно пошёл вверх.

– Он по-прежнему «ноль» в излучении! – продолжал докладывать оператор. – На радиозапросы не отвечает.

Ждали ещё минут двадцать, следя за меткой на радаре, «отбивая» удаляющуюся дистанцию.

– Он так и идёт не отворачивая, – подтвердил вторпом, – сдаётся... он спёкся. Пожгли мы его гетеродины.

– А у него гетеродины? – скептически удивился Терентьев.

– Да без разницы! Начнём? Пилотяг выпускать?

– Командуй.

– Объявили готовность! – оторвался от трубки «сидящий» на связи с ГКП матрос.

– Ну, всё, – хлопнул в ладоши Харебов, – давай отсоединяй свои путы. Уже сотый раз всё проверили-перепроверили.

«Камов» стоял в ярко освещённом ангаре, округлив на внешней подвеске контейнеры с аппаратурой. На одном из блоков был вскрыт лючок, к нему тянулись волны проводов от тестирующей аппаратуры. С настройкой у индикаторов возились техники из группы РТС.

Получив разрешение от старшего группы, стали отсоединять разъёмы, сматывая фидера.

– Бляха-муха, – тихо матерился один из техников.

– Что не так?

– Да я ещё на гражданке в бытовухе заметил! Возишься с проводами – обязательно перепутаются. Оставишь незабандаженные лежать за телеком, видиком и прочими прибрлудами... не трогаешь их! Ну, может, когда-нибудь веником-шваброй там прошуршишь – один чёрт перепутаются, переплетутся. Хаос, да и только!

– А это, – словно со знанием дела пояснил Харебов, – потому что планета – наша матушка Земля вертится вокруг своей оси, наявивая при этом вокруг Солнца. Солнечная система, в свою очередь, вращается по краю радиуса рукава от центра галактики...

– Какого рукава? – удивился техник.

– Рукава Ориона, неуч, – и продолжил нарочито авторитетно: – Да и сама галактика раскручивается спиралью, наверняка несясь во Вселенной по определённым законам.

– Да ладно!

– Так, космонавты! – Старший группы эртээсников привлёк внимание экипажа вертолётки. – Повторяю ещё раз: пойдёте на автомате по запрограммированному маршруту, вплоть до возврата на базу. В смысле на корабль. «Петю» тоже поведут строго по автопрокладчику. Но сами понимаете – инерциалка! Могут быть погрешности. Далее! Включение главной вундервафли на автоматику мы не поставили, но по сигналу периодически вы должны врубать передатчики. Сами. Вот вам полётная план-карта. Подкорректировали.

Харебов взял план-планшетку, быстро просматривая задание:

– На тридцать-сорок секунд? Не мало?

– У нас антенна, сам понимаешь, куцая, берём только силой сигнала. Моща будет из бортовой сети нехило отбирать. Так что всё лишнее выключа́й, а передатчик, как сказано – на короткие промежутки времени.

– А что у нас тут лишнего, а?

– Прикуриватель!

– Да иди ты... всё б тебе ржать.

– А ты не забывай ещё и о СВЧ-излучении, вам в кайф поджариваться?

– А защита... должна быть? Он же (имея в виду «камова») и под ДРЛО затачивался.

– Ага, скажи ещё, плекс покрыт слоем токонепроводящего золота. Кабина экранирована в задней полусфере, и всё! Слушай, а давай я тебе своего человека вместо твоего штурмана-оператора дам. Мало ли?

Харегов посмотрел на напарника:

– Ты как?

– Индифферентно. Хотят лететь, пусть летят.

– Добро!

– Товарищ майор, – заорал матрос на связи, – команда!

Завыл сигнал, пошли «на открытие» створки ангара.

* * *

Наползал туман, застилающий краснеющий горизонт, поэтому стемнело рано и стремительно.

На юте снова ожил подъёмник, выдавливая наружу «камова», увешанного габаритными «чушками» на подвесках. Винтокрыл штатно взлетел и канул в темноту.

Поступила команда переложить руль, и крейсер покатился на новый курс, заметно кренясь на циркуляции.

Обязательно вырубили всё излучающее. Приёмники исправно ловили эфирное радиобормотание. Выделялся близостью остров Пасхи – судя по нарастанию темперамента переговоров, «погасить» чилийского разведчика всё-таки удалось.

Через полчаса (по расписанию) отработал «камов»-провокатор. До крейсера долетел эхо-импульс и опять наступила тишина. Относительная, естественно – радиоэфир трещал и булькал, закономерно насыщенный далёкими и близкими радиоточками.

На ходовом мостике полумрак, для удобства наблюдения за надводной

обстановкой. Вахтенный офицер, делая записи в вахтенном журнале, не мудрствуя, подсвечивает себе тусклым светом экрана мобильного.

– Честно, я ожидал чего-то эдакого, – вполне себе разочарованно сказал вторпом.

– Во-первых, рано о чём-то судить, – едва уловимо пожал плечами Терентьев, – во-вторых, может, вообще наша уловка не сработала, и амеры нас по-прежнему отслеживают из космоса.

– Да я о чилийцах. «Канберру» их подслепили – ушёл. Так? А они особо не парятся. Должны по идее другой борт выслать.

– А сам что думаешь?

– Могу только предположить, у них просто не оказалось ещё одного подготовленного самолёта.

– Да... да, – рассеянно ответил командир. Бросил взгляд на планшет с планом боевой задачи. Сверил с часами и прокладкой. Вопросительно посмотрел на вернувшегося штурмана, ходившего в штурманскую рубку.

– Что скажешь, Виктор Алексеевич?

– По поводу?

– Да, вообще.

– Хотелось бы... – каптри на секунду запнулся, – хотелось, чтобы через пару часов, как вернётся Харебов, амеры в эфире панику подняли.

– А-а-а, ну, это да. Дескать, потеряли нас. Но давай всё-таки не будем переоценивать американов. Не думаю, что так уж идеальна система их радиослежения. Насколько я помню из этих реалий, они полагались в основном на данные фоторазведки. Теперь же, если амеры нас потеряют, будут искать по площадям, а с увеличением поля зрения уменьшится разрешение и качество изображения. Ищи иголку в стоге сена. Недаром же наши корабли всё время пасли с помощью обычных кораблей и самолётов сопровождения.

– Только вот тут всё-таки пройдем чуть стороной, – штурман указал на карте и пояснил: – Британские острова Пиктэрн. Если без задержек, получится, что они окажутся на траверзе аккурат в дневное время суток. Военные корабли бриттов, может, раз в год-то и навещают колонию, а так... чёрт его знает, какая сейчас там инфраструктура.

– Нам до них чапать цельные сутки.

* * *

В кабине «камова» контраст темноты и слабо подсвечивающих

разноцветных угольков контрольных светодиодов. Серо мерцает жидкокристаллический дисплей напротив эртээсника, расположившегося в кресле штурмана-оператора.

Пискнул выведенный прямо в наушники сигнал.

– Время, – прохрипел в гарнитуру Харебов.

Казалось, задремавший техник встрепенулся, щёлкнув на выносной клавиатуре, сменив картинку на дисплее, выказывая его многофункциональность – на экране отразилась информация по маршруту.

– Ага! Точка возврата. Приготовься, – предупредил он, – включая в последний раз. Или у вас говорят «крайний»?

– Не тот случай, – с улыбкой проворчал майор, щёлкая тумблерами, обесточивая всё лишнее. Действительно, как и предупреждал старший группы РТС, аппаратура «кушала» изрядно – на те тридцать секунд, что техник врубил излучатель, даже потускнели контрольные лампочки на приборной панели, а турбины завывли натужней от отбираемой генераторами энергии.

Время в мелких единицах измерения всегда звучит менее серьезно, чем в более крупнодисcretных. И сейчас всего лишь тридцать секунд в ожидании разворота для Харебова растянулись в целые полминуты нетерпения. Услышав в наушниках «всё!», майор заложил малую дугу с креном и, набирая экономичные полторы тысячи метров, взял обратный курс.

Возвращение на корабль в режиме автопилота без каких-либо задач казалось ещё нуднее. За остеклением кабины черно. Внизу кажется разбавлено серым туманом, а вот небо пронзительно усыпано звёздными колючками. И если бы не показания приборов, неизбежная вибрация и шум винтомоторной группы, чудилось бы, что вертолёт завис, затерялся в вязкости ночи и расстояния.

– Ты давеча про Солнечную систему и рукав Ориона... фанатеешь по космосу? – прервал молчание техник и, не особо дожидаясь ответа, стал излагать свои соображения: – А, по-моему, романтика космических путешествий в нашем третьем тысячелетии умерла. Как и рок-н-ролл. Так и представляю, спросят меня: «А вы там, наверное, уже Марс колонизировали?» А мы? «Буран» забросили. Уж не говоря о том, что страну просрали... Все теперь в мобильных гаджетах да компах засели.

– Не без того, – ответил чуть погодя майор, – но для начала оговоримся, что рациональное зерно тут есть – микрочипизация требует меньшей энергии питания и уменьшение веса аппаратуры, выносимой на

орбиту, что даёт выигрыш по топливу и полезной нагрузке носителя. Но... это всё ещё применительно к «реактивным подштанникам».

– «Подштанникам»?

– Ну да. Ты не задумывался, что космос, я имею в виду далёкий космос, осваивать всеми этими ракетами – тупиковая ветвь развития? Исследовать Солнечную систему реактивными двигателями в ньютоновской физике? Только до Марса лететь, при хороших раскладах, полгода. Это можно сравнить с Великими географическими открытиями и парусными кораблями, тогда тоже годами из путешествий не возвращались. А дальше? Хорошо, проводим аналогию – парусники сменяют паровики и прочие техноновшества. А у нас человеческие звездолёты достигают эйнштейновского предела – скорости света. Но! Например, до Арктура, что в созвездии Волопаса – сорок световых лет. И обратно! Восемьдесят лет только на дорогу! Кто их будет дожидаться? А там ещё, представь, запутка с релятивистским замедлением времени, согласно теории относительности.

– Так может эти... как их, гиперпрыжки?

– И тут свои неприятности. С Земли мы видим тот же самый Арктур, каким он был сорок лет назад. Ну, рассчитаешь ты координаты (а рассчитать ещё ог-го-го, ведь оно всё не стояло на месте, а очень даже двигалось), прыгнешь своим засратым «стартрэком»... а звезда уже сверновой бабахнула. Или ещё что...

– И чего?

– А вот тут мы подходим к развитию компьютерных и прочих микротехнологий. По мне так это инстинктивный откат человечества от грубого и не самого изящного решения. И поиск нового пути. Люди, как вода – текут, куда удобно. Мы даже в любви-сексе пытаемся быть практичными и целесообразными, несмотря на природные установки тотального размножения. Познать макро через микро! Тенденция говорит о следующем уровне, энергетическом в том числе. Квантовом. А квантовая теория предполагает как вероятностную составляющую, так и темпоральную интерпретацию.

– Непонятно...

– А то, что случится тебе и звёздное небо для романтиков и влюблённых, и то реальное, которое на данный момент там, с вышеупомянутым Арктуром. Короче, будут какие-то заигрывания с физикой времени и прочей темпоралистикой. Пусть не сразу, но прорыв случится. Вся эта кнопочно-сенсорная виртуальная копошня будет накапливаться и когда-нибудь «выстрелит».

– Я бы, может, ещё посомневался и поспорил с твоей

темпоралистикой, если бы не одно «но»...

– Это ж какое?

– Самое ближайшее – мы тут... в прошлом... оттуда! Может, кто-то уже «выстрелил», и мы в чьих-то планах. Или так... побочный эффект, например.

Неожиданно высказанная мысль вернула, как говорится, с неба на землю.

– Да-а-а, подкрался трындец... незаметно...

– Считаешь, что трындец?

– Представь, что о нас думают там. Командование, понятно, будет молчать до последнего. А потом? Ведь вся эпопея с «Курском» прошла через меня. И бардак, и попытки вытащить ребят, и слёзы их родных. Мы-то знаем про себя – живы, но как подумаешь, что тебя уже похоронили. И каково твоим... там...

– Меня тоже удивляет – почему у нас так мало, практически никого, кто впадал бы в депрессию или дурел из-за этого провала в прошлое? Ведь действительно у большинства там остались жёны, подруги, дети...

Майор молчал минуты полторы, потом, медленно выговаривая, ответил:

– Просто некогда заниматься самокопанием. Не знаю, как у вас, а нас на противолодочном поиске загоняли в хлам. От койки – до койки. А ещё, я так думаю, во всех нас (моряхах) сидит что-то фатальное. Несмотря на общечеловеческую слабость простого желания, чтобы тебя ждали на берегу, дома, мы все подсознательно готовы никогда не вернуться. Потому что море жестоко. А уж для лётчиков грохнуться на землю (или в океан) по любой из причин не считается чем-то из ряда вон... Тем более мы военные.

После этого техник уже не задавал никаких вопросов и подал голос, лишь только когда автопилот просигналил о подходе к точке рандеву, а предательский желудок скакнул к горлу – пилот резко повёл машину вниз.

– А если мы не найдём корабль?

– На крайний случай выведут с помощью посадочных РЛС, – и успокоил: – Да тут он где-то!

И всё равно тёмная громада крейсера выскочила из смоляной черноты неожиданно, промелькнув под брюхом.

На корме тут же вспыхнули дополнительные посадочные огни, и, дав небольшой круг, сели без эксцессов.

Уже в ангаре, сняв спаскостюмы, техник сказал:

– Трепыхания всё это наши... Мне космос напоминает океан, где есть

всякая мелюзга, рыбы, крупные рыбы и большие дядьки-киты, которые кушают планктон.

– И чего?

– Так вот, люди не планктон, они ещё меньше. И их не трогают, пока они не всплывают.

– Кто не трогает – инопланетяне?

– Фы-ы! Инопланетяне...

– Ого! Уж не высшие силы, типа парня с нимбом, то бишь Бога ты имеешь в виду?

– Типа того! И всё решено или предрешено за нас.

– Да ладно, прорвёмся! – Выполнив задание, майор чувствовал удовлетворённость и благодушие. – На всех планетах земного типа в этой Вселенной растут яблони.

И для бесшабашной вескости достал из кармана зеленоватую «семеренку», смачно надкусывая.

Оставленные... побитые и несчастные

*Я пропа́щая, как блу́дница.
И на улице
Дождь сутулится.*

«Инвинзибл» стоял на якорной стоянке в одной из более-менее защищённых от ветра бухт Южной Георгии, скособоченно застыв среди кашицы мелких льдин, осыпaeмый то дождём, то мокрым снегом.

Корабль имел ужасный вид: опалённый корпус накренился пятиградусным креном на левый борт. В корме, куда пришёлся удар ракет, зияла отвратительная дыра. В районе миделя, где рванул «Гранит», борт получил неестественную выпуклость с местами рваных отверстий и трещин в металле, а палуба горбатилась изорванной розочкой, топорщась исковерканными палубными листами.

Длинная островная надстройка почти вся выгорела (уцелел лишь мостик), при этом в жёсткости конструкции грот-мачты что-то надломилось, и она загнулась к правому борту. Поскольку корабль имел крен в обратную сторону, то казалось, что мачта упрямо желает торчать строго вертикально.

Внутренние детонации привели к тому, что на участке разошлись швы корпуса, и ещё во время буксировки происходила медленная фильтрация забортной воды. Уже в бухте Южной Георгии более благоприятные погодные условия позволили устранить течи.

Присланная из метрополии специальная комиссия, в которую входили в том числе и специалисты в области живучести корабля, пришли к выводу, что восстанавливать изуродованное судно не имеет смысла.

Тем не менее материал для исследований (в плане живучести и противостоянию корабля подобным ударам) был очевиден, поэтому в утробе авианосца продолжали копошиться специалисты. А также технические бригады, целью которых было снять всё уцелевшее и имеющее хоть какую-то ценность.

В районе 121-го шпангоута рабочие ремонтной бригады нашли железяку, вызвавшую интерес, и послали за более соображающими специалистами.

— Здесь пожар был оперативно потушен, поэтому всё относительно

уцелело, – глубоко дыша, показывал монтажник, подсвечивая фонарём, – а я почему-то сразу понял, что это движок, но не «харриеровский». Тут на боку даже маркировка осталась...

Инженер-офицер заинтересованно склонился над запёкшимся агрегатом, соскребая начинающую присыхать пожарную пену.

– А ну-ка, фонарь поближе...

– Во-во, – продолжал тараторить монтажник, – там точно не наши закорючки...

Но офицер его уже не слушал, привстав, осматривал отсек и пролом в переборке, прикидывая, как половчее вытащить изжёванный реактивный двигатель от русской ракеты до кормового подъёмника.

Вскоре находку подцепили кран-балкой пришвартованного к боту судна-обеспечителя.

– Боеголовка была бронированной – смогла проломиться почти до миделя, а двигатель и прочие стабилизаторы оторвало ещё в районе полюта. Следует облазить весть пролом и место взрыва. Может, что-нибудь ещё разыщете, – объяснил офицер старшему демонтажной группы и отправился составлять срочный рапорт начальству – маркировка на русской ракете вызвала у него определённое недоумение.

* * *

Никто не любит рассказывать о своих поражениях, тем более мальчики. Тем более перед девочками.

Директор британской секретной разведывательной службы МИ-6 Чарльз Грэй хоть и не был причастен к неудачам военных моряков, но как человек, отвечающий за внешнюю разведку, в том числе и для флота, чувствовал свою, пусть и косвенную вину.

Приезд Маргарет Тэтчер был неожиданным. Грэй находился в техническом отделе службы и, не став суетиться, попросил секретаря препроводить премьер-министра сюда же.

Зал технического подразделения был заставлен аппаратурой, сновали сотрудники, преимущественно в лаборантской спецодежде.

Глава разведывательной службы встретил гостей (Тэтчер сопровождал личный секретарь) в центре зала, руки не подал, потому что был в резиновых перчатках, перепачканных чем-то чёрным.

– Что это? – с ходу спросила «железная леди», кивнув в сторону обгорелых металлических фрагментов, разложенные на небольшом

возвышении в центре зала.

– Остатки ракеты русских. Хвостовая часть и частично блоки управления, как мы думаем.

– И как?

– Неплохо! – ответил возившийся с останками сотрудник, с виду лаборант-очкарик – его перчатки тоже были измазаны сажей. В руках он держал какой-то деформированный блок и самую обыкновенную лупу.

– Неплохо, – ещё раз повторил он, – вот взгляните...

Тэтчер отстранилась – сотрудник неуклюже пытался что-то показать, сунувшись со своими инструментами и едва не запачкал ей костюм.

– Ой! Извините! Просто это любопытно.

– На словах, если можно... – сморщила свой острый нос (или носик) женщина и тут же восстановила невозмутимость, поддерживая имидж деловой леди.

– Понимаете, – вступился за своего человека начальник разведки, – русские, в целях дезинформации, регулярно производят перенумерацию и переименование в своих секретных управлениях, военных организациях, не говоря уж о простых боевых единицах. Цель, как я уже сказал, ввести в заблуждение противника, то есть нас.

– Но тут они превзошли сами себя, – не утерпев, влез лаборант, – так напутав с датами и маркировкой своих изделий, что я не знаю...

– Понятно, – сухо кивнула пример-министр, продолжая безразлично кривиться, – давайте отойдём.

Директор, наконец, с помощью сотрудника стянул перчатки, на всякий случай протерев руки влажной салфеткой:

– Ко мне в кабинет?

– Нет времени.

Действительно, отойдя лишь на немного в сторону, Тэтчер тихо спросила:

– У нас есть кто-нибудь в ЦРУ?

Грэй сразу понял, что подразумевалось под понятием «у нас».

Не имея привычки торопиться, он минуту обдумывал, прежде чем ответить:

– У нас есть законсервированный агент. Так сказать, на всякий случай. Союзники союзниками, но... – Хотел добавить, что янки при необходимости нередко норовят вставить палки в колёса. И что с ними надо держать ухо востро, но увидев молчаливое понимание в глазах Тэтчер, не стал развивать тему.

А та, поджав губы, продолжала интересоваться:

– Скажите, что может быть такого интересного в этом корабле «красных»? Я не очень разбираюсь во всех этих военных железках, но согласитесь, что планировать захват военного судна уже само по себе нетривиально, а теперь они, едва только пронюхав о наших невольных трофеях (с горькой усмешкой)...

– Мы не делали из этого секрета, – попытался оправдаться шеф разведки, не заметив, что перебил собеседницу, – по крайней мере, от американцев.

– ...едва они узнали о вывезенных нами фрагментах советской ракеты, – нажала премьер-министр, – проявили к этим трофеям не просто интерес, а знаете... эдак настоятельно попросили их себе. Полностью! Готовы выкупить.

Грэй пожал плечами. Ничего удивительного в интересе американцев к разработкам русских он не видел, но подумал, что, наверное, с такими заявлениями стоит приглядеться к этим железякам повнимательней.

А Тэтчер ещё и усугубила:

– Более того, американская сторона на переговорах о поставках оружия стала более сговорчивой. И тут я вижу почти прямую связь. А точнее, мне довольно непрозрачно намекнули... Мы, конечно, пойдём им навстречу, но ваша задача откусить и свой кусок от этого пирога, – при этом она со значением указала на громоздящиеся обломки в центре зала.

Затем, дав понять, что не собирается ждать ответа, когда и так всё понятно, коротко попрощалась, попросив лишь, чтобы её проводили на выход.

Глядя вслед цокающей каблуками Тэтчер, Чарльз Грэй подумал: «Да-а, “железная леди”! Нравится ей это прозвище, которым наградили её большевики. Так и старается поддерживать этот нестигаемый образ».

Раскинулось море широко...

Дверь на крыло мостика была приоткрыта, и Терентьев с особым наслаждением вдыхал атмосферную близость к экватору. Шагнул из рубки, окунаясь в бескрайность пространства, будоража загнанную на эмоциональные задворки юношескую романтику, которая упрямилась и через взрослые хмурости порывалась назвать морские мили парсеками, особенно когда небо упало сверху глубиной космоса и мириадами звёзд.

Фантазии играли не долго, и разбежавшийся взгляд сузился до конкретики, выискивая ползущие огоньки вражеских спутников. Хотя это могли быть и советские сателлиты, которые пока вроде как и не свои, но и не друзья.

Эта импровизированная обсервация длилась не долго – дул устойчивый северо-восточный ветер, гнавший влажные и теплые (до +20) потоки, что было характерно для этих широт в это время года. С севера край космической сферы уже затянула чернота, медленно наползая на зенит, тёплые дуновения высасывали из океана стылую влагу, клубя, а чаще вытягивая длинные и широкие полосы тумана. Порой такие густые, что иногда казалось, что нос корабля врежется во что-то осязаемое.

Для Терентьева утро этого дня, начавшееся с оптимизма и прилива бодрости, не растратило настроения за весь насыщенный день и лишь к вечеру приспустило флаги, словно приглашая вдумчиво и с оглядкой подвести маленькие итоги. «Ну, итоги подводить пока рано, а вот то, что в голову всякая философская хрень лезет – это точно».

Шли в режиме молчания. Сигнальщики из-за тумана опять усилили, поэтому, чтобы не путаться под ногами, Терентьев вернулся в рубку, усевшись размышлять в своё законное кресло.

«Интересно! Это такое диалектическое свойство психики – находить объяснения своим поступкам, ошибкам и... и оправдывать? Лишь потом, понимая, что всё держалось на каком-то волосочке... по самому краю неосознанного наития и рассчитанной “чем чёрт не шутит” надежды... аргументами неверия «выгорит – не выгорит», и уж совсем скептическим “нет, ну и ладно”! Получается, что всё де... действие, а не дерьмо! В общем, вся катавасия, раскручивающаяся вокруг нашего, скажем так, коллективного разума (походного штаба корабля), выстраивается во вполне

связанную цепочку. События нанизываются друг на друга, последовательно укладываясь, притираясь боками, словно сегменты пазлов. Когда необдуманные и спонтанные действия (и следующие за ними вполне логичные, в связи со сложившимся положением) оказываются верными и даже выверенными. И более того, спонтанность выявляет эдакую изворотливость ума, подтверждая справедливость латинской психоформулы: “необходимость обостряет разум”, выбирая совершенно неожиданные решения. И это не только по задумке эртээсников (в том, что сработает, почему-то совершенно не сомневался), а если обозревать все события, главным из которых, естественно, являлся сам перенос в прошлое. И хочется очередной раз задать вечно ускользающий за аврами вопрос “почему”. Почему они здесь? Или зачем»?

Склянки отбили очередные четыре часа. Уже вернулся «камов» майора Харебова, а так желаемой штурманом паники в американском эфире не произошло.

Терентьев проснулся во время очередной смены вахт, сползая с кресла, разминая занывшую поясницу.

Спокойный тон вахтенного говорил о том, что ничего важного не произошло. Поэтому улучив ещё время для отдыха, отправился к себе в каюту, даже не удосужившись отдать распоряжения, зная, что если что-то случится, один чёрт с койки его выдернут вмиг.

notes

Примечания

1

БЧ – боевая часть.

КСФ – Краснознамённый Северный флот.

СКР «Туман» – сторожевой корабль проекта 11540 предназначен для поиска, обнаружения и слежения за подводными лодками противника, обеспечения противокорабельной и противолодочной обороны боевых кораблей.

МЧПВ – морские части погранвойск.

Норвежские корабли береговой охраны типа «Нордкап» и «Пётр Великий» – тяжёлый атомный крейсер типа «Орлан» вошли в состав своих флотов в восьмидесятых годах XX века.

Начиная с апреля 1920 года норвежские промысловые суда вторгались во внутренние воды РСФСР – от Мурманска до Архангельска, варварски истребляя десятки тысяч тюленей. Зачастую их сопровождали норвежские военные корабли, которые открывали артиллерийский огонь по русским пограничным катерам. Лишь с появлением в 1933 году на Баренцевом море первой группы советских боевых кораблей, вторжения норвежцев прекратились.

Западная Лица – название пункта базирования подводных лодок Северного флота России.

ПЭЖ – пост энергетики и живучести.

БИЦ – боевой информационный центр.

«KYSTVAKT» – «береговая охрана» (*норв.*).

В Нортвуде (пригород Лондона) расположен штаб Королевского флота Великобритании.

Вьюшка – барабанная лебёдка.

ГКП – главный командный пункт.

Имеется в виду высказывание адмирала Битти во время Ютландского сражения.

БЧ-7. Радиотехническая боевая часть.

Самонаводящаяся противолодочная торпеда АТ-1М.

«Ревущие сороковые», «неистовые пятидесятые» и, пожалуй, «пронзительные шестидесятые» – названия, данные моряками океаническим пространствам между 40° и 60° широтами в Южном полушарии планеты, рядом с Антарктидой, где господствуют сильные, часто ураганной силы ветры.

Зачастую моряки называют свой корабль «железо», как правило, с уважительными нотками.

Морская группировка Королевских ВМС в Фолклендской операции насчитывала 125 кораблей, из которых более 80 являлись транспортными и вспомогательными.

Авианосцы «Гермес» и «Инвинсибл». «Шеффилд» – эсминец УРО, «Атлантик Конвейер» – переоборудованный под авиатранспорт контейнеровоз, потопленные авиацией Аргентины в ходе боёв.

БЛА – беспилотный летательный аппарат.

БМТР – большой морозильный траулер-рыбзавод.

ЗИП – запасные изделия прилагаемые.

После победоносной Фолкленской войны «Conqueror» приняла участие в операции «Официантка» – краже буксируемой гидроакустической станции в советских территориальных водах.

Falkland – английское название. Malvinas – испанское.

Банка Бердвуда – обширное мелководье к югу от Фолклендских островов.

События реальной истории 4 мая 1982 года.

10 мая 1982 года министр иностранных дел Аргентины Коста Мендеса в беседе с госсекретарем США А. Хейгом заявил, что его страна может обратиться за военной помощью к Советскому Союзу.

Остров Вознесения (3800 км от Фолклендов). Для полётов с базы до места боевых действий британским самолётам приходилось использовать несколько самолётов-заправщиков.

Имеется в виду операция «Катапульта», по нейтрализации на тот момент ещё союзнического флота, чтобы французские корабли не достались гитлеровской Германии.

«Shipwreck» – натовская классификация ПКР «Гранит».

Через двое суток, справившись с пожарами, аргентинский экипаж привёл корабль на базу.

«Второй» – расхожее название второго жилого микрорайона. От центрального городского пляжа до «второго»

примерно 10 км. «Железка» – железная дорога, проложенная вдоль лимана.

«Собачья вахта» – вахта на флоте, длящаяся с 00:00 до 04:00 часов.

База ВМФ СССР в бухте Камрань во Вьетнаме.

«Вайгач» – навигационная РЛС.

Линейный крейсер «Святой Пётр» – спасибо за помощь.

ВЦ – высотная цель.

С 1991 года, в связи с международными соглашениями о запрете ядерных крылатых ракет морского базирования, все П-700 «Гранит» должны быть оснащены только конвенционными боевыми частями.

БИЦ – боевой информационный центр.

КП РЭБ – командный пункт радиоэлектронной борьбы.

«Форт» – зенитный ракетный комплекс морского базирования с установкой вертикального пуска. Предназначен для уничтожения высокоскоростных, маневренных и малоразмерных целей во всём диапазоне высот.

Для большей уверенности в поражении комплекс наводит на одну цель сразу две ракеты.

Британский стратегический бомбардировщик «Вулкан» имеет компоновку «бесхвостка».

РЛС «Позитив», обеспечивающая целеуказание для зенитно-ракетного комплекса «Кинжал».

На головном корабле проекта «Орлан» – «Кирове», комплекс «Форт» имел ракеты с дальностью поражения 75 км. На «Петре» дальность поражения новыми 48Н6Е2 доведена до 200 километров.

Скопа – крупная хищная птица, распространённая в обоих полушариях планеты.

Royal Air Force College Cranwell. Вест-Поинт, Аннаполис – военно-учебные заведения в Англии и США.

Фернет – бальзам, распространённая в Аргентине травяная настойка крепостью 40°.

Во время бомбардировок Югославии в 1999 году югославы использовали обычные микроволновки, для увода ракет и бомб, наводящихся на них как на источник радиоизлучения.

Несколько разведывательных «Канберр» из 39-го эскадрона Королевских ВВС было направлено в Чили, но по политическим причинам англичане не стали их использовать под собственным флагом. Зато на чилийской авиабазе Агуа Фреска появились самолёты данной модели уже с чилийскими опознавательными знаками.

Самолёт «Супер Этандар» оснащён РЛС «Agave», параметры которой англичанам были известны.

«Экзосет» – (*фр.* Ехосет – летучая рыба).

Изобата – (на карте) изолинии равных глубин. Фактически мелководье.

«Грузите апельсины бочками» – цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок».

П-500 «Базальт». В кодификации НАТО: SS-N-12 «Sandbox» (*англ.* «песочница»).

Terrible fire – страшный огонь, crippled – калека (*англ.*).

Брочинг – захват судна волной, с потерей управляемости, самопроизвольным разворотом лагом к волне, креном и опасности опрокидывания. Как правило, подобной угрозе подвержены корабли с малой длиной корпуса.

Леопольдо Галтьери – диктатор Аргентины, глава хунты.

Перед стартом пусковой стакан комплекса заполняется водой, чтобы снизить термические нагрузки на ракету и пусковую установку.

Минимальная высота полёта П-500 «Базальт» – 50 метров. «Си Дарт» способен «обработать» цель, летящую на высоте 30 метров.

Скопин, видимо, вспомнил эпизод из фильма «День выборов».

«Шило» – этиловый спирт, выдаваемый для технических нужд. Употребляется как в разбавленном виде, так и в чистом.

«Peter the Terrible» (*англ.*) – «Пётр Ужасный».

В соответствии с поставленной задачей и условиями хода, командир корабля устанавливает «назначенный ход». Например, назначив «полным ходом» – 26 узлов, при котором и рукоятки машинного телеграфа будут поставлены на «полный ход вперёд». «Самый полный» всегда больше «назначенного хода» на 4 узла, стало быть, в нашем случае – 30, несмотря на то что крейсер может выдать полных 32. «Малый ход» есть половина «назначенного».

ППДО – противоподводно-диверсионная оборона.

Сигнал!.. И по-волчьи, и по-бычьи,
И как коршун на добычу.
Только воронов покличем
Пировать.

(В. Высоцкий)

Главная энергетическая установка.

SAS – Special Air Service. Спецподразделение вооружённых сил Британии.

Провальная операция «Дельты» по спасению заложников на территории Ирана в 1980 году.

«Огневик» (*флотский сленг*) – принадлежность к БЧ-2 (ракетно-артиллерийской службе).

Видимо, I'm a sailor (*англ.*) – Я моряк, не «Дельта».

«Привод-В» – радионавигационная система управления полётов и посадки вертолётот.

Гравитационный птоз – состояние, при котором под действием силы земного притяжения провисает кожа лица.

«Кубинский ракетный кризис» – так чаще в США называют Карибский кризис 1962 года.

Имеется в виду потолок (1500 км) при средней скорости 220 км/ч практическая дальность Ка-27 достигает 900 км.

Опоясывающие земной шар западные ветры образуют в проливе Дрейка мощное течение (до 4 км/час). А материковая

отмель, которая простирается между мысом Горн и Шетландскими островами (500 миль), порождает огромные волны (при штормах), разбивая их буруны.

Эффективная площадь рассеивания.

Второй помощник капитана.

Комитет начальников штабов.

Английские «Харриеры» в лицензии американской McDonnell Douglas.

Вашингтон. Официальное название округ Колумбия (District of Columbia). В разговорной речи обычно – город «Ди-Си». В Виргинии находится штаб ВМФ США.

В реальной истории:

- эсминец «Глазго» – 454 кг неразорвавшаяся бомба, застрявшая в машинном отделении;
- эсминец «Энтрим» – неразорвавшаяся бомба;
- фрегат «Плимут» – четыре (!) неразорвавшиеся бомбы;
- фрегат «Аргонавт» – две неразорвавшиеся бомбы; – фрегат «Элекрити» – неразорвавшаяся авиабомба;
- фрегат «Броудсворд» – пробит насквозь неразорвавшейся бомбой;
- десантный корабль «Сэр Ланселот» – 454 кг неразорвавшаяся бомба;
- десантный корабль «Сэр Бедивер» – неразорвавшаяся авиабомба; – флотский заправщик «Бритиш Уэй» – неразорвавшаяся авиабомба; – транспорт «Стромнесс» – неразорвавшаяся авиабомба.

Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью (*Отто фон Бисмарк*).

Подобная акция произошла в марте 1983 года.

Царство Польское – территория в Европе, находившаяся в составе Российской империи с 1815 по 1917 год.

Руководителем восстания на большом противолодочном корабле ВМФ СССР «Сторожевой» стал замполит корабля, капитан 3-го ранга В. Саблин. В своём заявлении он обвинял руководство партии и советского правительства в измене принципам революции, отсутствию свободы и справедливости. Одно из предъявленных требований – объявить территорию «Сторожевого» свободной и независимой от государственных и партийных органов на один год.

В 1961 году командир плавучей базы подводных лодок «Смольный» Ю. Плешкис привёл корабль к острову Готланд (Швеция), где попросил политического убежища.

Том Клэнси. «Охота за Красным Октябрем». Роман о командире-перебежчике, совершившем побег ни много ни мало на целом подводном атомоходе. Написан в 1984 году, но работать над сюжетом автор начал ещё в восемьдесят втором.

Панель ПЭМ – пневмоэлектроманипуляторов.

Credo quia absurdum (*лат.*) – верую, ибо абсурдно.

РГБ – гидроакустический буй.

«Люксами» на флоте принято называть те БЧ, личный состав которых, как правило, не гоняют на тяжёлую и грязную работу. В данном случае имеется в виду БЧ-7 (радиотехническая).

Видимо, имеется в виду операция «Вьюнок» по «подсадке» к секретному советскому кабелю в Баренцевом море.

Ту-95. В классификации НАТО – «Bear» (медведь).